

9(с)12

0-66

АКАДЕМИК А.С. ОРЛОВ

Владимир

МОНОМАХ

1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИЖНИК
М. 1950

Z. 1706

K

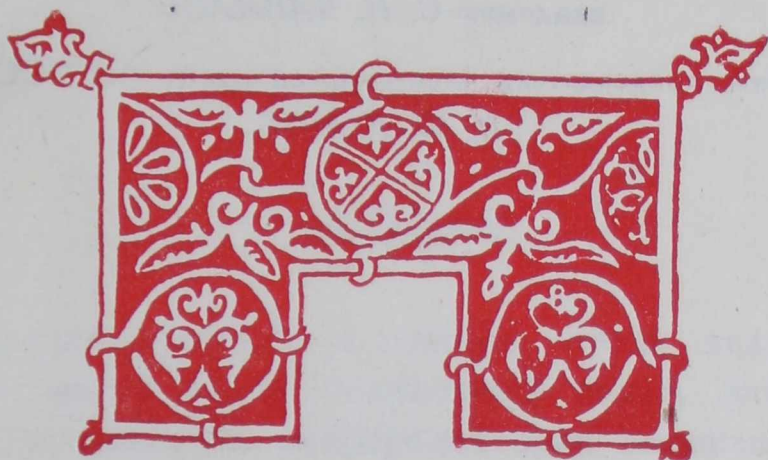
Стручков
1947.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

А К А Д Е М И К
А. С. О Р Л О В

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

9/c)12
066

Владимир
Мономах

ПРОВЕРЕНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1946

ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
И. М. 97
Изд. № 1706

Под общей редакцией Комиссии АН СССР
по изданию научно-популярной литературы

Председатель Комиссии Президент АН СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент АН СССР
П. Ф. ЮДИН

ВВЕДЕНИЕ

Редко можно встретить в истории столь величественный и в то же время столь человеческий образ, как Владимир Мономах. Эти свойства непосредственно вытекают из прямых о нем данных в средневековой книжности и поражают своей вековой стойкостью в ней. Свойства эти слагаются в образ еще до научной их обработки и вызывают бережное к себе отношение и доверие.

С другой стороны, отсюда же возникает потребность убедиться в действительности данного образа, потребность освободить его носителя от скупого схематизма средневековой книжности и растолковать применительно к новым текущим историко-социальным представлениям. Развитие и рост взглядов историков и литературоведов также вызывают в нас бережное отношение к их сменяющимся высказываниям о Мономахе.

Сообщая в предлагаемой книге и прямые данные письменности и их ученые истолкования, мы одинаково стремились по возможности не нарушать их назойливым вмешательством, чтобы не обесцветить индивидуальных восприятий и воссозданий образа Мономаха.

В этом историографическом ряду находят себе место и наши собственные воззрения на Мономаха, которые неизбежно основываются на признании его великих заслуг перед Родиной.

А. Орлов

ГЛАВА I

ЛЕТОПИСНЫЕ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ БИОГРАФИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В пору феодального средневековья среди правящей группы князья периодически встречаются деятели, которые поддерживали возможную законность в тогдашнем порядке правления и способствовали равновесию взаимоотношений феодалов в интересах государственного единства.

Не у всех таких лиц были одинаковы методы практики, и применявшиеся ими „средства оправдывались целью“ в разной степени допустимо. Наибольшей близостью к желанному тогда образу государственного правителя считался Владимир Мономах, как о том свидетельствуют история и легенда. Речи Мономаха, его автобиография и переписка сообщают единый цельный образ, всегда равный себе, создавшийся на основе принципов „духовной“ теории и здоровой практики. Оригинал этого образа, Мономах, сам рекомендует его, как пример хороших свойств и благого поведения. И, несомненно, этот образ так и воспринимался, будучи оправдан моралью духовной книжности и незапятнанной биографией героя.

Описывая кончину Ярослава, в 1054 г., из всех сыновей его летописец особенно выделяет Всеволода. Именно он находился при умиравшем отце: „бе бо любим отцем паче всее братьи, егоже имяше присно у себе“. „Всеволод же спрята

тело отца своего, възложыше на сани везоша и Киеву [из Вышегорода]... принесше положиша и в раце мороморяне, в церкви святое Софье, и плакася по нем Всеволод и людье вси". Ярослав женил Всеволода на царевне греческой, дочери императора Константина Мономаха, в ознаменование прекращения вражды с греками, вызванной походом старшего Ярославича, Владимира, в 1043 г. В 1053 г. летописец упоминает о рождении сына Всеволодова Владимира „от царице грькыне". Это и есть Мономах, который так говорит о своем происхождении и наименовании в Поучении детям: „Аз худый дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченый в крещении Василий, русьским именем Володимир, отцем възлюбленным и матерью своею Мьномахы..."¹

Появление на свет Владимира Мономаха совпало со временем, когда только-что наступил новый период в организации феодального управления Руси. Мономах родился в 1053 г., а в 1054 г. умер его дед, Ярослав Владимирович, завещание которого обусловило дальнейшую историю совместного управления государством целым княжеским родом. Исходной точкой этого порядка было членение Русской земли между потомками Ярослава; при изменении в своем составе, они передвигались по старшинству с менее выгодной области на освобождающуюся лучшую. Самый старший в роде занимал и первостепенный стол — киевский и являлся главой остального княжья и блюстителем государства в целом. Передвижение по стар-

¹ В запутанном объяснении похода Мономаха в Смоленск (см. перечень походов в Поучении Мономаха), куда будто он поехал наблюдать за постройкой там Богородичной церкви (6608 г.), Н. Шляков сообщает следующее: „Мономах не случайно и основывал и закладывал церковь во имя иконы Богородицы Одигитрии Смоленской, которую дед его Константин Мономах благословил свою дочь Анну, мать нашего Мономаха, в 1046 г., в недельный день среду: этот день в Константинопольской церкви... посвящен был богоматери, и служба Одигитрии еженедельно в среду совершалась во храме, построенном во имя ее в V веке царицей Пульхерией, согласно ее завещанию" и т. д. (Н. Шляков. О поучении Владимира Мономаха, Ж. М. Н. Пр., 1900 май, стр. 107, 121—123). Откуда взяты эти данные о матери Мономаха, Н. Шляковым не указано.

шинству в роде претендовало на некую закономерность: дядя имел преимущество перед племянниками, старший брат перед младшими. Переход же областей по прямой линии, в виде наследования от отца к сыну, был собственно неприемлем, как право. Но стройный в отвлеченности, этот порядок в действительности не мог охранить в равной степени все казусы родового права,¹ которые особенно вытекали из сложных изменений княжеского состава. Так, лишенными права на высший стол оказывались сыновья, отец которых умирал, не быв в положении старшего в роде. Бесправию содействовал и произвол старших. И вот многим обездоленным племянникам старых Ярославичей пришлось самим добывать себе волости вооруженной рукой. Затем, у внуков Ярослава выявилось притязание на прикрепление к каждой линии, к каждому племени Ярославова рода определенной „отчины“.

Уже с ранней юности Владимир Мономах был вовлечен в водоворот усобиц, проистекавших главным образом от того, что, осиротевшие при жизни дедов или старших дядей, князья исключались не только из старшинства, не только не получали отцовских волостей, но даже часто и никаких. Этим исключением из старшинства, по мнению С. М. Соловьева, лучше всяких поэтических преданий (напр., о Рогнеде)² объясняется непримиримая вражда Полоцких Изяславичей

¹ Мы не имеем намерения обсуждать теорию „лестничного восхождения“ князей к старшинству, выдвинутую С. М. Соловьевым, как реально действовавшую систему, но просто опираемся на самые факты княжеских переходов, удачно сгруппированные и остроумно обобщенные С. М. Соловьевым. Собственно и противник этой теории А. Е. Пресняков возражает главным образом против подгонки фактов под схему.

² Под 1128 г. Лаврентьевской летописи: „О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша ведущии, преже: яко Роговолоду держащую и владеющую и княжащую полотьскою землею, а Володимеру (т. е. Владимиру I Святославичу) сущю Новегороде, детьску сущю еще и погану, и бе у него Добрына воевода, и храбор и наряден мужь, и съ посл: к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера. Он же рече дщери своей: хочещи ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю. Бе бо Роговолод пришел из заморья, имейше волость свою Полтескъ.“

к потомкам Ярослава I, объясняются движения Ростислава Владимировича, судьба и поведение сыновей его: борьбы с обездоленными князьями на востоке и на западе, с Вячеславичем, Игоревичами, Святославичами — наполняют время великокняжения Изяслава (ум. 1078 г.), Святослава (ум. 1076 г.), Всеволода (ум. 1093 г.) Ярославичей и Святополка Изяславича (ум. 1113 г.) и стихают лишь при великокняжении Владимира Всеволодовича Мономаха (ум. 1125 г.).

По смерти Ярослава I (1054 г.) осталось пять сыновей. Старший из них, Изяслав, стал к прочим братьям „в отца место“; младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был племянник Ростислав, сын старшего Ярославича, Владимира, умершего еще при жизни отца (1052 г. в Новгороде); этот Ростислав, вследствие преждевременной смерти отца, не мог надеяться получить старшинство; он сам и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую им отведут старшие родичи.

Ярославичи распорядились так своими родовыми волостями:

Слышав же Володимер, разгневался о той речи, оже рече: не хочу я за робиича; — пожалиси Добрына и исполнися ярости, и поемша вои — идоша на Полтески победиста Роговолода. Рогъволод же вбеже в город, и приступивъше к городу, и взяша город, и самого князя Роговолода изымаша, и жену его и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его, нарек ей робиича, и повеле Володимеру быти с нею пред отцем ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя жене, и нарекоша ей имя Горислава; и роди Изяслава. Поя же паки ины жены многы, и нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшо к ней и уснувшю, хоте и зарезати ножемъ; и ключися ему убудитися, и яю ва руку. Она же рече: сжалилася бях, зане отца моего уби и землю его полони, мене деля; и се ныне не любиши мене и с младенцем сим. И повеле ею устроитися во всю тварь царьскую, якоже в день посяга ея, и сести на постели светле в храмине, да пришед потнеть ю. Она же тако створи, и давши мечь сынови своему Изяславу в руки наг, и рече: яко видеть ти отецъ, рци, выступя: отче! еда един мнишися ходя? Володимер же рече: а кто тя мнел еде? и поверг мечь свой, и созва боляры, и поведа им. Они же реша: уже не убий ея детяти деля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей с сыном своим. Володимер же устрои город и да има и нарече имя городу тому Изяславль. И оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлим внуком“.

четверо старших поместились в области Днепровской; трое на юге — Изяслав в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславле; четвертый, Вячеслав, поставил свой стол в Смоленске, пятый, Игорь, — во Владимире Волынском. Что касается до более отдаленных от Днепра областей на севере и востоке, то Новгород стал в зависимость от Киева; вся область на восток от Днепра, включительно до Мурома, с одной стороны, и Тмуторокани — с другой, стала в зависимости от князей Черниговских; Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье — от князей Переяславских (Переяславля Южного).

В 1056 г. умер Вячеслав; братья перевели на его место в Смоленск Игоря из Владимира Волынского, а во Владимир, кажется, перевели племянника, Ростислава Владимировича. В 1060 г. умер Игорь, и Ростислав, очевидно, хотел перейти в Смоленск, но этого не последовало. Тогда он в 1064 г. бежал в Тмуторокань, откуда изгнал было Глеба Святославича, но был отравлен греком (1065 г.). Это — первая усобица при потомках Ярослава. Ростиславичи впоследствии ее продолжат.

Вторая усобица, или целая серия усобиц, была поднята Всеславом Брячиславичем Полоцким, которого Ярославичи вообще не учитывали на охваченной ими территории. В 1065, 1066 гг. он бросился на Новгородскую область, разорил и обокрал Новгород. Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод, взяли у Всеслава и разгромили Минск, разбили его на Немизе, вероломно захватили его самого во время переговоров и заточили в Киеве. В 1068 г. Половцы вторглись на Русь и разбили трех Ярославичей, те бежали — Изяслав и Всеволод в Киев, Святослав в Чернигов. Киевляне выгнали Изяслава, отказавшегося продолжать борьбу с Половцами, освободили Всеслава и взяли его себе в князья. Изяслав бежал в Польшу и, вернувшись в 1069 г. с Болеславом, королем польским, заставил Всеслава бежать в Полоцк. По просьбе Киевлян Святослав и Всеволод уговорили Изяслава пощадить Киев, и Изяслав опять сел на великом княжении.

В событиях 1068—1069 гг. принимал уже участие едва вышедший из отрочества Владимир Мономах. Судя по данным его Поучения, отец Мономаха, Всеволод Ярославич, по изгнании Изяслава искал убежища в волостях Святославовых, именно в Курске, опасаясь жить в Переяславле, а сына послал на север в Ростов, куда ему пришлось ехать напрямик „сквозе Вятиче“, через страну дикарей, еще не освоенных христианской культурой. Это был „первый путь“, первый поход шестнадцатилетнего Владимира. Затем Мономах дважды ходил в Смоленск (1069—1070 гг.), где, вероятно, и был посажен Изяславом; затем, когда Изяслав, заподозренный братьями в тайной связи с Всеславом Полоцким, вторично ушел в Польшу, Мономах действовал на Волыни, заезжая из Владимира Волынского отдохнуть к отцу в Переяславль. Но трудно сказать, сидел ли он во Владимире князем при великокняжении Святослава с 1073 по 1076 г., скорее там был посажен отцом Олег Святославич, а Мономах княжил под конец в Турове и при полугодовом великокняжении отца (1077 г.) был переведен опять на княжение в Смоленск. На Галицко-Волынской окраине Мономах исполнял поручения старших Ярославичей по сношению с Польшей, частью совместно с Олегом Святославичем, с которым, например, ходил „ляхам в помощь на чехы“ — в глубь Чехий (1076 г.). В это время Мономах был уже женат на дочери английского короля, Гите.¹ Поход на Чехию продолжался 4 месяца. В отсутствие мужа Гита находилась, должно быть, в Переяславле у свекора своего, Всеволода. В июне у нее родился сын, названный

¹ Гита, дочь английского короля Гарольда, погибшего в усобице из-за короны с норманнским герцогом Вильгельмом „Завоевателем“ в битве близ Гастингса 1067 г. В 1068 г. сиротелая семья Гарольда, мать его и сестра с 10-летней Гитой, бежали во Фландрию, затем переселились в Данию, король которой, Свен, выдал Гиту за Владимира Мономаха. Вероятно, обычным истари проторенным путем — Балтийским морем, Невою, Ладожским озером и Волховом, Гита переехала из Дании в Новгород, где с 1069 по 1078 г. княжил двоюродный брат ее жениха Глеб Святославич. Брак Гиты и Мономаха вероятнее всего отнести к 1074 или 1075 г.

Мстиславом — в память прадеда, Гарольдом — в память деда. Крестным отцом Мстислава был Олег Святославич. С возвращением Изяслава на великокняжение, Мономах участвует в усобицах, развернутых Всеславом Полоцким (поход Мономаха под Новгород, на помощь Глебу Святославичу, и на Полоцк) и поднятых Олегом Святославичем. Как Святослав отнял у Изяслава и сыновей его уделы, так теперь Изяслав, вернувшись, лишил уделов Святославовых сыновей — Чернигова, Смоленска и — где сидел Олег Святославич — Владимира Волынского. Изгнанный возвратившимся Изяславом из Владимира Волынского, Олег в 1078 г. приютился у дяди Всеволода в Чернигове, где его пышно угощал на пасхе Мономах. Затем Олег бежал отсюда в Тмуторокань.

В это время в Тмуторокани княжил Роман Святославич, к которому незадолго перед тем бежал Борис, сын Вячеслава Ярославича (ум. 1056 г.), оставшийся без надела. И вот, когда уже Мономах успел вернуться в Смоленск, Олег Святославич и Борис Вячеславич вышли из Тмутороканя и привели Половцев на Всеволода, которого и разбили наголову. Всеволод бежал в Киев к Изяславу; здесь было собрано большое войско, во главе которого выступили Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром Мономахом; под Черниговом на Нежатине Ниве они разбили полчища Олега и Бориса, причем были убиты и Борис Вячеславич и великий князь Изяслав (3 окт. 1078 г.), а Олег бежал в Тмуторокань, откуда его выслали в Византию. Всеволод Ярославич стал великим князем и сел в Киеве, а Мономах в Чернигове, удержав за собой и Смоленск. Воспользовавшись отсутствием Мономаха, Всеслав сжег Смоленск; Мономах с своими Черниговцами погнался за ним и опустошил Полоцкую область. И далее, вплоть до смерти своего отца, Мономах твердо и воинственно охраняет его политику от покушений недовольных искателей лучших столов, вроде Всеслава Полоцкого, Святославичей с Олегом во главе, Ростиславичей и др., причем обе борющиеся стороны приводят себе в помощь степняков. Мономаху приходится устраивать эти дела и на Черни-

говщине и на Галицко-Волынской земле. С Половцами Мономах успешно боролся в 1079 г., 1084—1087 гг., в союзе же с ними полонил половецкого князя, тестя Олегова и разграбил г. Минск у Всеслава. Еще в 1081 г. бежали из Владимиро-Волынских волостей обойденные уделами Давид Игоревич (сын Игоря Ярославича) и Володарь Ростиславич (сын Ростислава Владимировича), овладели было Тмутороканем, но через год были выгнаны вернувшимся туда Олегом. Володарь Ростиславич возвратился во Владимир Волынский, где княжил Ярополк Изяславич, а затем в 1084 г. Ростиславичи, жившие у Ярополка без волостей, выгнали самого Ярополка из Владимира.

Посланный отцом, Мономах выгнал Ростиславичей и снова посадил Ярополка во Владимире, хотя тот и затевал что-то против Всеволода и зато чуть не лишился стола в пользу Давида Игоревича. Вскоре, однако, Ярополк был изменнически убит неким Нерадцем, который бежал затем в Перемышль к Рюрику Ростиславичу (1087 г.). И потом долго на Руси подозревали в этом убийстве Ростиславичей, что стало поводом к дальнейшим усобицам.

В 1093 г. умер последний из Ярославичей, Всеволод, человек воздержный и миролюбивый, много понесший трудов на великокняжении: „сидящу бо ему Киеве, печаль бысть ему от сыновец (племянников) своих, яко начаша ему стужати, хотя власти (волости княжеской), ов сея, ов же другое; се же смиривая их, раздаваше волости им. В сих печали всташа и недужи ему, приспеваше старость к сим“. Несмотря на постоянную помощь в управлении со стороны умного и деятельного сына своего — Мономаха, одряхлевший Всеволод допустил Киевскую землю до оскудения „от рати и продаж“ (от неправосудия и незаконных поборов). Мономах изъездил всю страну, миром и войной устраивая взаимоотношения княжеской братьи; в одно княжение отца своего он выдержал 12 удачных битв с Половцами. Конечно, Киевляне охотно приняли бы его великим князем, но оставался сын старшего Ярославича, бывшего первым по отце великим князем —

Святополк Изяславич, с правами которого на Киевский стол Мономах решил счестся. Летописец так повествует об этом. Сыновья Всеволода Ярославича, старший — Владимир Мономах и младший Ростислав, похоронили отца в Киеве. „Володимер же нача размышляти, река: «аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол преже от отца его был»“. Рассудив так, Мономах уступил Святополку Киев, а сам сел в Чернигове, Ростислав же — в Переяславле. Скоро Мономах сделал еще одну уступку, пожертвовав своим правом для спокойствия в Русской земле.

По смерти Всеволода Половцы прислали новому великому князю Святополку послов с предложением купить у них мир, что, кстати сказать, так удавалось Мономаху, который в своей жизни заключил с Половцами 19 миров, причем передавал им много своего скота и платья. Святополк пожалел трат и посадил было половецких послов в тюрьму, тогда Половцы осадили Торческ. Святополк стал собирать против них войско, и вот что далее повествует летопись. Умные люди говорили великому князю: „не выходи к ним, мало у тебя войска“. Он отвечал: „у меня 800 своих отроков (т. е. в дружине), могут против них стать“; несмысленные подстрекали его: „ступай, князь!“ а смысленные говорили: „хотя бы ты пристроил и восемь тысяч, так и то было бы только впору; наша земля оскудела от рати и от продаж; пошли-ка лучше к брату своему Владимиру (Мономаху), чтобы помог тебе“. Отметим, что именно с 90-х годов XI века Мономах уже постоянно рисуется летописью, как истинный промыслитель во благо Русской земли. Святополк послушался „смысленных“ и послал к Владимиру в Чернигов; тот собрал войско свое, послал и к брату Ростиславу в Переяславль, веля ему помогать Святополку, а сам пошел в Киев. Здесь, в Михайловском (Выдубицком) монастыре, свиделся он со Святополком, и начались у них друг с другом распри и котóры. Смысленные мужи говорили им: „что вы тут спорите, а поганые губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против поганых либо с миром, либо с войною“. Владимир хотел мира, а Свя-

тополк хотел рати; наконец уладились и пошли втроем — Святополк, Владимир и Ростислав. Когда они пришли к реке Стугне, то, прежде чем переходить ее, созвали дружину на совет. Владимир говорил: „враг грозен; остановимся здесь и будем с ним мириться“. К совету этому пристали смысленные мужи, но Киевляне говорили: „хотим биться, пойдем на ту сторону реки“. Войска переправились и были разбиты Половцами; при бегстве Ростислав утонул в наводнившейся Стугне на глазах у брата Владимира, который хотел было подхватить его, но едва сам не утонул. Половцы разлились по Руси, опустошая ее, и еще раз разбили Святополка. Наконец Святополк купил у них мир и женился на дочери хана их Тугоркана. Но в том же 1094 г. Половцев привел Олег Святославич из Тмуторокани. Жестокое поражение, только-что испытанное двоюродными братьями от Половцев, дало Олегу надежду получить не только часть в Русской земле, но и все отцовские волости, на которые он с братьями имел теперь полное право. Он осадил в Чернигове Мономаха и восемь дней жег окрестности города. Мономах тогда поступился своим правом Олегу, о чем и записал так: „Съжаливъси хрестьяных душ и сел горящих и монастырь и рех: «не хвалитися поганым!» — и вдах брату (Олегу) отца его место Черниговское княжение да и Смоленск, а сам идох на отца своего место Переяславу“¹, куда насилу пробрался в малой дружине.

Первые годы пребывания Мономаховой семьи в Переяславле

¹ К тому времени Всеволодова и Мономахова вотчина — Переяславль, имевшая значение митрополии, роскошно обстроилась. Именно, под 1089 г. в летописи сказано: „В се же лето священа бысть церкы святого Михаила Переяславская Ефремом митрополитом тоя церкы, юже бе создал велику сущю, бе бо преже в Переяславли митрополя, и пристрой ю великою пристроюю, украсив ю всякою красотою, церковными съсуды. Се бо Ефрем бе скопецъ, высок теломъ. Бе бо тогда многи зданья въздвиже: докончавъ церковь святого Михаила, заложи церковь на воротех городных во имя святого мученика Феодора, и посем святого Андрея, у церкве от ворот и строенье банное, сего же не бысть преже в Руси; и град бе заложил камен, от церкве святого мученика Феодора и украси город Переяславский зданьи церковными и прочими зданьи“.

были тяжелы. „Многи беды прияхом от рати и от голода“, — пишет Мономах. Области грозили Половцы; три года подряд были голодные. В довершение всего в 1096 г. погиб в усобице с Олегом второй сын Мономаха, Изяслав, только-что женившийся. В 1095 г. к Владимиру Мономаху пришли два половецких хана — Итларь и Китан — на мир, т. е. торговаться, много ли Переяславский князь даст за этот мир. Дружина советовала обманом перебить Половцев. Владимир же не соглашался: „како се могу створити, роте с ними ходив“ (т. е. принеся клятву). „Отвещавше же дружина, рекоша Володимеру: «княже! нету ти в том греха; да они всегда к тебе ходяче роте, губять землю Русьскую и кровь хрестьянскую проливають беспрестани»“. Владимир послушался, и оба хана с своими дружинами были изменнически убиты. Тогда Святополк и Владимир послали в Чернигов к Олегу звать его с собою вместе на Половцев; Олег обещался идти с ними и пошел, но не вместе, очевидно не доверяя. Справившись с Половцами, Святополк и Владимир „начаста гнев имети на Олга“. „Ты не шел с нами на поганых, которые сгубили Русьскую землю; а вот теперь у тебя сын Итларев; убей его, либо отдай нам, — он враг Русской земле“, — требовали разгневанные князья. Олег не послушался, и встала между ними ненависть.

Судя по летописи, дальнейшие отношения к Олегу ли, к другим ли подобным искателям, равно как и противодействия Половцам, устраиваются путем княжеских съездов, при обязательном участии Мономаха, всегда авторитетном. Так принимался, очевидно, „смыслеными“ мужами Мономах, в особенности к сороковым годам своей жизни, когда уже вполне выразилось его превосходство, как распорядителя и хранителя Русской земли. Участие Мономаха в общесоюзных княжеских предприятиях особенно было необходимо при таком нетерпеливом и пристрастном великом князе, как Святополк Изяславич. Вероятно, в связи с последним разногласием с Олегом означилось движение другого Святославича — Давида, которому по смерти Всеволода Мономаха

должен был уступить Смоленск. Во время последней ссоры с Олегом, Святополк и Владимир почему-то вывели Давида из Смоленска в Новгород, а Мстислава Владимировича перевели из Новгорода в Ростов. Давид хотел Смоленска, но и Новгорода при этом. Новгородцы же вернули к себе Мстислава, а в Смоленске Мономах посадил своего сына Изяслава. Давид Святославич изгнал Изяслава из Смоленска, и тот бросился на волости Святославичей, сперва на Курск, потом на Муром, где схватил посадника Олегова и утвердился с согласия граждан. В следующем 1096 г. Святополк и Владимир позвали Олега в Киев: „да поряд положим о Русьстей земли, пред епископы и пред игумены, и пред мужи отець наших“. „Олег же, въсприав смысл буй и словеса величава“, отказался: „несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом“. Тогда Святополк и Владимир выступили на Олега, осадили его в Чернигове, затем в Стародубе, и, когда он сдался, даровали ему мир, сказав: „иди к брату своему Давыдови и придета Киеву на стол отець наших и дедъ нашихъ, яко то есть старейшей град в земли во всей Киев, ту достойно снятися и поряд положити“. Олег поклялся приехать и отправился в Смоленск; но Смольняне не захотели принять его, и он принужден был ехать в Рязань. В это время нахлынули Половцы (Боняк, Куря и Тугоркан) и под Киев и под Переяславль, и, несмотря на поражения, целое лето опустошали Русь. Видя, что Святославичи не думают приезжать в Киев на уряжение, Святополк с Владимиром пошли было к Смоленску на Давида, но помирились с ним; а между тем Олег с Давидовыми полками пошел из Рязани к Мурому, на Изяслава, сына Мономахова. Изяслав, узнавши, что Олег идет на него, послал за Суздальцами, Ростовцами, Белозерцами и собрал много войска. Олег послал сказать ему: „ступай в волость отца своего, в Ростов, а это волость моего отца, хочу здесь сесть и урядиться с твоим отцом; он выгнал меня из отцовского города, а ты неужели и здесь не хочешь дать мне моего же хлеба“. Летопись считает здесь Олега совершенно правым. В лютой сечи с Олегом под стенами

Мурома Изяслав был убит. Заняв Муром, Олег затем занял сдавшиеся Суздаль и Ростов и стал брать дани по Муромской и Ростовской землям. Тогда старший сын Мономаха — Мстислав Владимирович прислал к Олегу посла из Новгорода с таким предложением: „ступай из Суздаля в Муром; в чужой волости не сиди; а я с дружиною пошлем к отцу моему, и помирю тебя с ним, аще и брата моего убил, то есть не дивно, в ратех бо и цари и мужи погибають“. Олег не только не уступил, но задумал овладеть и Новгородом и соответственно движению войск Мстислава передвигал свои войска по Ростово-Суздальской области, пока не был разбит „на Кулачье“ Мстиславом и братом его Вячеславом, которого Мономах прислал на помощь с Половцами. Олег бежал в Муром, в Рязань и далее. Преследовавший его Мстислав послал ему сказать: „не бегай никамо же, но пошлися к братьи своей (т. е. к «старшим» князьям) с мольбою, не лишать ты Русские земли; и яз пошлю к отцу молится о тебе“. Олег обещал послушаться. Возвратившись в Суздаль, а оттуда в Новгород, Мстислав послал Мономаху просьбу за своего крестного отца, Олега. Мономах, получив письмо от сына, написал в свою очередь послание Олегу, дошедшее до нас, к сожалению, переписанным в XIV в., не в полной сохранности. Наконец, Олегу стала ясна необходимость сблизиться с двоюродными братьями, и вот в 1097 г. князья Святополк Изяславич, Владимир Всеволодович Мономах, Давид Игоревич, Василько Ростиславич, Давид и Олег Святославичи (т. е. все двоюродные братья и один племянник Василько) съехались на устроенье мира в городе Любече в Черниговской волости. Князья говорили: „Зачем губим Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? а Половцы землю нашу несут розно, и рады, что между нами идут усобицы; теперь же с этих пор станем жить в одно сердце и блюсти Русскую землю“. И вот на Любечском съезде князья решили, чтобы каждое племя Ярославичей держало свою „отчину“, чтобы каждый родич владел теми волостями, которые при первом поколении принадлежали отцу его: Святополк — пусть держит

Киев с Туровом; Владимир Мономах получил все волости Всеволодовы, т. е. Переяславль, Смоленск, Ростовскую область, Новгород также остался за сыном его Мстиславом; Святославичи — Олег, Давид и Ярослав — Черниговскую волость. Относительно Давида Игоревича и Ростиславичей положено было держаться распределения великого князя Всеволода: за Давидом оставить Владимир Волынский, за Володарем Ростиславичем — Перемышль, за Васильком Ростиславичем — Теребовль.

Позволим себе прервать последовательное изложение сообщением одного любопытного взгляда на отношения Владимира Мономаха к Олегу Святославичу, закончившиеся уступкой Черниговской волости Святославичам в родовое владение.

В 1096 г. Святополк и Мономах выгнали Олега Святославича из Чернигова, о чем Олег сообщил Мономахову сыну Изяславу в таких выражениях: „хочю... порядъ створити съ отцемъ твоимъ, се бо мя выгнал из города отца моего“. Выгнанный Олег был затем 33 дня осажден в Стародубе и, пощаженный, побрел далее. А ведь было время, когда Мономах бок-о-бок с Олегом ходили в дальние походы и рука-об-руку выступали на сечу с врагами. Олег даже крестил Мономахова первенца, Мстислава, родившегося 17 февраля 1076 г. Нержавеющие узы дружбы между Мономахом и Олегом отмечает особенно Шляков. „Религиозный христианин князь (т. е. Мономах) ознаменовал праздник праздников (т. е. пасху, 8 апр. 1078 г.) добрым делом — примирением отца с Олегом и освобождением последнего [по Шлякову, Всеволод как бы держал Олега в Чернигове под крепким надзором], причем рискнул в обеспечение своего друга юности и кума почти громадную по тому времени суммой — 300 гривен. Вероломный друг не отличался особой чувствительностью и на третий день праздника бежал, предоставив доверчивому Владимиру платиться своим имуществом. Долго, но не навсегда, не мог забыть этого чувствительный Мономах...“

„Святослав незаконно занял Киев (1073), но это как бы простили умершему (1076), вычеркнули из памяти, но со всеми

последствиями: его сыновья («Святославичи») стали на одну доску с Ростиславичами, разделили участь потомства Владимира Ярославича...» Это тяжелое положение Святославичей разрешилось в их пользу на Любечском съезде (1097 г.), „потому что такое решение казалось более справедливым Мономаху“, — говорит Шляков и продолжает: „это убеждение, сложившись не без участия чувства дружбы к Олегу: оно коренилось и само давало поддержку мысли о единстве русской земли...“ („О поучении Владимира Мономаха“, стр. 110, 111).

Мы, в свою очередь, уже высказывались за расположение Владимира Мономаха к Олегу, толкуя этим расположением следующее место Слова о полку Игореве: „Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрелы по земли сеяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ граде Тьмуторокане. Той же звонъ слыша давный великий Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чернигове“. В своей книге о Слове о полку Игореве (1938) мы так комментировали это место: „Всеволод Ярославич Черниговский... вывел в 1077 г. Олега Святославича из Владимира Волынского к себе под надзор в Чернигов. Тогда же в Чернигов прибыл из Смоленска сын Всеволода, Владимир Мономах, в прошлом году еще сотрудничавший с Олегом в походе „к Ляхам на Чехы“. Возможно, что не забывший сотрудничества и прежней близости к Олегу, Владимир Мономах „проглядел“ интригу Олега с Борисом Вячеславичем против своего отца, нападение Бориса на Чернигов и бегство Олега из Чернигова в Тьмуторокань (в 1078 г.). Прозорливый отец Мономаха тотчас же уловил подготовку Олега и Бориса к походу на Чернигов из Тьмуторокани (едва Олег ступил „в златъ стремянь въ граде Тьмуторокане“ — Ярославль, сын Всеволод тот „звон слыша“). Владимир же, как предположено нами, „проглядел“ всю интригу, включительно с выступлением из Тьмуторокани, не предупредив отца во время („а Владимиръ по вся утра уши закладаше в Чернигове“, 105, 106).

Возвратимся к рассказу о Любечском съезде.

Только-что собравшиеся в Любече князья поклялись единодушно встать на нарушителя постановленного на этом съезде распределения областей, как Давид Игоревич Волынский стал интриговать против предприимчивого и воинственного Василька. Поверив наговору некоторых „мужей“, будто Владимир Мономах связался с Васильком против Святополка и против него, Давида, этот Игоревич убедил в том же Святополка, подкрепляя свой донос великому князю старой ядовитой сплетней об убийстве его брата, Ярополка Волынского, Ростиславичами. Боясь за свои княжения, Святополк и Давид решили схватить Василька, и когда он приехал в Киев помолиться в Михайловом монастыре, то был изменнически схвачен в гостях на княжеском дворе, а затем после некоторого колебания, Святополк допустил, чтобы Давид ослепил Василька. „Владимер же (Мономах) слышав, яко ят бысть Василко и слеплен, ужасеся, и всплакав и рече: сего не бывало есть в Русьскойей земли, ни при дедех наших, ни при отцех наших, сякого зла“. И послал Мономах за Давидом и Олегом Святославичами: „пойдета к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскойей земли и в нас в братьи, оже вверже в ны ножь; да еще сего не правим, то большее зло встанеть в нас и начнеть брат брата закалати, и погибнуть земля Русская, и врази наши Половци пришедше возмутъ землю Русскую“. Соединившись, Владимир Мономах, Олег и Давид Святославичи „послаша муже свое, глаголюще Святополку: «что се зло створил еси в Рустей земли, и ввергл еси ножь в ны? Чему еси слепил брат свой? аще ти бы вина коя была на нь, обличил бы и пред нами, и упрев бы и створил ему; а ноне яви вину его, оже ему се створил еси». И рече Святополк: яко «поведа ми Давид Игоревич, яко Василко брата ти убил Ярополка, и тебе хочеть убити и зяяти волость твою, Туров, и Пинеск, и Берестие и Погорину, а заходил роте с Володимером, яко сести Володимеру Кыеве, а Василькови Володимири (Волынском); а неволя ми своее головы блюсти, и не яз его слепил, но Давыд и вел и к себе»“ (т. е. во Владимир Волынский). Отговорка Святополка не подействовала.

Мономах со Святославичами приготовились переправить свои войска через Днепр против великого князя, который уже думал бежать из Киева. Однако Киевляне не пустили Святополка, а послали к Владимиру мачеху его, жену покойного Всеволода Ярославича, и митрополита Николая; те от имени граждан стали умолять князей не разорять усобицей Русскую землю на радость поганых. „Се слышав Володимер, расплавъся и рече: «по истине отци наши и деды наши соблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити». И преклонися на молбу княгинину, чтяшетъ бо ю акы матеръ, отца ради своего: бе бо любим отцю своему повелику, и в животе и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; тем же и послуша ея, акы матере; и митрополита, тако же чтяше сан святительскый, не преслуша молбы его“.¹

Святополка простили под условием, чтобы он пошел на Давида Игоревича и схватил его, или прогнал. Но осторожный Святополк тронулся против Давида лишь через два года (в 1099 г.). Василько же сидел во Владимире у Давида Игоревича под стражей, пока Володарь Ростиславич не принудил его освободить. Затем оба Ростиславича, произведя опустошение в волости Давида, помирились с ним на условиях выдать виновников наговора на Василька, которых и казнили. Наконец Святополк двинулся на Волынь, и после безрезультатного польского посредничества Давид принужден был уступить ему Владимир Волынский; выгнавши Давида из Владимира, Святополк пошел на Ростиславичей — Володаря и Василька, под предлогом, что они сидят в волости отца его и брата, т. е. он вспомнил, что Волынское княжество принадлежало к Киевскому при отце его Изяславе и что после здесь сидел брат его Ярополк, а на Любецком съезде положено всем владеть отчинами. Но Володарь и Василько разбили Свя-

¹ Летописец монах пишет в похвалу Мономаху и далее: „Володимер бо так бяше любезнив: любовь имея к митрополитом и к епископом и к игуменом, паче же и чернечьскый чин любя, и чьрньце приходящая к нему напиташе и напаяше, акы мати дети своя; аще кого видяше ли шюмна, ли в коем заворе, не осудяше, но вся на любовь покладаше и утешаше“.

тополка, а затем и его сына Ярослава, несмотря на помощь последнему со стороны Венгров. В союзе с Ростиславичами были тут Давид Игоревич и приведенные им Половцы. Давид опять овладел Владимиром, где было сел посадник Святополка.

Под 1100 г. летописец говорит о новом съезде князей в Увечичах, или Витичеве. Собрались: Святополк Изяславич, Владимир Мономах, Олег и Давид Святославичи, приехал и вызванный Давид Игоревич с жалобой. Посовещавшись между собой отдельно, князья сообщили Давиду через своих мужей такое решение: „не хотим тебе дать стола Владимирского, потому что ты бросил нож между нами, чего прежде не бывало в Русской земле: мы тебя не заключим ни сделаем тебе никакого другого зла“, за то Давиду великий князь дает четыре города на Волыни, а Мономах и Святославичи 400 гривен серебра. Володарю же Ростиславичу князья послали сказать: „возьми брата своего Василька к себе, и пусть будет вам одна волость Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька к нам, мы его будем кормить“. Но Ростиславичи не послушались. Князья хотели было идти на них, но Мономах отказался идти с ними, не захотел нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичам на Любечском съезде. Об этом, очевидно, и говорит Мономах в своем Поучении: „Усретоша бо мя слы от братья моя на Волзе, реша: «потьснися к нам, да выже нем Ростиславича и волость их отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе». И рех: «аще вы ся и гневаете, не могу вы ити, ни креста переступити»“.

Хотя в результате княжеских усобиц, договоров и съездов у потомков трех старших Ярославичей получилось преимущество владения волостями, однако в самом распределении волостей между тремя этими княжескими линиями наблюдается явное неравенство. Наибольшее преимущество получил сын Всеволода и вследствие личных достоинств и вследствие благоприятных обстоятельств: Мономах держал в своей семье Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую волости; Святополк Киевский только после Витичевского съезда получил Владимир Волынский; всех меньше была доля

Святославичей: они остались без прибавки к первоначальной отцовской волости. Святополк пробовал вернуть от Мономаха Новгород, искони связанный с Киевом, отдав за это Владимир Волынский. В 1102 г. князья потребовали от Новгородцев, чтобы они отпустили от себя Мономахова сына Мстислава Владимировича и приняли на его место Ярослава, сына Святополкова. Новгородцы отказались, правильно угадывая интересы Мономаха. Мстислав Владимирович явился в Киев в сопровождении представителей Новгорода, и тут во дворце посланцы Мономаха объявили Святополку: „вот Владимир прислал сына своего, а вот сидят Новгородцы, пусть они возьмут сына твоего и едут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир“. Тогда Новгородцы сказали Святополку: „мы, князь, присланы сюда, и вот что нам велено сказать: не хотим Святополка, ни сына его; если у твоего сына две головы, то пошли его; этого (т. е. Мстислава) дал нам Всеволод (Ярославич, дед), мы его вскормили себе в князья, а ты ушел от нас“.

Из усобиц Святополкова великокняжения следует еще отметить столкновения между полоцкими князьями, детьми умершего в 1101 г. Всеслава, в чем принимали участие Святополк, Мономах и Олег, посылая свои войска (1104 г.). Крупнейшим после усобиц злом оставалась половецкая опасность.

За первое десятилетие XII в. крупных половецких нашествий на Русь было около шести, миров с Половцами по договорам два и русских походов в глубь Половецкой степи — три. После Витичевского съезда, покончившего главные усобицы, князья получили возможность действовать наступательно, причем в этих совместных наступлениях постоянно значится Мономах, не только как участник, но и как инициатор. В 1101 г. Святополк, Мономах и трое Святославичей съехались, чтоб идти на Половцев, но те выпросили себе мир. По сообщению летописца, случившееся в 1102 г. „знаменье в солнци“ предвещало для русских князей „мысль добру“ „дерзнути на Половце и пойти в землю их“. Вот, как замечательно рассказы-

вает летопись о подготовке к этому походу под 1103 г.: „бог
вложи в сердце князем руским мысль слагу, Святополку и
Володимеру, и снястася думати (сошлись на совещание) на
Долобьске. И седе Святополк с своею дружиною, а Володи-
мер с своею в едином шатре. И почаша думати и глаголати
дружина Святополча: яко негодно ныне, весне ити; хотим
погубити (погубим) смерды (крестьян) и ролью (пашню, пахоту)
их. И рече Володимер: «дивно ми, дружино, оже лошадей
жалуете (жалуете), еуже той ореть (пашет), а сего чему не
промысляще (почему не подумаете), оже то начнетъ орати
смерд, и приехав Половчин ударит и стрелою, а лошадь его
пойметъ, а в село его ехав иметъ жену его, и дети его, и все
его именье? то лошади жаль, а самого не жаль ли». И не
могоша отвещати (возразить) дружина Святополча, и рече
Святополк: «се аз готов уже», и вста Святополк. И рече ему
Володимер: «то ти, брате, велико добро створиши земле Рус-
скей». И посласта ко Олгови и Давидови (Святославичам),
глаголюща: «пойдита на Половци, да любо будем живи, любо
мертви». И послуша Давид, а Олег не восхоте сего, вину
река: «не сдравлю» (объявив поичиною свою болезнь). Попро-
щавшись с братом, Святополком, Владимир пошел вперед
в Переяславль, за ним двинулся Святополк, Давид Святосла-
вич и еще четверо молодых князей: Давид Всеславич Полоц-
кий, Мстислав, племянник Давида Игоревича Волынского,
Вячеслав Ярополчич, племянник Святополка, и Ярополк Вла-
димирович, сын Мономаха. Князья пошли пехотою и конни-
цею: пешие ехали в лодках по Днепру, конница шла бере-
гом. Прошедши пороги, войска двинулись от Хортицкого
острова в степь и шли степью четыре дня. Услыхав о рус-
ском походе, Половцы собрались на совещание. Один из ханов,
Урусоба, сказал: „попросим мира у Руси; они станут с нами
биться крепко, потому что мы много зла причинили Русской
земле“. Молодые же отвечали ему: „если ты боишься Руси,
то мы не боимся; избивши этих, пойдем в их землю, возьмем
их города, и кто избавит их от нас!“ „Русские же князи и вои
все моляхуть Бога, и обеты вздаяху богу и матери его, ов-

кутьею, ов же милостынею убогим, инии же монастырем требованья“. Половцы послали впереди в сторожах Алтунопу, который славился у них мужеством; Русские же устерегли Алтунопу и перебили весь отряд вместе с ним. „Поидоша полкове (Половецкїе) аки борове (как густые леса), и не бе презрети их (и не охватить их взглядом); и Русь поидоша противу им. И бог великий вложи ужась велику в Половце, и страх нападе на ня и трепет от лица Русских вой, и дремаху сами, и конем их не бе спеха в ногах; наши же (т. е. Русские) с весельем на конех и пеши поидоша к ним. Половци же видеьше устремленье Русское на ся, не достигнувше побегоша пред Русскими полки; наши же погнаша, секуще я, в 4 день априля месяца (1103 г.)“. В этом бою русские убили 20 половецких князей, одного — Белдюзя — взяли живым и привели к Святополку; Белдюзь стал предлагать за себя выкуп — золото и серебро, коней и скот; Святополк послал его к Владимиру Мономаху, и тот сказал Белдюзю: „Это, думаю, пленило вас нарушение клятвы; ибо множество раз поклявшись не воевать, вы ходили войной на Русскую землю. Зачем же ты не учил сыновей своих и родичей не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Так будь же кровь твоя на голове твоей!“ — и велел убить его. Белдюзя рассекли на части. Рассказ кончается апофеозом, возглашенным устами Мономаха: „И посем сняшася (собрались) братья вся, и рече Володимер: «сей день, иже створи господь, възрадуемся и възвеселимся в онь;¹ яко господь избавил ны ест от враг наших, и покори враги наша, и скруши главы змиевыя, и дал еси сих брашно людем² Русьским». Взяха бо тогда скоты, и овце и коне и вельблуды, и веже с добытком и с челядью, и заяша Печенегы и Торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великим и с славою и с победою великою“.

Из половецких набегов, в общем удачно отражаемых, следует отметить случившийся в августе 1107 г., когда под Лубны

¹ Псалом 97, стих 24.

² Псалов 72, стих 14.

пришли Боняк и Шарукан старый и многие другие ханы. На них выступили Святополк, Владимир Мономах, Олег Святославич с молодыми князьями, тремя сыновьями Мономаха и племянником, переправились через р. Сулу „и кликнуша на них“. Этот военный термин соответствует атаке в ее начальном устремлении (по Соловьеву: „ударил с криком“). „Половцы же ужасошася, от страха не возмогоша ни стяга поставити, но побегоша хватаяюще кони, а друзии пеши побегоша“. Русские гнали Половцев до р. Хорола и овладели их станом, причем несколько первостепенных ханов было убито и пленены. В январе этого же года Русские князья съехались с половецкими: „иде Володимер (Мономах), и Давыд и Олег (Святославичи) к Аепе и другому Аепе, и створиша мир; и поя Володимер за Юргя (сына своего) Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дщерь Гиргенеу внуку“.

В декабре 1109 г. Владимир Мономах посылал на Половцев Дмитра Иворовича, и тот взял у Дона тысячу веж (кибиток). После похода, предпринятого в 1110 г. Святополком, Владимиром и Давидом и незаконченного из-за стужи и конского падежа, состоялся в следующем году по побуждению Мономаха поход в глубь Половецкой земли. Пошли те же князья — Святополк, Владимир и Давид с сыновьями. Выступив во второе воскресенье великого поста, во вторник на шестой неделе поста достигли Дона. Отсюда, надевши брони и выстроивши полки, пошли к половецкому городу Шаруканю. „И князь Володимер пристави попы свое едучи пред полком пети тропари и кондаки креста честнаго и канун святой Богородицы“. Жители Шаруканя покорно вышли навстречу русским. Переночевав, князья зажгли город Сугров и пошли с Дона. Тут — 24 марта в пятницу — собрались Половцы и двинули свои полки против Русских. „Князи же наши възложиша надежу свою на бога и рекоша: «уже смерть лам съде, да станем крепко...». „И бывшую же сступу и брани крепце, бог вышний возре на иноплеменники со гневом: падаху пред хрестьяны. И падоша мнози врази наши супостати пред Рускыми князи на потоци Дегея“. Но как только после отдыха Русские двинулись

в понедельник страстной недели, бои возобновились. „Паки иноплеменници собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велиции и тмами тмы; и оступиша полкы Рускыи. И посла господь бог ангела в помощь Русским князем. И поидоша Половецьстии полци и полци Русстеи, и сразишася первое с полкомъ (Святополчим?), и тресну аки гром, сразившемася челома. И брань бысть люта межи ими, и падаху обои. И поступи Володимер с полкы своими, и Давыд со полкы своими. И возревше Половци вдаша плещи свои на бег, и падаху Половци пред полком Володимеровым, невидимо бьемы ангелом, яко се видяху мнози человеци, и главы летяху, невидимо стинаемы, на землю“. Победители спрашивали пленных, как это войска их, будучи столь сильными, не устояли и бежали. „Си же отвещеваху глаголюще: «како можем битися с вами, а друзии ездяху верху вас в оружьи светле и страшни, иже помогаху вам».— То кто се суть, не ангели ли, от бога послани помогать хрестьяном? Се бо ангел вложи в сердце Володимеру (Мономаху) поустить братью свою на иноплеменники, Русьскии князи“.

И вот возвратились русские князья во-свояси, „с славою великою, яже к своим людем и к всем странам дальним, рекуще к Греком и Угром и Ляхом и Чехом, даже и до Рима проиде“.

Весной 1113 г. умер великий князь „Михаил, зовемый Святополк“. Киевляне собрали „совет“ (вече) и послали к Владимиру Мономаху приглашение „на стол отень и дедень“. Очевидно, признавая старшинство Святославичей, Владимир отказался. В Киеве уже происходило восстание, грабили пользовавшихся покровительством покойного великого князя в ущерб народу. На отказ Владимира Киевляне угрожали еще большим разгромом — даже княжеского двора и монастырей — и Мономах принужден был принять Киевское великокняжение. В связи с обстоятельствами избрания Мономаха Соловьев ставит известие, что Владимир, тотчас по вступлении на старший стол, собрал мужей своих, Олег Свято-

славич прислал также своего мужа, — и порешили ограничить „росты“.¹

В своей книге „Киевская Русь“ (4-е изд. 1944 г.) академик Греков так характеризует законодательную деятельность Мономаха.

Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов, и в частности должников — против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, ликвидировал восстание (1113 г.). Очень выразительным памятником его деятельности этого периода служит та часть „Пространной Правды“, которая носит заголовок: „А се уставил в. к. Владимирь Всеволодовичь Манамах...“ Не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании „Устав“ этот касался прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и закуп, как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в „Устав“ на самом законном основании... М. Н. Тихомиров (в исследовании в „Русской Правде“, 1941 г.) приходит к выводу, что „Устав“ начинался сообщением о совещании в Берестове (1113 г.), включал в себя законодательство о резах и закупах и заканчивался словами: „а в мале тяже по нужи возложити на закупа“.

Академик Греков думает, что и устав о холопах носит следы деятельности Мономаха. По мнению академика Грекова, следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право судиться со своим господином и право уходить от господина „искать кун“: довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза рас-

¹ По Синодальному списку Кормчей конца XIII в. после — „Суда Ярославля Володимирица“ „о резе“: „А се уставил Володимир Всеволодичь, по Святополче съзвав дружину свою на Берестовом: Ратибора тысячького, Киевьского и Прокопия Белогородьского тысячького, Станислава Переяславьского тысячького, Нажира Мирослава, Иванка Чюдиновича, Ольгова мужа. и устави люди до третьяго реза, оже емлеть в резь куны“ и т. д.

считанная на политический эффект декларативность некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только „про дело“, но отнюдь не „без вины“, „не смысля“ или под пьяную руку. В этих всех гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу. Характер деятельности Владимира Мономаха очень ярко определен в послании митрополита Никифора, где Владимир называется „устрояющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земля“ (ссылка на Тихомирова). Владимир Мономах обратил внимание на безвыходное положение закупов, рядовичей вообще и их вдов. Он действительно сделал попытку облегчить их тяжелую участь. Это обстоятельство, повидимому, и дало повод Владимиру Мономаху отметить в своем Поучении „тоже и худого смерда (сюда можно отнести и закупа), и убогие вдове не дал есмь сильным обидети“. Однако, хотя его меры были направлены, несомненно, в сторону облегчения тяжелого положения угнетенных горожан и сельчан, реформатор отнюдь не собирался уничтожать привилегии господствующих классов. От его реформы не должны были... особенно сильно страдать ростовщики и землевладельцы.

Об этом компромиссном характере мероприятий Мономаха говорится и в Послании к нему Никифора: „... отдаждь должником долги; аще ли не мощно, ... велик рез остав“ (ссылка на Тихомирова). Владимир именно так и поступил: не решившись полностью ликвидировать долги, он действительно устранил «великий рез». Немедленно по прибытии в Киев он собрал... наиболее видных дружинников...; они сообща обсудили создавшееся положение и выработали «Устав». По этому уставу тот, кто взял деньги в долг на 50% годовых, должен платить эти проценты только два года. Кто уже уплатил эти проценты за три года, делается свободным от всего своего долга“ (стр. 115, 116, 297, 298).

В 1115 г. „Володимер устрои мост через Днепр“.

Узнав о смерти Святополка, Половцы явились было на восточных границах, но Мономах, соединившись с Олегом, сыновьями и племянниками, отогнал их. В глубь Половецкой земли ходил по приказу Мономаха сын его, Ярополк Владимирович Переяславский; в 1116 г. он вместе с Всеволодом Давидовичем доходил до Дона, где взял три города; пойдя опять на Дон в 1120 г., он не нашел там Половцев. Вообще половецкая опасность значительно уменьшилась, что приписывалось преданием Владимиру Мономаху, „погубившему поганья Измаилтяны, рекомья Половци“ и загнавшему их на Кавказ „за Железные врата“.

Усобицы во время Мономахова великокняжения происходили на Западе — в Полоцкой и Волынской землях. Глеб Всеславич Минский напал на принадлежащую Киеву территорию, чем вызвал в 1116 г. против себя поход Владимира с сыновьями и Святославичами. По словам летописца, правда была на стороне Владимира. Осажденный Глеб покорился ему, был прощен, а затем все-таки уведен в Киев и тут умер в 1119 г. Сидевший на Волыни Ярослав Святополкович дважды вызывал на себя поход Владимира Мономаха, в котором участвовали Давид Святославич и оба Ростиславича, Володарь и Василько (1117). Побуждаемый Поляками и Венграми ко вражде с Мономахом и с Ростиславичами (к которым еще в 1097 г. отошла часть Волынской волости), Ярослав наводил польские войска на Червонную Русь, но встретил отпор от сыновей и воевод Мономаха. Несмотря на помощь Венгров, Поляков и Чехов и на измену Ростиславичей, перешедших на сторону Ярослава Святополковича, овладеть снова Владимиром Волынским ему не привелось. Под стенами города Ярослав был заколот в 1123 г. двумя Ляхами из засады. „И тако умре Ярослав, един, в толице силе вои, за великую гордость его, понеже не имеяше на бога надежи, но надеяшеться на множество вои“, — говорит летописец; и далее: „дружино и братье! разумеите, по котором есть бог, по гордом ли, или по смиреном. Володимеру бо, еще в Киеве сущю, собирающю ему вои многи и молящю бога о насильи и гор-

дости Ярославли (бе бо и Мъстислава пустил перед собою к Володимерю [Волынскому] с малом вои, а сам хотя пойти по нем с всеми вои) — и бысть велика помощь божия благоверному князю Володимеру с своими сынми за честное его житие и за смирение его; оному (т. е. Ярославу Святополковичу) младу сущю и гордящуюся противу строеви своему (т. е. против своего дяди, Владимира Мономаха) и паки против тьсти своему Мъстиславу (т. е. против своего тестя, Мстислава Владимировича). Вижьте братие, коль благ бог и милостив на смиренныя и на праведныя, призирая и мьщяя их, а гордым господь бог противится силою своею, а смиренным же даеть благодать“.

Волынская окраина с конца X века вообще доставляла Руси много хлопот, вследствие соседства с западнославянскими государствами — Польшей и Чехией, а также с Венгрией. Эти три государства имели большое сходство с Русью в феодальной системе управления и вмешивались в политическую жизнь друг друга. Правители их не только роднились супружеством, но помогали войсками в чужих усобицах, становились даже государями другой страны, например — польский князь у Чехов, или чешский у Поляков и т. д. Русские отношения к этим западным соседям проявились очень рано. Владимир Святославич воевал совместно с Чехами против Польши; но помирился, и дочь Болеслава Храброго Польского была выдана за Святополка Владимировича, которому затем тесть помогал воевать на Руси с Ярославом (1018 г.). Став единовластцем, Ярослав вступил в союз с Казимиром Польским и помогал ему войсками. Казимир женился на сестре Ярослава, Доброгневе-Марии, а сын Ярослава — Изяслав — на сестре Казимира Польского. Казимиру в 1058 г. наследовал сын его, Болеслав Смелый. Изгнанный Киевлянами, Изяслав Ярославич бежал в Польшу и вернулся на Русь в 1069 г. с Болеславом Смелым, королем Польским, который и помог Изяславу вернуть великокняжеский стол (равно как Венгерскому Беле — его королевский стол). Второй раз изгнанный братьями, Изяслав сначала не

нашел помощи у польского короля, занятого войной с чешским, и обратился к его врагу, немецкому императору. Тогда сидевший великим князем в Киеве Святослав Ярославич поспешил заключить союз с польским королем и послал своего сына Олега и Владимира Всеволодовича Мономаха на помощь Полякам против Чехов, союзников императорских (1076 г.). С этого времени Мономах входит в политику взаимоотношений западных соседей с Русью, деятельно участвуя в жизни Волынского княжества и его Прикарпатской окраины.¹ Уже Владимир Святославич в конце X в. отнял у Польши Червенские города, затем отдал, а сыновья его Ярослав и Мстислав взяли их снова; старший Ярославич, Изяслав, в 70-х годах XI в. опять отдал эти города Полякам за военную помощь, но Ростиславичи завоевали их и получили себе в волость от Всеволода Ярославича. Эти Червенские города на краю Волынской земли под Карпатами и были причиной раздоров в Западной Руси, начиная с ослепления Василька Ростиславича Теробовльского в 1096 г. и кончая убийством Ярослава Святополковича в 1123 г.

Из сведений о других европейских государствах при Мономахе останавливают внимание летописные известия об отношениях греческих. Дочь Мономаха, Мария, была замужем за Леоном, сыном греческого императора Дюгена. Дворцовый переворот возвел на престол Комненов. Леон, не без помощи своего тестя, выступил против Алексея Комнена, чтобы добыть себе какую-нибудь область. Несколько дунайских городов уже сдались Леону, но подосланные Комненом сарацины умиртвляли его в Доростоле. Владимир Мономах хотел, по крайней мере, удержать для своего внука, Василья, дунай-

¹ Связи Владимира Мономаха с западными соседями: двоюродная сестра Мономаха Сбыслава Святополковна вышла замуж за польского короля Болеслава Кривоустого (1102 г.); другая двоюродная сестра, Предслава Святополковна, была замужем за венгерским королевичем. Король венгерский Коломан был женат на дочери Мономаховой Евфимии (1112 г.); дочь Владимира Мономаха Евпраксия (или София) вышла замуж за венгерского короля Белу II.

ские города, приобретенные Леоном, и послал воеводу Ивана Войтишича, который посадил посадников по этим городам; но Доростол уже был захвачен греками: для взятия его ходил сын Мономаха, Вячеслав, с воеводою Фомой Ратиборичем на Дунай, но принужден был возвратиться без всякого успеха. Под 1122 г. имеется известие о браке внучки Мономаховой, дочери Мстислава, с одним из принцев династии Комненов.

ГЛАВА II

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА О ВЛАДИМИРЕ МОНОМАХЕ

„В лето 6633, индикта третьяго лета. Преставися благоверный и великий князь Русский Володимер, сын благоверна отца Всеволода, украшенный добрыми нравы, прослувый в победах, его имене трепетаху вся страны, и по всем землям изиде слух его: понеже убо он всею душою възлюби бога. Но и мы мнимся бога любяще; но аще потщимся заповеди его схранити, тогда явимся бога любяще (далее цитата из Евангелия — Иоанна, гл. XIV, 23). Се же чудный князь Володимер потщася божья хранити заповеди, и божьи страх присно имея в сердци, поминая слово господне (далее две цитаты о любви друг к другу и к врагам из Евангелия — Иоанна, гл. XIII, 35, и Матфея, гл. V, 44). Вся бо зломыслы его вда бог под руце его, поне не возношашесе, ни величашесе, но на бога възлагаше все, и бог покаряше под нозе его вся врагы; он же заповедь божью храня, добро творяше врагом своим, отпущаше я одарены. Милостив же бяше паче меры, поминая слово господне (цитата из Евангелия — Матфея, гл. V, 7) и блажен разумевая и на нища и убога, яко в день лютый избавить и господь (Пс. XL, 1). Тем и не щадяше имения своего, раздавая требующим, и церкви зижа и украшая; чтяшетъ же излиха чернечьский чин и поповь-

ский, подавая им еже на потребу, и принимая от них молитвы. Велику же веру стяжа к богу и сродникома своим, к святыма мученикома Борису и Глебу: тем и церковь прекрасну созда на Лте, во имя ею, идеже святого Бориса кровь прольяна бысть. Жалостив же бяше отинудь, и дар си от бога прия, да егда в церковь внидашеть и слыша пенье, и абь слезы испущашеть, и тако молбы ко владыце Христу со слезами воспушаше: тем и бог вся прошенья его свершаше, и исполни лета его в доброденьстве. И поседе Кыеве на отни столе 13 лет и в лето 6633 от начала миру преставися, мая месяца в 19 день, жив от рожества своего лет 73 лета, преставися на Лте у милое церкве, юже созда потщаньем многым; сынове же его и боляре несоша Киеву, и положен бысть в святей Софьи у отца своего“ (Лавр. сп.).¹

Умер великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах. По обычаю летописи, сообщение о княжеской кончине сопровождалось характеристикой и оценкой покойного; в отношении Мономаха эта характеристика отличается наибольшей содержательностью, и похвала ему перекрывает шаблон летописных посмертных панегириков. Видно особое внимание к этому государственному деятелю, за его труд и подвиг на благо Русской земле и за его высокое человеческое достоинство. Подмечены даже тонкие черты его душевного образа. В летописи имеются собственно две посмертные характеристики Мономаха одна в Лаврентьевском списке — подробная; другая в Ипатьевском списке — краткая. Статья Лаврентьевского списка насыщена церковными цитатами (из Евангелий, из Псалтири), что неизбежно для морализации книжного средневековья. Статья Ипатьевского — сжатее, без литературных цитат, но не лишена чувства.

„Преставися благоверный и благородный князь христолюбивый великий князь всея Руси Володимер Мономах, иже просвети Рускую землю, акы солнце луча пушая, его же слух

¹ Заслуживает внимания, что о Святополке Изяславиче некролога с характеристикой в летописи не дано (1113 г.), есть лишь приличествующее описание похорон.

произиде по всим странам, наипаче же бе страшен поганым, братолюбець и нищелюбець и добрый страдалець за Рускую землю. Сего преставление бысть маия в девятый на десять (день), и спрятавше тело его положиша у святей Софье у отца Всеволода, певше обычныя песни над ним. Святители же жалящеси плакахуся по святом и добром князи, весь народ и вси людие по нем плакахуся, яко же дети по отцю или по матери, плакахуся по нем вси людие и сынове его, Мьстислав, Ярополк, Вячьслав, Георгий, Андрей, и внуци его. И тако разидошася вси людие с жалостью великою, такоже и сынове его разидошася, каждо в свою волость с плачем великом, идеже баше комуждо их раздавал волости“ (Ипат. сп.).

Как уже отчасти показано выше, летопись благожелательна к самому племени, к которому принадлежал Владимир Мономах, начиная с его отца Всеволода Ярославича, и, как увидим ниже, кончая внуками. Уже при смертной болезни Ярослава летопись отмечает присутствие лишь Всеволода — как одного из сыновей: „Всеволоду же тогда сущю у отца, бе бо любим отцем паче всея братьи, его же имяше присно у себе“ (1054 г.). Кончина Всеволода (1093 г.) сопровождается сочувственным отзывом о нем, правда, с указанием его слабости под старость: „Сий бо благоверный князь Всеволод бе издетьска боголюбив, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископом и презвутером, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье им; бе же и сам въздержася от пьянства и от похоти, тем любим бе отцем своим, яко глаголати отцю к нему: «сыну мой, благо тебе, яко слышу о тебе кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть бог прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильем, то егда бог отведеть тя от житья сего, да ляжеши, идеже аз лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». Се же сбысться отца его, якоже глаголал бе“ и т. д.

Расположение и сочувствие летописи к самому Владимиру Мономаху замечаются особенно с кончины его отца (когда

Мономаху исполнилось 40 лет), будучи выражены летописцем то в самом поведении героя, то в оценке его деяний. Темою этих высказываний летописи является постоянная забота Мономаха о благе русской земли и его благоразумие при достижении этой высокой цели. Так, когда умер Всеволод, Мономах не занял Киевский стол, а добровольно уступил Святополку Изяславичу, как представителю старшего племени. В следующем году Мономах уступил Черниговский стол Олегу Святославичу, признав его право.

В войне с Половцами, вызванной заносчивым Святополком, Мономах высказался за мир с ними, как и советовали „мужи смыслени“, предвидевшие поражение Русских, что и случилось. Скоро и Владимиру встретился „камень преткновения“: он согласился на изменнический захват и убийство двух половецких ханов, пришедших в 1095 г. в стольный его город Переяславль „на мир“. Но и тут летописец облегчил его проступок сторонним воздействием: „Володемиру же нехотящю сего створити, отвеца бо: «како се могу створити, роте с ними ходив?» Отвещавше же дружина, рекоша Володемеру: «княже, нету ти в том греха: да они всегда к тебе ходяче роте губять землю Русьскую и кровь хрестьяньску проливають безпрестани!» И послуша их Володемер...“ И далее не раз действиями Владимира руководит мысль, что „поганые губят землю Русьскую“, что князьям необходимо единение и мир между собою: „да быхом оборонили Русьскую землю от поганых“. Когда Василько Ростиславич Теробовльский был зверски ослеплен по замыслу и оговору Давида Игоревича, привлечшего к участию в преступлении и Святополка Изяславича, Владимир Мономах ужаснулся преступлению, небывалому в Русской земле среди княжеского рода, и стал звать к себе на съезд не только Святославичей, но и самого великого князя: „да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земли и в нас в брати, оже вверже в ны ножь; да аще сего не правим, то большее зло встанеть в нас, и начнеть брат брата закалати, и погибнет земля Руская, и врази наши Половцы пришедше возмут землю Русьскую“. Святополку

не удалось оправдать свое участие в преступлении, но Киевляне уговорили Владимира через его мачеху и митрополита не воевать с виновным. Здесь следует похвальная характеристика Мономаха, в которой отмечается: его взаимная любовь с отцом, соблюдение родительских заветов, отношение к вдовствующей мачехе, как к родной матери, уважение святительского сана, покровительство инокам, кормление странников, неосуждение спорщиков и приведение их к любви. Последнее высказано с такой простотой, что чувствуется как жизненная черта Мономаха: „аще кого видяше ли шюмна, ли в коем зазоре, не осудяше, но вся на любовь прекладаше и утешаше“.¹ Общеизвестна убедительная речь Владимира на Долобском съезде князей, полная заботы о смердах-землепашцах. Ничего не могла возразить дружина Святополка, и сам великий князь принял предложение Владимира идти на Половцев. Повествования о походах в глубь Половецкой земли, совершенных по замыслу Владимира Мономаха, отличаются церковно-книжным колоритом, в чем надо видеть особое уважение к предприятию князя, как к подвигу благочестия. Так, в походе 1103 г. князь и вой дают церковные обеты, Половцы затрепетали и обессилели от лица Русских, точно чудом, Владимир говорит псаломскими цитатами, которые витиевато подогнаны к фактам. Мысль о походе 1111 г. вложил Владимиру бог через ангела; перед двигавшимся войском Владимир пустил попов, поющих гимны; от божьего гневного ока враги падали, в помощь русским бог послал ангела, который невидимо бил Половцев, только головы их летели на глазах у всех, да еще пленники заметили, как над Русскими шло

¹ Реальным примером успокоения спорщика может служить диалог между Давидом Игоревичем и Владимиром Мономахом на Витичевском съезде (1100 г.): „И приде к ним (т. е. к собравшимся князьям) Игоревичь Давыд и рече к ним: «на что мя есте привабилы? Осе есмь; кому до меня обида?» И отвеща ему Володимер: «ты еси прислал к нам: хочю, братья прити к вам и пожаловатися своєю обиды; да се еси пришел, и седишь с братьею своєю на одином ковре: то чему не жалуешься, до кого ти нас жалоба?» И не отвеща Давыд ничтоже“.

другое, небесное войско. Рассказ о последней победе летописец заключает славою на весь мир. В послесловии, сопровождающем гибель Ярослава Святополковича (1123 г.) при осаде Владимира Волынского, где сидел сын Мономаха, гордости юного Ярослава противопоставлено смирение Мономаха, которому вместе с сыновьями и помог бог „за честное его житие и за смирение его“.

Высокая оценка Мономаха летописью не закончилась вышеприведенными его некрологами. Благодарная о нем память долго еще дает о себе знать. Приводим соответствующие места. В год смерти Мономаха сын его, Ярополк Владимирович, бесстрашно выступил против Половцев: „тогда же благоверного князя корень и благоверная отрасль, Ярополк призва имя Божие и отца своего, с дружиною своею дерзну“. Став великим князем, он простил заратившегося в 1139 г. Черниговского Всеволода Ольговича: „Ярополк же благ сый и милостив нравом, страх божий имея в сердци, якоже и отец его имеяше страх божий, и о всем рассмотрив, не восхоте створити кровопролитья, створи с ним мир...“ Описывая под 1140 г. затруднение Мстислава Владимировича в пору, когда „налегли Половци на Русь“, летописец замечает: „се бо Мьстислав великий наследил отца своего пот, Володимера Мономаха великаго. Володимер сам собою постоя на Дону и много пота утер за землю Рускую, а Мстислав мужи свои посла, загна Половци за Дон и за Волгу и за Гиик“. Новгородцы просят себе в князя именно из Владимирова рода: „Новгородци сдумавше, рекоша Всеволоду (Ольговичу, великому князю): не хотим сына твоего, ни брата, но племени Володимеря“. Побуждаемые Изяславом Мстиславичем идти против Юрия Владимировича Суздальского, Киевляне отказались: „Кияне же рекоша: «княже, ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти»“ (1147 г.) „И Куряне рекоша Мьстиславу иже се: «Олгович ради ся за ты бьем, а на Володимире племя, на Гюргевич не можем руки подьяти»“. В 1149 г. Андрей Юрьевич бьется под Луцком: „не величаву бо ему сущю на ратьный чин, но похвалы

ищючи от единого бога, тем же пособием божием и силою хрестьною и молитвою деда своего (т. е. Мономаха), въеха переже всех в противныя“.¹

В части текста, примерно до 1111 и даже до 1118 г., заключающей ту начальную Русскую летопись, которая озаглавлена как „Повесть временных лет“, трактовка Владимира Мономаха некоторыми учеными считается пристрастной. Такова точка зрения покойного ныне академика А. А. Шахматова, оставившего нам гипотетическую историю „Повести временных лет“. Наиболее четкое конспективное изложение Шахматовской гипотезы дано во вводной части к реконструкции текстов „Повести“ (СПб., 1916, изд. Археограф. комиссии). Мы следуем этому изложению.

Русская летопись, сохранившая начальное свое надписание — „Повесть временных лет“, — имела три редакции.

Первая, основная, редакция составлена монахом Киево-Печерского монастыря (Нестором) в первом десятилетии XII в. (1112 г.). Эта редакция с особенной подробностью говорила о событиях великокняжения Святополка Изяславича, который в конце-концов стал близок к Киево-Печерскому монастырю. Составленная в благоприятном для Святополка духе, она должна была заменить, по его замыслу, еще более раннюю (конец XI в.) Киево-Печерскую же летопись, враждебную Святополку. Много грехов знал за собой Святополк; в прошлом вопияли против него не только местные неурядицы и плохое управление, но также участие в злодеянии, потрясшем Русскую землю, — ослеплении Василька. Святополку надо было оправдать себя перед современниками и потомством. Вот стараниями умудренного и событиями и летами великого князя Святополка и создается новый извод Киево-Печерской летописи — „Повесть временных лет“ (основная, первая ее

¹ Для фактов в истории потомков Мономаха весьма полезна популярная брошюра К. Бестужева-Рюмина „Князь Владимир Всеволодович Мономах и потомки его Мономаховичи, или о временах княжеских смут и усобиц“, СПб., 1892 г..

редакция). Преемник Святополка Владимир Мономах не мог не обратить самого серьезного внимания на этот памятник предшествующего княжения. Необходимо было восстановить события последних двух десятилетий в ином освещении; политический интерес требовал изъятия из обращения многих частей киево-печерского летописца. Для этого Мономах обратился к игумену монастыря, тесно связанного с именем его отца (Всеволожа Михайлова монастыря на Выдобыче) и сохранившего преданность дому Всеволода и во время княжения Святополка. Игумен Сильвестр взялся за порученный ему труд и выполнил его в 1116 г. В этой Сильвестровской или второй редакции „Повести временных лет“ личность Святополка отодвинута в тень; напротив, личности и деятельности Владимира Мономаха отведено выдающееся место.

Переход княжеского летописания в другой монастырь не мог не взволновать Печерскую обитель; с летописью уходило ее влияние на политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского мира. Киево-Печерский монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло: Святополк был забыт; все мысли и надежды перенеслись на Владимира Мономаха. В Печерском монастыре оказались горячие приверженцы последнего. Одному из них, именно своему постриженнику, духовнику Мономахова сына Мстислава Владимировича, только что переселившемуся из Новгорода в Киевскую область, Киево-Печерский монастырь поручил составление нового летописного свода. Составителю этой, третьей, редакции „Повести временных лет“, работавшему в 1118 г., пришлось воспользоваться Сильвестровской редакцией; он дополнил ее преимущественно известиями, имеющими отношение к Владимиру Мономаху, и продолжил до статьи 1117 г., вписав в конец свода Мономахово Поучение к детям.

Во второй редакции „Повести временных лет“ Сильвестром вставлено несколько статей, например, статья об убийстве Итлара и его дружины в Переяславле. Возможно также, что Сильвестру принадлежит вставка имени Владимира при

имени Святополка в ряде статей, записанных под 1095 и следующими годами: поход на Половцев — „Святополк же и Володимер посласта к Ольгови“ и т. д.; съезд против Олега — „Святополк и Володимер посласта к Ольгови“; нашествие Боняка и удаление Олега в Рязань: „Святополк же и Володимер придоста в свояси...“. Рассказ об ослеплении Василька Теремовского и связанных с этим событиях 1097—1100 гг. Сильвестр заимствовал из Галицкой летописи Василькова духовника, попа Василя, ибо не мог сохранить рассказы составителя первой редакции, который очевидно умалчивал об участии Святополка в преступлении. Сильвестру, с одной стороны, было необходимо дать более правдивое изложение события, а с другой, желательно было напомнить о благородном порыве Мономаха, двинувшегося в защиту Василька и своим вмешательством облегчившего его участь. В рассказ попа Василя Сильвестр вставил нечто от себя, именно начиная с ужаса Мономаха, услышавшего об ослеплении Василька, и кончая возвращением Всеволожей княгини с обещанием Мономаха помириться со Святополком. Вся эта вставка Сильвестра представляет красноречивый панегирик Мономаху и выяснение его отношения к совершившемуся злодеянию; прямую похвалу Мономаху читаем в заключении вставки: „Володимер бо так есть любезнив“ и т. д. — „но вся на любовь прекладаеть, и утешаеть“.

В третьей редакции (судя по Ипатьевскому списку) текст, начиная с 1076 г., местами дополнен известиями, имеющими ближайшее отношение к Владимиру Мономаху, его семейству (1076 г. — рождение Мстислава Владимировича, 1102 г. — рождение Андрея Владимировича, постройка церквей Всеволодом и Владимиром) и области (Переяславской). Рассказ о счастливом походе на Половцев 1111 г. составлен также лицом, близким к Мономаху, которому приписывается самый почин этого похода: „се бо ангел вложи в сердце Мономаха поустити братию свою на иноплеменьники, Русьские князе“. О близости составителя третьей редакции к Владимиру Мономаху свидетельствуют как его почтительное и любовное

отношение к Мономаху, которое обнаруживается во многих статьях последней части его труда, обнимающей события 1110—1117 гг., так и те материалы, которыми пришлось ему воспользоваться; сюда относится, во-первых, Поучение Владимира Мономаха и письмо его к Олегу, во-вторых, ряд вышеуказанных сообщений о Мономахе и его семье (стр. XVI—XVIII, XXVII, XXXI, XXXIII—XL).

Таковы высказывания Шахматова, убедившегося путем анализа летописных сводов вообще в пристрастном освещении событий летописцем.¹ Но какая-то степень объективности несомненно сквозит и через такое пристрастие. Самое пристрастие может свидетельствовать о влечении к герою, которое вызывалось действительными его достоинствами. А что Мономах обладал такими достоинствами, видно из благодарной памяти о нем, засвидетельствованной отзывами не только следующего за ним поколения, даже не только в течение столетия после его кончины („Слово о полку Игореве“; легенда о „емшане“ под 1201 г. Галицкой летописи; „Слово о погибели Русской земли“), но и спустя 300 и 400 лет (Повесть об Едигее 1409 г.; „Сказание о князьях Владимирских“).

Автор „Слова о полку Игореве“ сожалеет о том, что „того старого Владимира нелзе бе пригвоздити к горам Киевьским“, — тогда бы у князей сохранилось единение.

Галицкий летописец, под 1201 г. прославляя своего приснопамятного князя Романа, „одолевша всим поганьским языком“, пишет: „ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганя измаилтяны, рекомья Половци, изгнавшю Отрока (половецкого хана) во Обезы, за Железная врата.

¹ Иного мнения держался летописец XV в. (под 1409 г.), описывая некоторые настроения в московской политике: „Сия вся написанная аще и нелепо кому видится, иже только от случившихся в нашей земле несладостная нам и неулаканная (неприкрашенная) изглаголавшим, но изустительная (побуждающее) и к пользе обретающаяся и восставляющая на благая и незабытная; мы бо не досажюще, ни поношающе, ни завидяще чти честных (чести почетных лиц) таковая вчинихом, яко же обретаем начального летословца Киевского, иже вся временнобытства земская

Сърчанови же (это брат Отрока) оставшю у Дону, рыбою ожившю, тогда Володимир Мономах пил золотым шеломом Дон, приемшю землю их всю и загнавшю оканьныя Агаряны“. „По смерти же Володимере“ Сърчан послал своего певца к Отроку с предложением вернуться на родину: „Володимер умерл есть, а воротися, брате, поиди в землю свою“. Чтобы окончательно приманить беглеца на родину, певец должен был дать Отроку понюхать степной травы „евшан“ (полян) и т. д.

В „Слове о погибели Русской земли“, памятнике XIII в., прославляющем Русскую землю, вспоминается среди ее героев — Мономах. Автор охватывает всю территорию Руси, со всеми ее разноплеменными народами и говорит: „То все покорено было богом крестияньскому языку поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Киевскому, деду его Володимеру Манамаху, которым то Половци дети своя страшаху в колыбели, а Литва из болота на свет не выникываху, а Угры твердяху каменыи города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал. А Немци радовахуса, далече будуче за синим морем; Буртасы, Черемиси, Вяда и Морьдва бортьничаху на князя великого Володимера; и жюр Мануил Царегородский опас имея, поне и великыя дары посылаше к нему, абы под ним великий князь Володимер Царягорода не взял...“

Приведем относящийся к Мономаху текст из памфлета конца XV в., названного „Сказанием о князех Владимирских“, в котором рассказывается: „поставление великих князей русских откуду бе, и како начаша ся ставити на великое княжение святыми бармами и царским венцем“. „В лето 6622 (1114) бысть сий князь великий Владимир Всеволодо-

не обинуяся показуеть, но и прьвии наши властодрьжици без гнева повелевающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочие по них образы явлени будут, якоже при Володимере Мономахе, ового великого Селивестра Выдобыжского, не украшая пишущего, да аще хоцещи, прочти тамо прилежно, да почет почиши (прочтя, удовлетворишься)“.

вичь Манамах, князь великий Киевский, правнук великаго князя Владимера, просветившаго Русскую землю, от него же 4-е колено. Той бо Мономах прозвася от таковыя вины. Егда седе в Киеве на великое княжение, начат совет творити со князи своими и с боляры и с велможи, глаголя тако рече: «егда аз мал есмь преже мене царствовавших и хорюгви правящих скипетра великия Росия, якоже князь великий Олег ходил и взял со Царяграда велию дань на вся воя своя, и потом великий князь Всеслав Игоревич ходил и взял на Константине граде тяжчайшую дань. А мы есмя божиею милостию настолницы своих прародителей и отца своего великаго князя Всеволода Ярославича и наследницы тоя же части от бога сподоблены, и ныне убо совет ишу от вас, моя полаты, князей, и бояр, и воевод и всего над вами христоролюбиваго воинства, и да превознесетя имя святых и живоначальных троица ваша храбрости могуществом божиею волею с нашим повелением, и кий ми совет воздаете?» Отвещаста же великому князю Владимеру Всеволодовичю князи и боляря его и воеводы и реша ему: «сердце царево в руке божи, якоже есть писано, а мы есмя вси раби твои под твоею властью». Великий же князь Владимир збирает воеводы благоискусны и благоразумны и благоразсудны, поставляет чиновначальники и сотники и пятидесятники и совокупи многи тысяща воинств и отпусти их на Фракию Царяграда области, и поплениша их довольно, и возвратишася со многим богатством здрави во свояси. Тогда бе во Цареграде благочестивый царь Константин Манамах, и в то время брань имея с Персы и с Латины. И составляет совет благ премудрый царьский, отряжает убо послы своя к великому князю Владимеру Всеволодовичю митрополита Ефесскаго Неофита от Асия и с ним два епископа, Матулинскаго и Мелетинскаго, и стратига Антиохийскаго, игемона Иерусалимскаго Иеустафия и иных своих благородных. От своя же царския выа снимает животворящий крест от самого животворящаго древа, на немже распятыя владыка Христос, спимает же от своя главы царский венец и поставляет его на блюде злате; повелевает же

принести крабейцу сердоликову, из неяже Август царь Римский веселящися, посылает же и ожерелие, сиречь святыя бармы, иже на плещу свою ношаша, и чепь от злата Аравитскаго скованну и ины многи дары царския, и даст их митрополиту Неофиту и епископом и своим благородным посланником, и отпусти их к великому князю Владимиру Всеволодовичю, моля его и глаголя: «прими от нас, боголюбивый и благоверный княже, сия честныя дарове, иже от начатка вечных лет твоего родства и поколения царских жребий на славу и честь на венчание твоего вольнаго и самодержавнаго царствия. О немже начнут молити ты наши посланницы, что мы от твоего благородия просим мира и любве, яко да церкви божия безмятежна будут и все православие в покой да пребудет под сущюю властью нашего царства и твоего вольнаго самодержавства великия Росия, да нарицаешия боговенчанный царь, венчая сим царским венцем рукою святейшаго митрополита кир Неофита с епископы». И с того времени князь великий Владимир Всеволодович наречеся Манамах, царь великия Росия, и потом пребыста прочая времена с царем Константином князь великий Владимир в мире и любви. Оттоле и донныне тем царским венцем венчаются великии князи Владимирстии, его же прислал греческий царь Константин Манамах, егда поставятся на великое княжение Росийское...»

Приведенные старинные тексты показывают, как, изменяясь с течением веков соответственно их идеологическому развитию, образ Владимира Мономаха оставался в литературе неизменно хвалебным. Вместо объединителя княжеского рода и главы правящих феодалов этот образ лет через четыреста стал представлять единовластца, притом увенчанного мировыми инсигниями власти. Это последнее превращение произошло к тому времени, когда Москва почувствовала себя вправе стать во главе государств Восточной Европы и прозвалась „третьим Римом“. За всю средневековую эпоху Владимир Мономах посмертно изображался, как представитель мощи Русского народа перед всеми другими народами

и государствами, начиная со степняков-кочевников и кончая Византией.

Но как сам Мономах, так и Всеволодово племя вообще не характеризовались в книжности только с лучших „добрых“ сторон. Отмечены были и недостатки в их душевном облике и деятельности, хотя и здесь чувствовалось снисхождение к этим слабостям и грехам. Так, в некрологе Всеволода Ярославича (1093 г.), частично приведенном выше, после сбывшегося предсказания его отца о великокняжении и похоронах, рядом читаем: „сему (Всеволоду) приимшю послеже всея братья стол отца своего, по смерти брата своего седе Кыеве, княжа; и быша ему печали больше, паче неже сядящю ему Переяславле. Сядящю бо ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновець (племянников) своих, яко начаша ему стужати, хотяще власти, ов сея, ов же другыя; сей же смиривая их, раздаваше волости им. В сих же печали всташа и недужи ему, и приспевше старость к сим. И нача любити смысл уных, совет творя с ними; си же начаша и заводити, и нача негодовати дружины своя первая, и людемъ не доходити княже правды. И начаша тиуни его грабити люди и продаяти, сему же не ведушю в болезнях своих“.

В тех же слабостях приблизительно современники упрекали и Всеволодова сына, Владимира Мономаха. Имеем в виду митрополичье послание Мономаху, содержащее рядом с похвалой князю и существенные упреки.

В этом послании замечательная характеристика Владимира Мономаха принадлежит митрополиту киевскому Никифору, современнику и свидетелю второй половины его жизни, в течение семнадцати лет лично общавшемуся с князем (1104—1121). В 1108 г. великий князь Святополк — Михаил Изяславич, повелел митрополиту Никифору вписать киево-печерского игумена Феодосия в синодик для повсеместного поминовения (акт, предваряющий возведение в национальные, русские святые). В 1112 г., по просьбе же киево-печерской братии, Святополк велел митрополиту поставить намеченного ею игумена на место прежнего, взятого во епископы. В 1113 г.

„Начало княженья Володимеря, сына Всеволожа. Володимер Мономах седе Кыеве в неделю. Устретоша же и митрополит Никифор с епископы и с всеми Кыяны с честью великою. И седе на столе отца своего и дед своих; и вси людие ради быша...“

В 1115 г. митрополит участвовал в перенесении мощей Бориса и Глеба „заступников земли Русьстей и поборников отечеству своему“, что было задумано Мономахом со Святославичами, и в чем особенно усердствовал Мономах. 2 мая митрополит Никифор со епископами и игуменами освятил новопостроенную в Вышгороде каменную церковь, куда в предшествии всего собравшегося духовенства князя с боярами на возилах перевозили раки. Чтобы пройти сквозь множество народа, Владимир велел разметать в толпы куски дорогих тканей и деньги... Распъри же бывъши между Володимеромъ и Давыдомъ и Ольгомъ, — Володимеру бо хотящу я поставити среди църкве и терем сребрен поставити над нима, а Давыд и Олег хотяшета поставити я в комару, «идеже отецъ мой, рече, назнаменал», на правой стороне, идеже бяшета устроене комаре има, и рече митрополит и епископи: «верзете жребии, да иде изволита мученика, ту же я поставим». И угодно се бысть, и положи Володимер свой жребий, а Давыд и Олег свои жребии на святей трапезе, и выняся жребии Давыдов и Ольгов. И поставиша я в комару тою, на десней стране... Володимер же окова раце серебром и позлати, такоже и комаре покова серебромъ и златомъ, и украси гроба ея...“¹

Никифор был грек, поставленный в Византии в митрополиты на Русь. Как грек, он не знал русского языка настолько,

¹ В дополнение к приведенному сообщению „Повести временных лет“. По „Сказанию“ о Борисе и Глебе каменную церковь во имя их начал строить в Вышгороде еще Святослав Ярославич; Всеволод Ярославич ее докончил, но она развалилась; Святополком Изяславичем стройка не производилась, и каменная церковь была благополучно построена вместо упавшей Олегом Святославичем в 1111 г. Когда Борис и Глеб лежали еще в деревянной Вышегородской церкви, Мономах уже украшал

чтобы говорить изустно поучения в церкви. „Много поучений,— замечает он в одном из своих слов, — мне надлежало бы предлагать вам языком моим... Но не дан мне дар языков, о котором свидетельствует божественный Павел (апостол) и посредством которого я мог бы творить порученное мне: от того я стою посреди вас безгласен и молчу много. А так как ныне потребно поучение, по случаю наступающих дней святого великого поста, то я рассудил предложить вам поучение через писание“. Очевидно, Никифор писал свои сочинения по-гречески, а потом они переводились по-русски. В таком переводе сохранились, между прочим, два послания Никифора Владимиру Мономаху. Одно из них отвечает на вопрос Мономаха о причинах отвержения Латинян (католиков) восточной церковью, в другом Никифор поучает Мономаха о посте и воздержании чувств и дает характеристику

их раки: „Володимир же иже и Мономах нареченый, сын Всеволожь, в та времена, якоже рекохом, предръжааше убо Переяславскую оболость и съ убо любовь многу имеяше к святыма (Борису и Глебу) и много приношение творяаше има. Таче сиче умысли сътворити, да окуеть серебромъ и золотомъ святей раце честною и святою христову мученику. И пришьдъ ношь премери гроба, расклепав же дъскы серебряныя и позолотив, и паки такоже пришьдъ нощию и обложив окова чюдодейная и достохвальная святая гроба, стратотерпъдю христову мученику Бориса и Глеба, и такоже ношь отъиде. И на утрия пришедъше с радостию узъревъше покланяхуся, хвалу въздаша богу и святыма мученикома, яко таку мысль въложивъшу в сердце благоверъному князю; сиче и многыми словесы похвалиша благородство же въкупъ и великоумие и любовь еже к святыма, кротость же и съмерение и тъщание к богу и к святым церквам, еже творяше благоверный князь Володимир, паче же и к сима убо святыма. Се же преже сътвори в лето 6610 (1102 г.) лето. А последи по пренесени и множайша съдела над святыма гробомъ, исковав бо серебряныя дъскы и святыя по ним издражав (вычеканив изображения) и позолотив покова, вор же (ограждающую решетку) серебрямъ и золотъмъ с хрустальными великими разнизани и устрои, имущъ връху пообилу злато, свѣильна позолочена, и на них свѣще горяще устрои въину. И тако украси добре, яко не могу съказати оного ухыщрения по достоянию доволне, яко многомъ приходящем и от Грък и от инех же земль и глаголати: никде же сичея красоты несть, а и многихъ святыхъ раки видели есмы. И сиче устрои на память добрыхъ ему дел...“

этого князя. Оба послания встречаются в списках XVI в. и помещены в Макарьевских Минеях Четых под 20 июня.

„Послание Никифора митрополита Киевского к великому князю Володимиру, сыну Всеволожу, сына Святослава“ написано под предлогом наступления поста, когда, говорит автор, устав церковный и правило велят говорить нечто полезное и князьям: „и сего ради дръзнухом мы, яко устав есть церковный и правило, в время се и к князем глаголати что полезное“. По мнению Е. Е. Голубинского, настоящею главною целью послания было предостеречь князя против склонности внимать наговорам. В общем же — оно „отвлеченно и хитрословесно“. Указав на происхождение поста и на значение его как средства для укрощения страстей: „той [пост] бо кротит телесныя страсти; той обуздывает противныя стремления и духови дает телесное покорение“, Никифор, впрочем, не находит нужным много рассуждать о посте перед таким князем, которого „благочестие воспитало и пост вздоил“: „И многа ина имел бых изрещи на похваление поста, аще иному бы было писание се; а понеже к тебе, добляя глава наша и всей христолюбивей земли, слово се есть: егоже бог проразуме и предповеле, его же из утробы освяти и помазав, от царское и княжьское крови смесив (мать — византийская царевна), его же благочестие въспита и пост въздои, и святая Христова купель из млад ногтий очисти, то непотребно есть о посте беседовати ти, и пачеже о непитии вина или пива въ время поста. Кто бо не весть твоего исправления сего? ни той, иже оттинудь невежа, или нечувственный, не разумеет их. И видять вси и чудяться!“ Но все же, согласно церковному уставу, Никифор продолжает учительное рассуждение, именно — о самом источнике страстей и добра и зла в людях. Прежде всего говорит он о трех главных силах души, называя их такими терминами: „словесное“ (разум), „яростное“ (чувство) и „желанное“ (воля), — Голубинский находит здесь сходство с Григорием Нисским. Из этих сил — „словесное“, т. е. разум, выше других, так как им люди отличаются от животных. Потом, указав на добрые

и худые стремления и дела, в которых разум, чувство и воля обнаруживаются в людях, он говорит: „ты узнал теперь, князь человеколюбивый и кроткий, три силы души (тричастное душа), узнай же и слуг ее, воевод и напоминателей, которыми она обслуживается, будучи бесплотна и получает напоминания. Душа находится в голове, имея ум, как светлое око, в себе и наполняя своею силою все тело. Как ты, князь, сидя здесь в этой своей земле на своем престоле, действуешь через воевод и слуг, по всей своей земле, а сам ты господин и князь: так и душа действует по всему телу через пять слуг своих, т. е. через пять чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание“ („очима, слухом, обонянием, еже есть ноздрима, вкушением и осязанием, еже еста руце“). Оценивая сравнительное достоинство этих слуг души, он отдает предпочтение зрению перед слухом, который вместе с истиною передает иногда и ложь. А потому, что сами видим, тому можно верить, а что слышим от других, то надобно принимать с „испытанием и судом многим“. Далее, применяя к князю испытание других сил души, Никифор дает такую похвальную характеристику его поведению. „О обонянии, которое возбуждает благоухание, что говорить такому князю, который больше на сырой земле спит, дому бегаёт, платье светлое отвергает, по лесам ходя сиротинскую (нищенскую) носит одежду, и только по нужде, входя в город, облакаешься в одежду властелинскую! И о вкушении также, что касается пищи и питья. Мы знаем, что для других ты любишь готовить обеды обильные, чтобы на них пригласить всех, и достойных и случайных людей, ради княжеского величия; а сам служишь и работаешь своими руками, и доходит подаяние твое даже и до полатей („даже до комаров“), что ты исполняешь ради княжения и власти: другие насыщаются и упиваются, а сам ты сидишь и смотришь только, как другие едят и пьют, довольствуясь малою пищею и водою. Так ты угождаешь своим подданным, терпеливо сидишь и смотришь, как рабы твои упиваются, и этим поистине угождаешь им и покоряешь. Так ты относишься к вкушению, что я сам

знаю. В отношении осязания (производимому руками), то, что касается имущества, я знаю, что с тех пор как ты родился и в тебе утвердился ум, от того возраста, когда можно было благотворить, то руки твои, по благодати Божьей, ко всем простираются; никогда не прятал ты сокровищ, никогда не считал ты золота или серебра, но все раздавал, черпая обеими руками, так и до сих пор. А между тем сокровищница («скотница») твоя, по божией благодати, не скудна и неистощима, раздаваема, но неисчерпаема». Испытав князя по всем силам души, и находя его непогрешимым по всем другим чувствам, Никифор опять останавливается на слухе: „о втором же чувстве, т. е. о слухе, не знаю, княже, что сказать тебе; а кажется мне, что, так как сам ты не можешь все видеть своими глазами, то служащие тебе орудием и приносящие тебе напоминание иногда представляют тебе донесения ко вреду души твоей и через отверзстый слух твой входит в тебя стрела... Подумай об этом со вниманием, княже мой, и помысли об изгнанных тобою и осужденных в наказание, о презренных, вспомни обо всех, кто на кого сказал что-нибудь, кто кого оклеветал, сам судья, рассуди таковых, и как от бога наставляемый, всех помяни и отпусти, да и тебе отпустится, отдай, да и тебе отдастся... Только не опечалься, князь, этим словом моим: не подумай, что кто-нибудь пришел ко мне опечаленный и потому я написал это тебе: нет! ради благоверия твоего — так просто я пишу к тебе для напоминания, в котором нуждаются владыки («великия власти»): многим пользуются они, но зато и многим искушениям подвержены (или — так как они могут приносить большую пользу, и могут очень вредить: «яко и вельми пользуют, и велику пакость имеют»)¹ Тако бога поминая блажен будеши, храняй судьбу и творя правду во всяко время... поминай о осуженных от тебе и исправи кто кого оклеветал, и сам рассуди; и простим, да прощени будем“.

¹ По Соловьеву: „многим пользуются они, но за то и многим искушениям подвержены“; по Шевыреву: „великую пользу приносят оне и великим грехам подвержены“ (лекция IX).

Издатель Послания митрополита Никифора (Русск. достопамятности, ч. I, М., 1815) находит в нем: „те же мысли и те же чувства, какие обнаруживаются в наставлении князя Владимира своим детям“; „советы [Никифора], как приметно, твердо впечатлевались в сердце Владимира, украшенного добрыми нравами и прослувого в победах, по словам современной ему летописи“ (стр. 60). Ст. Шевырев, сравнивая Послание Никифора с Поучением Мономаха детям, говорит, что одно подтверждается другим: „к чести Владимира Мономаха, что он, в Поученьи к детям своим предписывал то, что выполнял сам на деле, по свидетельству митрополита Никифора. Из Послания узнаем, что этот князь более спал на земле, редко жил дома, чуждался светлого платья, любил ходить по лесам в простой одежде и только по нужде, возвращаясь в город, облакался в ризу властительскую. Не тот ли это самый Владимир, который и Поучение свое пишет не дома, непрерывно занят военными походами и ловами? Его домашняя деятельность, его гостеприимство, смирение, любовь ко всем и воздержание подтверждаются словами его духовного наставника. Здесь он также служит сам и все стережет своими руками; дает светлые пиры своим подданным; смотрит на них, как они обедаются и упиваются, а сам доволен малою пищею и водою; угождает своим рабам и покоряет их своею любовью. Сокровище его никогда не залеживалось, серебро и золото никогда не считалось, а все раздавал он обеими руками: не тот же ли это Мономах, который в Поученье говорит, обращаясь к богу: «се все, что ны еси дал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний», и потом к детям: «и в земли не хороните, то ны есть велик грех»¹.

¹ История русской словесности, Лекции Степана Шевырева. Изд. 3-е, СПб., 1887, читаны в 1844—1859 гг., лекция IX, стр. 111, 112.

ГЛАВА III

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В современных Мономаху характеристиках его и отзывах о нем настойчиво указывается его связь с церковью. В ту раннюю пору средневековья, когда Русь менее ста лет пребывала христианизованной, церковь принимала особое участие в жизни государства. Так было у всех „молодых“ народов Европы. В эту эпоху преимущественную политическую роль играли верхи и центры монашества, соревнуясь в силе влияния с князьями областей. Естественно, что и Владимир Мономах участвовал в делах церкви не только как горячий последователь мировой религии и почитатель церковных ее представителей, но и как политик, соблюдающий интересы своей страны.

Отношение Мономаха к церковным делам нам показалось удобнее выделить в самостоятельный отдел изложения, подобно другим исследователям. Это выделение вызывается некоею специфичностью материала, специальными его источниками (главным образом агиография) и характером научной литературы, именно исследований в области „истории церкви“.

Из соответствующего материала нам уже пришлось цитировать в связи с летописью кое-что из житийного Сказания о Борисе и Глебе, а также послание Мономаху митрополита Никифора. Нам теперь остается еще сообщить данные, находя-

щиеся в Киево-Печерском Патерике, которые вслед за сим мы и представляем в цитатах.

Судя по Киево-Печерскому Патерику (перв. и втор. четверть XIII в.), Владимир Мономах и весь его род пользовались в Печерском монастыре благосклонным вниманием (цитаты далее — по изданию Археографической комиссии, СПб., 1911).

Основатель Печерской церкви варяг Шимон, давший Антонию золотой пояс, как „меру и основание“ храма, и золотой венец со статуи Христа и за то переименованный в „Симона“, был первым похороненным в той церкви. „Оттоле сын его Георгий велику любовь имеаше ко святому тому месту. И бысть послан от Володимера Мономаха в Суждальскую землю, сий Георгий, дать же ему (Мономах) на руже и сына своего Георгия (Юрия Долгорукого, род. по Татищеву в 1090 г., упом. в Рост.-Сузд. области в 1096 г.). По летех же мнозех седе Георгий Владимирович в Киеве (1156 г.), тысяцькому ж своему Георгиеви, яко отцу, предать землю Суждальскую“ (5).

„Благоверный же князь Владимир Всеволодич Мономах, юн сый и самовидецъ быв тому дивному чудеси, егда огонь с небеси спаде и выгори яма, идеже основание церковное положися поясомъ (Пов. вр. лет—1073 г). И се слышаша по всей земли Руской. Сего же ради Всеволод с сыном своим Володимером из Переяславля приеха видети такового великого чудеси. Тогда Владимир болен сый и тем поясом златым обложен бысть, — и ту абие здрав бысть молитвами святую отцю нашею Антониа и Феодосиа. И во своемъ княжении христолюбець Владимир, вземь меру божественна тоа церкви Печерьския, всемь подобиемъ създа церковь в граде Ростове: в высоту и в ширину и в долготу, но и письма на хартии написавъ, идеже кийждо праздник в коемъ месте написан есть, — сиа вся в чинь и в подобие сотвори по образу великиа тоа церкви богознаменанна. Сын же того, Георгий князь, слыша от отца Владимира еже о той церкви сотворися, и той во своемъ княжении създа церковь во граде Суждале, в ту же меру. Яже по летехъ вся та распадошася, сиа же едина богородичина пребываетъ въ веки“ (9).

В слове Патерика об иноке киево-печерском Агапите безмездном враче, который исцелял больных, давая им с молитвою часть обычной своей пищи из овощей, рассказывается, как постоянно соревновал ему некий „Арменин родом и верою, хитр врачеванию“. И вот однажды был принесен в монастырь больной, „иже первый бысть у князя Всеволода, егоже Арменин в нечаяние введе, прорекъ ему по осми дни смерть“. Блаженный же Агапит вылечил его зелием, „еже самъ ядыше“. Арменин озлобился, пытался отравить самого Агапита, но тот пил яд „без пакости“.

„В тыи же дъни разболевся князь Владимир Всеволодовичъ Мономахъ. И прилежаше ему Арменинъ, врачюа его, и ничто же успе, но паче недугъ бываше олий. И уже при конци бывъ, посылаетъ мольбу к Ивану, игумену Печерьскому, да понудить Агапита приити до него, бе бо тогда князя в Чернигове (до 1094 г.). Игумен же, призвав Агапита, велить ити в Чернигов. И отвещав блаженный: „аще ко князю иду, то и ко всемъ иду. Не буди мне, славы ради человеческиа, предъ монастырскиа врата изыти, и преступнику быти обета своего, еже обещахся пред богом, быти ми в монастыре и до последняго издыханиа. Аще ли изгониши мя, иду в ину страну, и потомъ възвращуся, дондеже вещь сия минеть“. Не бе бо николиже исходил из монастыря. Видевъ же посланный отъ князя, яко не хоцетъ ити, молить мниха, яко да поне зелиа дасть. Принуженъ же бысть игуменом, дасть ему зелие от своея яди, да дасть болящему. И егда же князь вкуси зелиа, и ту абие здрав бысть. Прииде же Владимир в Киевъ и видиде в Печерьский монастырь, хотя почтити мниха и видети, кто есть даровавый тому зелие и здравие с богом, не бе бо николи же видел, мня сего имениемъ подарити. Агапит же, не хотя славим быти, съкрыся; князь же принесенное ему злато дасть игумену“. Владимир еще раз послал к Агапиту боярина с дарами. Агапит сделал вид, что берет злато, чтобы утешить выздоровевшего князя, но затем вынес его из кельи и бросил. Владимиру же велел передать, чтобы он роздал все нуждающимся, за то что бог избавил его от смерти. Князь так и поступил „по словеси блаженнаго“ (93, 94).

В слове о киевопечерском иноке Григории чудотворце рассказывается, что, когда он сходил к Днепру обмыть оскверненный сосуд, мимо проезжал Ростислав Всеволодович, направляясь в Печерский монастырь за благословением перед битвою с Половцами, куда собирался с братом своим Владимиром Мономахом. Отроки Ростиславовой дружины осыпали Григория ругательствами, а тот предрек им смерть: „уже бо вы и постиже судъ, яко вси вы в воде умрете и съ княземъ вашимъ“. Ростислав велел связать Григорию руки и ноги и бросить в воду с камнем на шею (май 1093 г.). Братия нашли его тело в келии, чудесно туда перенесенное, несмотря на замкнутую дверь. Ростислав „не иде в монастырь отъ ярости... Владимир же прииде в монастырь молитвы ради“. В битве у Треполя „побегоша князи наши отъ лица противныхъ. Владимир же прееха реку, молитвъ ради святыхъ и благословения; Ростиславъ же утопе со всеми своими вои, по словеси святого Григория“ (98, 99).

В слове о Прохоре черноризици рассказывается, что корыстный Святополк Изяславич ограбил Печерский монастырь, вывезя из него соль, которою рынки пустовали (1097), но она обернулась пеплом. Святополк был пристыжен чудом и, придя в монастырь, покался игумену Иоанну. „Бе бо прежде вражду имеа на нь, зане обличаше его несытьства ради, богатства и насила ради. Его же емъ, Святоплкъ в Туров заточи; аще бы Владимиръ Мономахъ на сего не восталъ, его же убояся Святоплкъ встаниа на ся, скоро възврати с честию игумена въ Печерский монастырь“ (108, 109).

В слове об Алимпии „иконнице“ (постриженного при игумене Никоне—1078—1088 г.) рассказано, как порученные ему для написания иконы оказались „богонаписанными“. „Дойде же и до князя Владимира чюдо, бывшее о иконах. Бысть же некогда сице, волею божию. Отъ пожара изгоре Подолие все и та церьки изгоре, в ней же бяху иконы тыи. И по пожаре обретошася седмь иконъ техъ целы, а церьки вся изгоре. И се слышавъ, князь иде видети бывшаго тамо чюдеси, еже о иконахъ, како не изгоре и како написашася божиимъ мановениемъ. И прослави всехъ творца, содевающаго преславна чюдеса, молитвами уго-

дникъ своихъ, Антониа и Феодосиа. Воземъ же Владимиръ едину икону, святую богородицю, и посла въ градъ Ростовъ, в тамо сущую церковь, юже самъ созда, иже и донныне стоять, ей же азъ самовидецъ быхъ. Се же при мне створися в Ростове: церьки той падшися, и та икона безъ вреда пребысть, и внесена бысть въ древяну церковь, яже изгоре отъ пожара, икона же та безъ вреда пребысть ни знамени огненаго на себе имущи“ (124).

Вразрез с идиллизмом и идеализациею Владимира Мономаха по отношению к церковности, которая для средневековья играла выдающуюся роль, выступил М. Д. Приселков в книге „Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.“ (СПб., 1913). База рассуждений Приселкова — борьба Руси с Византией за независимость национальной церкви, борьба на территории Руси грекофильской и национальной тенденции; представителями греческой ориентации были митрополиты, ставившиеся на Русь из Греков; русскую же ориентацию представлял Киево-Печерский монастырь, старавшийся умножить число русских святых и претендовавший на независимость от митрополита. Князья, правившие Русью, держались то грекофильской, то национальной ориентации, соответственно чему и складывались княжеско-монастырско-митрополичьи отношения. Согласно Приселкову, отец Мономаха по существу был грекофил, но под конец жизни сблизился с Киево-Печерским монастырем (допустив в 1091 г. перенесение Феодосия в новую церковь в отсутствие митрополита) и заслужил от него в летописи благожелательную оценку по смерти и снисхождение к недостаткам управления последних лет. „Умея ладить с той и другой стороною, Всеволод получает торжественное погребение в св. Софии, так как имел перед Византией не мало важных заслуг, — с одной стороны, и так как этому способствовали дружные Всеволодову дому епископы, Печерская обитель и старая именитая дружина, — с другой“ (283).

Развивая далее гипотезу Шахматова о тенденциозном редактировании Несторовой версии „Повести временных лет“ в интересах Владимира Всеволодовича Мономаха и под его нажимом, Приселков пытается восстановить стертый редакциею

истинный образ Святополка, как талантливого правителя, и ведет историю на фоне соревнования с ним Мономаха. Материалом для суждений Приселкову служили: летопись, Киево-Печерский Патерик и Сказание о Борисе и Глебе. ? в какой рукописи

Против Святополка была настроена старая дружина и Киево-Печерский монастырь; последний, очевидно, за равнодушие к церковным вопросам национального значения, например — к культу Бориса и Глеба. Возможно, что Святополк пробовал опираться сначала на грекофильствующую партию. У Мономаха же были добрые отношения с Печерской обителью. Борьба Святополка с Мономахом, смягчавшаяся необходимостью совместных действий против Половцев, вспыхнула после Любечского съезда 1097 г., когда при разделе земель на отчины обделенным оказался Киевский князь Святополк, не получивший ни Новгорода (он в руках Мономаха), ни Волыни, ни Галича (у Давида Игоревича и Ростиславичей).

В столкновении из-за ареста и ослепления Василька на стороне Святополка оказались Киевляне, печерский игумен выступил против. Мономах, однако, одолел, выиграл благодаря моральному преимуществу. Святополк постарался замирился с Печерскою обителью и к 1098 г. сумел завоевать симпатии всех слоев Киева, не исключая тех, с кем, как со сторонниками Мономаха, имел столкновения в первые годы своего правления — и с первостепенной дружиной и с Киево-Печерским монастырем, расположив его к себе почитанием Бориса и Глеба. Но и Мономах, по словам Приселкова, продолжал искусно привлекать к себе киевскую общественность наружною преданностью русским планам Печерской обители, продолжая этим политику последних лет Всеволодова княжения в Киеве. Незамещение свободных епископских кафедр при митрополите греке Николае (1096—1101) Приселков объясняет несогласием митрополита с Святополком и Мономахом. Следующий митрополит грек Никифор (1104—1121) сразу замещает вакансии и ставит Мономаху епископом в Переяславль игумена Выдубицкого Всеволожа монастыря. Очевидно, дружба Мономаха с Печерским монастырем ослабела, в связи с установлением добрых отно-

шений монастыря со Святополком. Но резко обозначился этот разрыв лишь после овладения Владимиром Киевом. Повидимому, Мономах старается до овладения Киевом идти в ногу с общественно-церковным настроением Киева, расположить к себе своею русскою настроенностью в церковных делах. Так, в своем Поучении детям среди прочих советов, раздаваемых не столько с целью поучения, сколько с целью вырисовки себя, как князя, перед обществом, Мономах пишет: „Епископы, и попы, и игумены, с любовью взимайте от них благословенье, и не устраняйтесь от них, и по силе любите и набдите, да примете от них молитву от бога“; здесь, конечно, с умыслом пропущено упоминание митрополита — черта понятная и дорогая для киевских общественных кругов. Еще ярче рисует желание Мономаха привлечь к себе общую любовь и сочувствие — его отношение к главной национальной святыне Руси, к останкам Бориса и Глеба.

Святополк, после примирения с киевскими руководящими кругами в 1098 г., меняется и в отношении почитания свв. братьев. По рассказу житийного Сказания о Борисе и Глебе, написанного сторонником Мономаха и в его княжение, к этой перемене Святополка принудило чудесное вмешательство свв. Бориса и Глеба в насилия князя людям. Факт остается бесспорным: „И оттоле... на многа времена творяше праздник, часто приходя Вышегороде летом“. Владимир решается затмить Святополка в этом отношении, и в 1102 г. позолотил рак свв. братьев. Не без умысла всему делу придается вид глубокой тайны: „И пришед ночью премери гроба, расклепавъ же дъскы серебряныя, позлати златомъ“.

Выставляя Святополка в самом дурном свете, составитель житийного Сказания, очевидно, не пожелал сообщить, что Святополк не только летом приходил творить праздник в Вышегороде, но и сделал эти серебряные гробы. Владимир, желая затмить дело Святополка и позолотить гробы, мог сделать последнее только тайно и ночью, чтоб не дать Святополку права счесть этот поступок за личное оскорбление, хотя тайна эта была, конечно, общеизвестна. Характерно для Мономаха

и то, что и в 1115 г. он не мог оставить непревзойденной постройку каменной церкви в Вышгороде Олегом Святославичем и строит в новом храме какой-то великолепный „терем серебрян“.

В погребении сестры Мономаха Евпраксии Всеволодовны в 1109 г. именно в Печерском монастыре, по мнению Приселкова, нужно усматривать желание Мономаха не оттолкнуть до времени Печерский монастырь. Будучи одно время женой императора Генриха IV, она переходила в католичество, почему и нельзя было рассчитывать на ее похороны в митрополитских храмах. Но почему Мономах не положил тело сестры в Выдубицком отцовском монастыре? Погребение Евпраксии сопровождалось, конечно, не только тем, что „вчиниша над нею божицю, идеже лежить тело ея“, но и добрым вкладом на помин души, что и показывает уменье Владимира скрывать свои думы и чувства от тех, от кого может потребоваться поддержка, и до тех пор, пока не минует возможность и необходимость в последней.

Не жертвуя популярностью, Мономах, кажется, умел ладить и с противной стороной, найдя возможность установить хорошие отношения с новым митрополитом Никифором. Так, выдавая в 1112 г. свою дочь Евфимию „в Угры за короля“, Мономах обращается к митрополиту с вопросом: „како отвръжени быша Латина от св. соборныя и правоверныя церкви...“ Конечно, ответное послание митрополита не помешало Мономаху выдать дочь „в Угры“, но нужно думать, что митрополит был польщен заботливостью князя по таким большим для грека вопросам.

Все это дает право думать, что Мономаху удалось привлечь к себе симпатии правящих верхов Киева, даже разных течений среди них, чем и объясняется возможность его появления в Киеве по смерти Святополка. Но о симпатиях к Мономаху широких кругов несколько преувеличивают, когда говорят, что они были прочны и глубоки, основываясь на роли Мономаха в половецких походах, где он еще в последние годы жизни Святополка взял все дело в свои руки. Конечно, —

говорит Приселков, — Мономах боролся упорно и мужественно, но есть основания думать, что первую роль в походах играл киевский князь Святополк, как изображал это (по гипотезе Шахматова) Нестор в своем летописном своде, дошедшем до нас в переделке игумена Сильвестра 1116 г., которая и выдвинула Мономаха на первый план.

Слав с 1098 г. под княжескую руку, Печерский монастырь почувствовал себя вполне охраненным от власти и вмешательства митрополита. Нужно от митрополии монастырь получает через князя его повелением; так было с написанием Феодосия в синодик по воле Святополка в 1108 г. и с поставлением игумена по избранию одной печерской братии в 1112 г.

По вступлении своем на Киевский стол, Мономах открывает свое истинное направление в делах церковных и, оставаясь в старой дружбе с митрополитом, сразу вступает в резкую борьбу с Печерским монастырем, не берет отсюда ставленников во епископы, поручает в 1116 г. переделать летопись киево-печерского монаха Нестора Выдубицкому игумену Сильвестру. Но Печерский монастырь давно уже пользовался любовью и преданностью Святославичей, с которыми Мономаху приходится считаться.

В 1115 г. произошло большое церковное торжество: освящение нового храма в Вышгороде и перенесение раков с телами Бориса и Глеба. Хозяином торжества был создатель храма Олег Святославич, ибо князь и духовенство по освящении храма „обедаша у Ольга“, хотя и в летописи и в житийном Сказании на первое место ставится Владимир. В торжестве этом участвовал митрополит Никифор, пять епископов и целый сонм игуменов с Печерским во главе. Но торжество прошло не совсем гладко, между князьями возник спор о месте поставления раков: Владимир желал поставить их посреди церкви, так как приготовил „терем серебрян“, долженствующий загнить дар свв. братьям Олега, а Олег и Давид — желали „поставити я в комару, идеже отец мой назнаменал, на правой стороне, идеша бяста устроене комаре има“. В этой мо-

тивировке Олега („отец мой“, вероятно, из речи Олега) любопытно обоснование желанием отца его Святослава, который, действительно „умысли създати церковь камену святыма, и създаю до 50 лакоть възвышеи, преставися“. Спор мог возгореться с большой силой, потому что если храм начал строить Святослав, то продолжал Всеволод, и политическое обладание Вышгородом было сейчас в руках сына Всеволода, приготовившего и „терем“ удивительной красоты и работы. Любопытно упорство обеих сторон. Дело по предложению митрополита и епископов пришлось решить жребием. Описание этого торжества единогласно сходятся на огромном количестве участников, что свидетельствует о национальной популярности праздника. Вот почему Владимир, тонкий и осмотрительный политик, не позволял никому перебить свою славу пламенного поклонника Вышгорода. В 1117 г. Владимир заложил церковь каменную „прекрасну“ свв. братьям „на Лъте“, „идеже св. Бориса кровь прольяна бысть“, то же построили Святославичи в Чернигове. Но, собственно, кроме почитания Бориса и Глеба, как национальных представителей русской церкви, Приселков не заметил у Мономаха ни одного действия, в котором можно было бы подметить желание полегчить греческую руку. В 1116 г. Мономах посылал защищать приднаицкие владения своего зятя Леона царевича. В 1122 г. „ведена Мьстиславна (внучка Мономаха) в Греки за царь и митрополит Никита приде из Грек“. Сюда же возможно отнести перенесение из Константинополя пальца Иоанна Крестителя, в чем сказалось желание Греков выразить почет и уважение Мономаху.

Центральной идеей всей книги М. Д. Приселкова является автокефальность русской церкви, приобретение ею независимости от греческой. Эта сфера взаимоотношений Руси и Византии наиболее загадочна и требует от исследователя особой настороженности и, так сказать, „чтения между строк“. Постоянное напряжение поиска при недостаточности фактов грозит вылиться в подозрительность, в необоснованный скепсис... И нам думается, что именно такое умонастроение

М. Д. Приселкова имело результатом скептическое отношение к действиям Мономаха и, в частности, обвинение его в грекофильстве.

Подлинным знаком связи Владимира Мономаха с национальной Византийской религиозной культурой может служить один амулет, в изображениях и надписях которого слиты античная мифология с христианской. Молитвенное обращение на амулете содержит имя „Василий“, которое толкуется как христианское крестильное имя Владимира Мономаха, владельца этого филактерия. Тип славянских уставных букв этого молитвословия соответствует датировке XI—XII веками. Рассматриваемый нами амулет ходит под названием „Черниговской гривны“, так как найден в 1821 г. около Чернигова, и относится археологами к „змеевикам“, так как имеет изображение человека со змеиными оконечностями. Подлинник — золотой, круглый, диаметром 7.2 см, носился на груди. Хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже (Виз. отд., № 22/1). На лицевой стороне амулета в среднем круге изображена впрямь приземистая фигура архангела Михаила в рост, с тяжелыми длинными крыльями, с лабаром в правой руке и с державой (сфера, на которой крест) — в левой. По сторонам двуколонная славянская надпись имени архангела. Изображение окружено круговой надписью по-гречески, представляющей начало „трисвятой песни“. На оборотной стороне в среднем круге изображена обнаженная женская поясная фигура, у которой вместо плеч и рук две ушастые змеиные головы, а вместо ног — два скрученных в один оборот змеиных туловища, каждое с двумя головами. Из женской головы также выходят два хитро завитых змеиных туловища, каждое с двумя змеиными головами. Вся змеиная композиция вокруг упитанного женского торса с миловидным лицом блещет мощностью и тщательной отделкой. Это — изображение внутреннего злого недуга в человеческом теле, который по-русски назывался „дна“, а по-гречески „истеря“. Вокруг изображения „истеры“ имеются две круговые надписи; внутренняя — славянская: „господи, помози рабу своему Василию Аминь“; внеш-

няя — греческая, которая заключает в себе заклинание „истеры“ (внутренности, матки...) в 14 слов (м. б. стиховые строки), по-русски эта внешняя надпись переводится так: „Истэра, чернотю чернеющая, как змея извивалась, как дракон шипела, и как агнец была в ужасе“. Где бы ни был отлит из золота для князя Владимира-Василия этот роскошный амулет, в Византии или на Руси, он отражает именно национальное греческое исповедание, представляющее собою синкретизм античного язычества и восточного христианства.

ГЛАВА IV

ПОУЧЕНИЕ МОНОМАХА КАК ОСНОВА ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ

Редкостной случайностью является сохранение до текущих дней личных, интимных произведений одного из основоположников русской государственности, Владимира Всеволодовича Мономаха. Произведения, составленные этим князем около восьми с половиной веков до нас, дошли к нам в копии 1377 г., т. е. сама их копия насчитывает уже 568 лет своего существования. Заключающийся здесь автобиографический материал не имеет себе подобия для до-московского времени, со стороны культуры здесь находим многогранное отображение духовного и бытового уклада, да и со стороны литературной — это целая сокровищница.

Материал, о котором мы говорим, состоит из сплошного текста, написанного словом „Поучение“, автором которого в первых же строках называет себя Владимир Мономах, поучающий им своих детей. Читая самый текст, каждый может убедиться, что после известного предела идет еще особое, отдельное письмо того же Мономаха, направленное к Олегу Святославичу, в усобице с которым только-что был убит сын Мономаха, Изяслав. Наконец, текст заключается молитвословиями, возможно подобранными Мономахом.

Весь этот сплошной текст находится единственно в Лав-

рентьевском списке летописи, под 1096 г., между сообщением о нечестивых народах, к которым причисляются Половцы и рассказом Гюряты Роговича Новгородца о Югре, полунощном народе.

Повидимому, все исследователи считают такое местонахождение материалов Мономаха случайным. Оставив пока в стороне письмо к Олегу и подбор молитвословий, остановимся на Поучении в собственном смысле.

Нам уже приходилось не раз упоминать о Поучении Мономаха, например, при передаче Послания митрополита Никифора, как бы подтверждающего черты поведения Мономаха, которые тот выдвигал в своем Поучении. Но мы еще не передавали содержания самого Поучения, и вот теперь остановимся на тех его данных, которыми характеризует себя Мономах из собственных уст. Мы, конечно, могли бы прямо отослать читателя к издаваемому нами подлинному тексту Поучения и к нашему его переводу, но там характеризующие Мономаха реальные черты тонут в литературщине, и ранее предварительного анализа последней знакомиться с полным текстом несвоевременно. Поэтому мы решили на данном этапе изложения ограничиться выделением из Поучения характерных для Мономаха реальных черт, которое с большим вкусом выполнено С. М. Соловьевым в двух вариантах: 1) при рассмотрении Мономаха как писателя, 2) при общей его характеристике.

Представляя соответствующие места „Истории России с древнейших времен“, даем сначала вариант о писательстве Мономаха.

Кроме поучений, принадлежащих духовным лицам, до нас дошло поучение, написанное знаменитейшим из князей описываемого времени Владимиром Мономахом для детей своих; оно обнимает обязанности человека вообще и князя, религиозные, семейные и общественные, и представляет первообраз тех домостроев, которые мы увидим в последующих веках: „страх имейте божий в сердце и милостыню творите неоскудную, потому что здесь начало всякому добру“, — так

начинает Мономах свое Поучение. Потом Мономах объявляет повод, по которому написал он Поучение. По окончании усобицы с Давидом Игоревичем на Витичевском съезде, псехал он на север в Ростовскую область, и, будучи на Волге, получил посольство от двоюродных братьев с приглашением идти на Ростиславичей Галицких...; двоюродные братья велели сказать Мономаху: „ступай скорее к нам, прогоним Ростиславичей и волость у них отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы себе, а ты себе“. Мономах велел отвечать: „сердитесь сколько хотите, не могу с вами идти и преступить крестное целование“. Угроза братьев разъединиться с ним сильно опечалила Мономаха; в этой печали он разогнул Псалтирь и попал на место: „вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?“ и проч. Утешенный псалмом, Мономах решил тут же написать своим сыновьям Поучение, в котором господствует та мысль, что человек никогда не должен совращаться с правого пути и во всех случаях жизни должен полагаться на одного бога, который не даст погибнуть человеку, творящему волю его. Выписавши из псалмов те места, в которых выражается эта мысль, также наставление Василия Великого, Мономах продолжает: „тремя добрыми делами побеждается враг наш дьявол: покаянием, слезами и милостынею; бога ради не ленитесь дети мои, не забывают этих трех дел: ведь они не тяжки, это не одиночество, не чернечество, не голод, которые терпят некоторые добродетельные люди, таким малым делом можете вы получить милость Божию...
Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину. Просите бога о прощении грехов со слезами, и не только в церкви делайте это, но и ложась спать; не забывают ни одну ночь класть поклонов, потому что ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола, и получает прощение грехов. Когда и на лошади сидите, да ни с кем не разговариваете, то чем думать безлепицу, повторяйте беспрестанно в уме: «Господи, помилуй». Если других молитв не умеете: эта молитва лучше всех. Больше же всего не забывают убогих, но сколько можете по силе кормите, больше других подавайте

сироте, сами оправдывайте вдов, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте, не приказывайте убивать. В разговоре, что бы вы ни говорили, никогда не клянитесь богом: нет в этом никакой нужды; когда придется вам крест поцеловать к братье, то целуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и раз поцеловавши, берегитесь, чтобы не погубить души своей. С любовью принимайте благословение от епископов, попов и игуменов, не устраняйтесь от них, по силе любите и снабжайте их, пусть молятся за вас богу. Пуще всего не имейте гордости в сердце и уме, говорите: все мы смертны, ныне живы, а завтра в гробе; все что ты, господи, дал нам, не наше, а твое, поручил нам на малое число дней; в землю ничего не зарывайте: это большой грех. Старых чти как отцов, молодых как братью. В доме своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не надейтесь ни на тиуна, ни на отрока, чтоб гости не посмеялись ни дому, ни обеду вашему. Вышедши на войну, также не ленитесь, не надейтесь на воевод; питью, еде, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте, распорядившись всем, ложитесь, но вставайте рано, и оружия не снимайте с себя: от лени человек внезапно погибает. Лжи остерегайтесь, пьянства и блуда: в этих пороках и душа и тело погибают. Если случится вам ехать куда по своим землям, то не давайте отрокам обижать жителей ни своих, ни чужих, ни в селах, ни на полях, чтоб после вас не проклинали. На дороге или где остановитесь, напоите, накормите нищего: особенно же чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простой или знатный человек, или посол, если не можете чем иным обдарить его, то угостите хорошенько: странствуя, они разносят по всем землям хорошую или дурную славу о человеке. Больного навестите, и к мертвому ступайте, потому что мы все смертны; человека не пропустите не поздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Жен своих любите, но не давайте им над собою власти. Что знаете доброго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; не ленитесь ни на что доброе: прежде всего не ленитесь ходить в церковь: да не застанет вас солнце на постели...“

В заключение Мономах рассказывает детям о своих трудах. Этим важным для историков рассказом, — говорит С. М. Соловьев, — мы уже воспользовались в другом месте (т. III, стр. 101—104). Действительно, сведения о „Трудах“ находятся во втором варианте выбранных Соловьевым из Поучения характерных для Мономаха черт; именно в общей характеристике, резюмирующей его деятельность (т. II, стр. 38—40). Этот второй вариант мы приведем далее среди образцов отзывов о Мономахе, принадлежащих ученым историкам и литературоведам.

ГЛАВА V

ХАРАКТЕРИСТИКИ МОНОМАХА, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ НАШИМ УЧЕНЫМ

Среди деятелей каждой исторической эпохи естественно искать наилучшего, наиболее приближающегося к совершенству. Найти такое лицо легче, следуя оценке, оставшейся от его современников. Но самая эта оценка, не исключая и самооценки найденного для древности лица, еще подлежит раскрытию последующими нашими поколениями, живущими в ином историческом периоде и с иным миропониманием. Повидимому, все историки и литературоведы, не только пользовавшиеся древними оценочными характеристиками Мономаха, но и самостоятельно анализировавшие отнесенные к нему факты, приобрели твердое убеждение в высоком качестве его человеческого лица и деятельности. Но представители трех-четырех последних поколений все же по-разному выразили это свое убеждение.

Собственно, почти до конца прошлого века в учебных и ученых характеристиках Мономаха чувствуется большая близость к древним оценкам. Конечно, эти оценки и тут переосмыслились и перефразировались, но все же многие их термины оставались, так сказать, без перевода потому, что самые их понятия оставались еще живыми и ясными и для этого поколения, и некоторыми его представителями даже разделялись.

Итак, каждое из последних трех-четырех поколений формулировало характеристику Мономаха по-разному, освещая преимущественно те его черты, благодаря которым он выступал как сократовский *καλὸς καὶ ἀγαθὸς* древности, признанный таковым и в наши дни.

Суммировать высказывания ученых наших поколений в нечто общее, значит — стереть оттенки взглядов и выражений. Приводить же их целиком все без исключения значит — обременить повторениями. Мы решили дать характеристики на выбор.

Одна из самых ранних и лучших общих характеристик Мономаха принадлежит Сергею Михайловичу Соловьеву во II томе „Истории России с древнейших времен“ (М., 1852, стр. 38—40). „...Владимир Мономах с братом Ростиславом были в Киеве во время смерти и погребения отца своего; летописец говорит, что Мономах начал размышлять: «если сяду на столе отца своего, то будет у меня война с Святополком, потому что этот стол был прежде отца его»; и, размыслив, послал за Святополком в Туров, сам пошел в Чернигов, а брат его Ростислав в Переяславль. Если Мономах единственным препятствием к занятию Киевского стола считал старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что он не видал никаких других препятствий, именно не предполагая препятствия со стороны граждан киевских, был уверен в их желании иметь его своим князем. Нет сомнения, что уже и тогда Мономах успел приобрести народную любовь, которою он славен в нашей древней истории.

Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смстрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было лицо с характером чисто охранительным. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей: но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его обществен-

ным потребностям. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпевшее от них, требовало прежде всего от князя, чтобы он свято исполнял свои родственные обязанности, не которовался (не спорил) с братьею, мирил враждебных родичей, вносил умными советами наряд в семью: и вот Мономах во время злой вражды между братьями умел заслужить название братолюбца. Для людей благочестивых Мономах был образцом благочестия: по свидетельству современников, все дивились, как он исполнял обязанности, требуемые церковью. Для сдержания главного зла, усобиц, нужно было, чтобы князья соблюдали глывту, данную друг другу: Мономах ни под каким предлогом не соглашался переступить крестного целования. Народ испытал уже при других князьях бедствие от того, что людям не доходила княжая правда, тиуны и отроки грабили без ведома князя: Мономах не давал сильным обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, сам оправливал (давал правду, суд) людей. При грубости тогдашних нравов, люди сильные не любили сдерживать своего гнева, причем подвергшийся ему платил жизнью. Мономах наказывал детям своим, чтобы они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских. Другие князья позволяли себе невоздержание: Мономах отличался целомудрием. Обществу сильно не нравилось в князьях корыстолюбие; с неудовольствием видели, что внуки и правнуки св. Владимира отступают от правил этого князя, копят богатство, собирая его с тягостию для народа: Мономах и в этом отношении был образцом добрых князей; с ранней молодости рука его простиралась ко всем, по свидетельству современников, никогда не прятал он сокровищ, никогда не считал денег, но раздавал их обеими руками; а между тем казна его была всегда полна, потому что при щедрости он был образцом доброго хозяина, не смотрел на служителей, сам держал весь наряд в доме. Больше всех современных князей Мономах напоминал деда своего ласкового князя Владимира: «Если поедете куда по своим землям [наказывает Мономах детям], не давайте отрокам обижать народ ни в селах, ни на поле, чтоб

вас потом не кляли. Куда пойдете, где станете, напоите, накормите бедняка; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, добрый, или простой человек, или посол; не можете одарить его, угостите хорошенько, напоите, накормите: гость по всем землям прославляет человека любо добрым, любо злым». Что детям наказывал, то и сам делал: позвавши гостей, сам служил им, и когда они ели и пили досыта, он только смотрел на них. Кроме усобиц княжеских земля терпела от беспрестанных нападений Половцев: Мономах с ранней молодости стоял на-стороже Русской земли, бился за нее с погаными, приобрел имя доброго страдальца (труженика) за Русскую землю по-преимуществу. В тот век народной юности богатырские подвиги Мономаха, его изумительная деятельность не могли не возбудить сильного сочувствия, особенно когда эти подвиги совершались на пользу земле. Большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей проспал на сырой земле; одних дальних путешествий совершил он 83; дома и в дороге, на войне и на охоте делал все сам, не давал себе покою ни ночью, ни днем, ни в холод, ни в жар; до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиною, оправливал (судил) людей, ездил на охоту или так куда-нибудь, в полдень ложился спать, и потом снова начинал ту же деятельность. Дитя своего века, Мономах сколько любил пробовать свою богатырскую силу на Половцах, столько же любил пробовать ее и на диких зверях, был страстный охотник; диких коней в пущах вязал живых своими руками; тур не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтала ногами, вепрь на боку меч оторвал, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошадыю. «Не бегал я для сохранения живота своего, не щадил головы своей», говорил он сам: «Дети! не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужское дело; ничто не может вам вредить, если бог не велит, а от бога будет смерть, так ни отец, ни мать, ни братья, не отнимут; божье блюдоенье лучше человеческого». Но с этой отвагою, удалью, ненасытною жаждою деятельности в Мономахе соединялся здравый смысл, сметли-

вость, уменьше смотреть на следствие дела, извлекать пользу; из всего можно заметить, что он был сын доброго Всеволода и вместе сын царевны греческой. Из родичей Мономаха были и другие не менее храбрые князья, не менее деятельные, как, напр., чародей Всеслав Полоцкий, Роман и Олег Святославичи; но храбрость, деятельность Мономаха всегда совпадала с пользой для Русской земли; народ привык к этому явлению, привык верить в доблести, благоразумие, благонамеренность Мономаха, привык считать себя спокойным за его щитом, и потому питал к нему сильную привязанность, которую перенес и на все его потомство. Наконец, после личных доблестей не без влияния на уважение к Мономаху было и то, что он происходил по матери от царской крови; особенно, как видно, это было важно для митрополитов греков, и вообще для духовенства“.

Выше мы говорили, что характерные черты Мономаха даны С. М. Соловьевым в двух вариантах. Оба варианта мы теперь привели и, если бы их сличили, то прежде всего увидели бы разницу в переводе-пересказе одних и тех же слов подлинного текста. Это уже такая манера подачи содержания памятника; при ней все внимание устремлено не на схоластическую точность выражений, а на смысл их. Эта манера расцвела в устах В. О. Ключевского, передача которым древних текстов на современном языке стоила больше любого толкования. Разница перевода-пересказа одних и тех же слов у Соловьева зависела от контекста и от направления рассказа. Несмотря на старомодность речи Соловьева, она сочна, полна сознания, являясь плодом строгого, здравого ума, правда, уже ушедшего в далекое прошлое.

Спокойную и без гипербол характеристику Владимира Мономаха дал М. Грушевский в „Очерке истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия“ (Киев, 1891 г.).

Сначала Грушевский характеризует результат княжеской деятельности Мономаха и его умелое поведение и удачные и полезные действия во время его великокняжения.

„Мономах достиг небывалого в удельно-вечевом периоде могущества и влияния. Он соединил в своих руках, или, вернее, руках своей семьи, по крайней мере три четверти тогдашней Руси, причем эти владения составляли сплошную территорию. При этом он уже не удовлетворялся относительно других князей положением первого между равными; формулу великокняжеской власти «в отца место», формулу очень неопределенную, он приложил к ним, так сказать, в наибольшем ее объеме. Он требует от прочих князей настоящего повиновения... Но при этом Мономах политику свою, попрежнему, облекает в совершенно легальную форму и старается всегда иметь общественное мнение на своей стороне...

Правление Мономаха, равно как и его преемника Мстислава, было одною из самых благополучных страниц в истории Киевщины. Благодаря их политике, последняя все время пользовалась внешним спокойствием; ни половецких набегов, ни вторжений соседних князей не слышно. Внутри, что еще важнее, существовала большая солидарность между князем и земством: Мономах отличался необыкновенною внимательностью к земству, к его мнениям и желаниям, осуществляя последние в своей деятельности: он является идеалом князя-нарядника, который сам входит во все, не полагаясь на отроков и тиунов, который тщательно заботится, чтобы население не терпело обид от его помощников; при дурной славе, которой пользовались последние, это в князе было большим достоинством. С населением Мономах обращался радушно и приветливо; наконец, в противоположность корыстолюбивому Святополку, он отличался большой щедростью: это была черта очень симпатичная населению и особенно дружине. Имена Владимира и Мстислава сделались синонимами излюбленных землею князей, и потомство их окружалось этим ореолом. К сожалению, сведения наши о внутренней деятельности Мономаха и жизни страны за это время весьма скудны и случайны. Весьма важным и популярным делом были сделанные при Мономахе прибавления к «Русской Правде». Прямое указание на принадлежность Мономаху имеем только

относительно закона «О резе», которым был определен нормальный процент... Довольно вероятно предположение, что Мономаху принадлежат еще законы о должниках и закупах... Законы Мономаха таким образом имели целью облегчить тяжелые экономические условия, в которых находилось современное население, благодаря предшествующим набегам, усобицам и под... Мономаху же приписывают еще некоторые законы, из которых наиболее важные касаются холопства... То обстоятельство, что Мономах владел множеством волостей, так что в его руках, например, находился весь великий водный путь днепровско-балтийский, имело, конечно, тоже не малое значение для Киева; оно облегчало и благоприятствовало киевской торговле. Сообщение с правым берегом Днепра было облегчено благодаря мосту, который выстроил Мономах вскоре по вокняжении...“

Приведя по летописи плач народа на похоронах Мономаха, Грушевский говорит: „мы не имеем оснований заподозрить это описание всеобщего сожаления о смерти излюбленного князя“.

Затем Грушевский изобразит его „характер“, о котором „мы имели столько известий, как редко: кроме летописных характеристики: есть у нас еще автобиография Мономаха и послание к нему митр. Никифора, заключающее также обстоятельную характеристику Мономаха. Эти источники рисуют его идеальными чертами: он является образцовым христианином, одаренным всеми добродетелями частного человека и государя, добрым страдальцем за землю Русскую, солнцем земли Русской, чудным, великим, святым. Но пользоваться этими сведениями нужно с некоторою осторожностью“. „...Мономах дорожил общественным мнением и старался облекать свои действия в благовидную форму; в действительности можно указать несколько фактов, которые не совсем согласуются с традиционным обликом его. Несомненно, он обладал ясным, практическим умом, отличался необычайною энергиею и деятельностью, замечательным тактом; нельзя заподозривать искренность его набожности, его любви к Русской земле; несомненно, он не был злым, лукавым человеком, но в то

же время собственная выгода неизменно фигурирует в его деятельности и ею обуславливаются его поступки. Характерно, что несмотря на набожность, чистоту жизни, усердие к духовенству, Владимир, однако, не был признан святым, как его сын Мстислав. Быть может, духовенство, весьма уважавшее Мономаха, чувствовало, однако, что деятельностью его руководят житейские расчеты. Совершенно верно замечено, что Мономах не возвышался над своим веком; было бы совершенно несправедливо считать его пролагателем новых путей, провозвестником новой жизни. Мономах не был чудом века, как называют его некоторые, а лишь одним из замечательных его представителей, и деятельность его несомненно была, в частности, во многом полезна для Киевщины" (стр. 130—134).

Своеобразно выражена характеристика Владимира Мономаха в книжке Н. Рожкова „Обзор русской истории с социологической точки зрения“, часть первая, Киевская Русь, СПб., 1903 г.

Для определения свойств известного общества с точки зрения „психологии характера“, Рожков ищет личности „типической для своего времени“, которая, „обладала бы выдающимися природными свойствами, достаточно притом развитыми всей суммой образовательных влияний, в то время существовавших“. Такую личность, как „высший тип психологического развития, достигнутой эпохой“, Рожков видит во Владимире Мономахе. „Он стоял на вершине общественной лестницы, отличался выдающимися талантами и высоким по тому времени образованием и в то же время, как признают исследователи, в сущности, не возвышался над своим веком“. „Мы, — говорит Рожков, — привыкли верить словам южного летописца, горячего поклонника Мономаха, что этот князь был «добрым страдальцем за русскую землю», которую он постоянно защищал от Половцев и в которой устанавливал внутренний мир, устраняя княжеские усобицы. Эта характеристика, если ей безусловно верить, создает впечатление, что Владимир Мономах — настоящий этический характер, для которого нравственный идеал — все в жизни. Но мы не должны принимать

ничего без критики...“ „Нет спора: в два последние десятилетия своей жизни Мономах много боролся с Половцами, сознательно преследуя при этом народные русские интересы. Но в этой борьбе заметны и мотивы иного рода“. Среди этих мотивов Рожков полагает: чуткость ко всеобщему мнению о необходимости борьбы, славо- и властолюбие Мономаха и его личный интерес, как Переяславского князя, пограничного со степью. Основываясь на Поучении Мономаха, Рожков строго судит его за то, когда он „направлял свое оружие против того самого народа, добрым страдальцем за который называет его наш южный летописец“, именно когда он взял русский город Минск и не оставил там „ни челядина, ни скотины...“ „Утвердившись в Киеве, Мономах стал вести деятельную и расчетливую политику в пользу сосредоточения русских земель в руках своего потомства и успел собрать $\frac{3}{4}$ всей Руси“.

Далее Рожков признает будто доказанным, что поведение Мономаха в черном деле конца XI века — ослеплении Василька — было двусмысленно и эгоистично, и без особой надобности обвиняет его в эгоизме вообще. „Правда, в скупости его нельзя подозревать — он был щедр, но хозяйственность, практичность в материальных вопросах составляла одну из его характеристических черт: он не только умел приумножить свои владения, но, по его словам, «творил и весь наряд в дому своем», вел все свое домашнее хозяйство. Славолюбие или честолюбие не было его страстью: он советует хорошо принимать иностранцев, чтобы они разносили добрую славу; он гордится и хвалится своими военными подвигами и своей охотничьей удалей, с удовольствием вспоминая, как он ловил диких коней и какие опасности вытерпел от туров, вепрей, медведей“.

Далее Рожков отмечает в деятельности Мономаха и „этические элементы“ ... — главным образом по письму Мономаха к Олегу Святославичу. „Бесспорно у Мономаха были зародыши добрых чувств и высоких побуждений, но наряду с ними в этой натуре можно наблюдать и дурные задатки, столь же

зачаточные, бессвязные и беспорядочные“. Другими словами— даже в таком представителе Киевского периода, как Мономах, в лице которого осуществилась „высшая ступень психологического развития“ эпохи, Рожков видит „психическую неорганизованность“ и отсюда заключает о „психической (в частности волевой) неорганизованности древнейшего русского общества“ (стр. 161—163).

Теперь приведем в двух видах отзыв о Мономахе своеобразного, талантливого историка М. Д. Приселкова, который, подобно Шахматову, любил анализировать литературные памятники, восстанавливать их историю и оживлять по ним обстановку и смысл событий, так сказать, — до наглядности и осязаемости. Первый отзыв относится к 1913 г. и помещен в монографии, содержащей историю Киевской Руси в церковно-политическом отношении, главным образом— историю освобождения русской церкви от византийского протектората. М. Д. Приселков подозревал Мономаха в грекофильстве, которое у него только прикрывалось национализмом. Вот этот отзыв, отличающийся какой-то раздражительностью.

„Мономах, как личность, стоит перед нами с большою вышуклостью на плоском фоне бесцветных «имен и имен». О Мономахе, кроме летописных надгробных слов, проникнутых большим придворным лиризмом, имеем ряд данных, сходящихся в общей оценке. И митрополит Никифор в своем Поучении, и неизвестный Василий в своем Сказании об ослеплении Василька, и, наконец, сам Мономах в своем Поучении детям — рисуют пред нами живую фигуру князя, проникнутого религиозностью и церковностью, нищелюбца, гостеприимца, воздержного в еде и питье, князя неутомимого в трудах и походах. Но к этой характеристике личности Мономаха странное на наш современный взгляд идут тонкие ходы его политики, не всегда честных и прямых путей в достижениях, иногда прямого вероломства, как бы их ни старались иначе осветить или просто затемнить летописцы. Здесь достаточно вспомнить ужасную расправу, которую допустил Мономах, нарушая клятву с «Итларевою чадью» в 1095 г.,

или несчастную смерть Ярослава Святополковича в 1123 г., где, кажется, трудно сомневаться, откуда взялись «два Ляха». Но в этой раздвоенности на наш взгляд личности Мономаха была живая ему действительность, правда, не русского происхождения: перед нами портрет или, вернее, копия с обычного типа византийского изделия. Недаром дом Всеволода так умеет родниться с Византийскими императорскими домами и Мономаха, и Дуки, и Диогена, и Комнинов¹.

Более спокойную характеристику общеисторического типа, относящуюся к Владимиру Мономаху, мы можем извлечь из позднейших высказываний того же М. Д. Приселкова, тесно связанных с научными требованиями текущей современности. Прежде всего отметим, что в своем обзоре Киевского периода Приселков поминает Мономаха среди очень немногих имен вообще. Установив по Русской Правде переломный момент княжеского перехода с половины XI в. к установлению феодальной эксплуатации населения, Приселков констатирует в связи с этим повсеместный рост и развитие феодального землевладения, усиление защиты от степных врагов и объединение князей в совместной обороне. „Так, при сыновьях Ярослава создается союз трех его сыновей («трие Ярославичей»), при внуках, в правление Святополка, созываются княжеские снемы“. Добавим от себя, что обязательным участником всех этих снемов (а, может быть, и инициатором их) был Владимир Мономах. Обратившись к нормам „Русской Правды“, свидетельствующим о коммерческом обороте, уже развитом в городах, Приселков говорит: „купечество явно расслаивается на крупное и мелкое, причем первое своими спекуляциями и ростовщичеством грозит мелкому разорением и нищетой. Владимир Мономах, имея в виду разбить единоклассные восставших в Киеве в 1113 г., в своем «уставе» прежде всего говорит об этом мелком купечестве в смысле облегчения его положения от ростовщичества, как для деревни

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церк.-полит. истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 331.

Мономах высказывает ту же заботу об облегчении участи «закупов»...» „Обострение классовых противоречий в городе не однажды вынуждает выступать беднейшие городские слои населения, на которые переносилась к тому же вся тяжесть угасания былых торговых оборотов мирового размаха, захватывавших в свое время Киевское государство. Особенно напряженные массовые выступления „простой чади“ пережил Киев в 1068 г. и затем в 1113 г. после смерти Святополка. Острота последнего выступления переросла формы протеста против правящей семьи князя и грозила ликвидацией системы управления и хозяйства. Только помощью извне — приглашением Переяславского князя Владимира Мономаха — удалось не сразу и не без чувствительных для феодалов и высшего купечества потерь наладить порядок и старый строй управления“.

„Систематические нападения кочевников, которым подвергалась Русская земля особенно в конце XI в., были страшным бедствием для народа...“ „Путем огромных усилий, мобилизуя все свои силы на сопротивление кочевникам, русские княжества в начале XII в. обращаются от пассивного сопротивления к организации активной обороны, к ответным походам в степь. Переход русских княжеств от пассивной обороны к наступлению в начале XII в. имел и огромное международное значение. В 1091 г. Византийская империя была поставлена в крайнюю степень унижения и гибели нападением печенежско-половецких полчищ с севера и турецкого флота с моря. Направив печенегов на половцев, империя кое-как отвратила беду, но не надолго. От полного разгрома спасает империю только русская сторона. В 1103 г. союз русских князей «умыслиша дерзнути» на первый степной поход. Хорошо подготовленный, этот поход, как и последующие 1107 и 1113 гг., как и смелые и глубокие рейды в степь 1109 и 1120 гг., — оканчиваются победой и выводом из степей значительных орд степняков, недовольных половецким засильем. Эти орды русские князья под кличкой «своих поганых» сажают на пограничье как живую линию обороны

и охраны от половцев. Могущество половцев было несомненно сломлено, а слава этих предприятий приписана позднее Владимиру Мономаху, хотя едва ли заслужена им одним“.

„Нет сомнения, что Владимиру Мономаху, благодаря событиям 1113 г. присоединившему к своим владениям наследственные земли Святополка, удалось на время поднять значение киевского князя и восстановить тень былой силы и крепости Киевского государства. Степь лежала уже не прежней грозой; с Византией по личным связям с императорским домом было тесное сотрудничество в обороне и наступлении против степи; широкая европейская известность и семейные связи с сильнейшими дворами Европы снова заставили говорить в Европе о Киевском государстве; сильною рукою Мономах мог пресекать феодальные войны князей — страшный бич трудового населения; вероятно, хотя и на короткое время, было несколько облегчено положение населения. Но значения Киевского государства в общеевропейском раскладе X и середины XI вв. Мономах не мог, конечно, восстановить“.¹ (История русской литературы, изд. АН СССР, ИЛИ, т. I, 1941, стр. 7—10).

¹ Там же: переключился „транзит византийских и восточных товаров на Европу с обычной для X и первой половины XI вв. дороги Константинополь — Киев — Европа на морской и сухопутный транзит по маршруту Константинополь — Италия — Рейн. В орбиту этого нового торгового оборота, через Рейн выходящего в Балтику, вовлекается на востоке Великий Новгород, постепенно уходящий от своих былых интересов на юге. В этих условиях залечить старые раны, возродить и укрепить единство Киевского государства можно было лишь долгими годами труда и забот единого владельца. Между тем после смерти Мономаха и раздела его земель между сыновьями наступает быстрая реакция местных феодальных сил, возрождение княжеских феодальных драк, которые охватывают и самый дом Мономаха“.

ГЛАВА VI

МЕСТО СОЧИНЕНИЙ МОНОМАХА В ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Представление о Владимире Всеволодовиче Мономахе не может быть полно без привлечения к его характеристике сохранившихся произведений его руки. Как чрезвычайная редкость для раннего средневековья — до нас дошли сочинения самого Мономаха, правда, не в подлиннике XII в., а в списке, сделанном два с половиной века спустя, и притом единственном. Да и самый текст этих сочинений дошел не без потери своих частей и с погрешностями в чтениях. Создалось такое же положение, как с текстом „Слова о полку Игореве“, то есть — текст в поздней копии и дефектный, единственный и поэтому несличимый. Эти сочинения Мономаха находятся в одном только Лаврентьевском списке летописи, пергаменном, писанном в 1377 г. Поставлены они на лл. 78-а — 85-а, так сказать, не на месте, то есть без связи с предыдущей и последующей частями „Повести временных лет“, именно — после рассказа о набеге половцкого хана Боняка на Киев в 1096 г., с заключением о происхождении Половцев от нечистых народов, и перед пересказом сообщения Гюряты Роговича Новгородца о подобных же народах на севере. Над текстом, с самого начала которого Мономах говорит о себе в первом лице, стоит заглавие „Поученье“. Это и есть Поучение Мономаха

своим детям, текст которого неощутимо переходит в письмо Мономаха к Олегу Черниговскому по поводу убитого в усобице с ним Изяслава, юного сына Мономаха; а это письмо далее переходит в длинное молитвословие; только здесь, в заключении, есть обычная концовка („О Христе Иисусе, господе нашем, ему же подобает“ и т. д.), а между выше указанными слитыми статьями границы никак не означены. После первых строк Поучения оставлен пробел в $4\frac{1}{2}$ строки.

Естественно, что с момента ознакомления с этим единственным списком произведений Владимира Мономаха возник ряд вопросов, и прежде всего, почему эти произведения помещены в летописи и притом так не на месте, будто случайно попавшее в чуждую среду инородное тело? Эти вопросы разрешались первоначально вне истории книжной среды, принявшей памятник, именно без связи с генеалогией летописей, что, впрочем, стало возможным осуществить лишь с последних годов XIX в., когда стали появляться работы академика А. А. Шахматова, особенно посвященные „Повести временных лет“ начала XII в., дошедшей до нас не непосредственно, а лишь в составе летописных сводов гораздо более позднего времени XIV—XVI вв. Но и под пером Шахматова, его последователей и подражателей вопросы данной темы не получили единообразного решения. Соответственно изменениям в гипотезах шахматовской школы изменялись и догадки об отношении сочинений Мономаха к летописи. Приведем примеры.

Из работы Шахматова за конец XIX—начало XX в. по изданию Института литературы АН СССР: Акад. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов, 1938 г. В числе вспомогательных источников Лаврентьевской летописи Шахматов ставит летописный свод, называемый им „Владимирский полихрон начала XIV в.“, из которого всего вероятнее и вставил составитель Лаврентьевской летописи Поучение Мономаха, под 6604 (1096) г. „между рассуждением летописца о происхождении Половцев, вызвавшим при-

поминания из пророчества Мефодия Патарского, и изложением беседы летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем, заканчивающимся новыми припоминаниями из Мефодия Патарского; в других летописных сводах нет «Поучения» Мономаха, и разделенные в Лаврентьевском списке вставкой его летописные статьи читаются в непосредственной связи (ср. с Радзивиловской, Ипатьевской). Составитель Лаврентьевской летописи вставил «Поучение» Мономаха в текст [Повести временных лет, по изложению] Владимирского свода 1185 г. из другого источника — всего вероятнее из Владимирского полихрона начала XIV в.: разнообразный по составу своему общерусский летописный свод [т. е. Полихрон] мог содержать и Мономахово «Поучение»... Ставим себе... вопрос, почему «Поучение» Мономаха вставлено именно под 6604 (1096) г. и притом после припоминаний из Мефодия Патарского? «Поучение» Мономаха ни в коем случае не может относиться к указанному году, хотя возможно, что письмо Мономаха к Олегу было помечено 6604 г. Но для чего же было вставлять «Поучение» и приложенное к нему Мономахово письмо в середину текста 1096 г. и разрывать такой вставкой рассуждения летописца о нечистых народах, заточенных Александром Македонским? Обращаю внимание (говорит Шахматов) на тесную связь разобренных вставкой обеих летописных статей: первая из них оканчивается словами «и по сих 8 колен г кончине века изидуть заклепении в горе Александром Македоньскимъ нечистыя человеки»; вторая, начинаясь словами: «се же хоцю сказати, яже слышах преже сих 4 лет, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородец», излагает беседу летописца с этим Гюрятой; последний передает о сообщенных его отроку, ездившему в Печеру и Югру, сведениях о каких-то народах, живущих за высокими горами, и желающих просечь эти горы, чтобы выйти из-за них; эта беседа, вводящая, в виде комментария к рассказу Гюряты, сообщение Мефодия Патарского о нечистых народах, «заклепленных Александром Македоньским царем», оканчивается приблизительно так же, как первая статья, а именно словами: «в последняя же дни

по сих изидуть 8 колен от пустыня Етривьская, изидуть и сн сквернии языки, яже суть в горах полунощных, по повелению божию». Сходное окончание обеих рассматриваемых статей, с одной стороны, сходное содержание их, служащее доказательством той мысли, что Половцы вышли из пустыни Етривской, куда их заключил Александр Македонский, делает вероятным, что одна из этих статей, а именно вторая, составлена в развитие другой, а именно первой. Возможно, конечно, что развитие это принадлежит тому самому лицу, которое составило первую статью: рассказав о торкменах, печенегах, торках и половцах, он мог вспомнить и о других народах, о которых слышал от новгородца Гюряты; сообщив, по Мефодию Патарскому, о народах, заточенных за горами, он мог припомнить рассказ о северных народах, живущих за горами и не входящих в общение с другими народами. Но гораздо вероятнее предположить, что вторая статья составлена другим лицом и составлена в прямое развитие первой статьи: в пользу этого говорило бы в особенности общее окончание, возвращающее читателя к тому самому месту, где его оставила первая статья. А такой прием всегда характерен для вставки. Мы предполагаем поэтому: во-первых, что вторая статья, излагающая беседу летописца с Гюрятой, составлена не тем лицом, что первая, следовательно не составителем «Повести временных лет»; во-вторых, что во Владимирском своде 1185 г. содержалась только первая статья, а что вторая вставлена составителем Лаврентьевской летописи. Предположение наше подтверждается в особенности тем местом, которое в Лаврентьевской летописи заняла эта вторая статья. Она читается здесь вслед за текстом «Поучения» Мономаха, т. е. за той очевидной вставкой, о которой мы говорили выше. Для нас ясно, что обрабатывая текст Владимирского свода 1185 г., Лаврентий (или его предшественник, если летопись только списана, а не скомпилирована Лаврентием) сделал после слов «и по сих 8 колен в кончине века изидуть заклепени в горе Александром Македоньским нечистыя человеки» известного рода отметку (напр.: слово «зри») для указания,

что в этом месте должна быть сделана вставка из другого источника. Переписчик, дойдя до указанного знака, нашел соответствующий знак (тоже «зри») при двух статьях вспомогательного источника (Владимирского полихрона начала XIV века): при «Поучении» Мономаха, которое Лаврентий предполагал также включить в свой свод, но, очевидно, под другим годом, и при статье, излагавшей беседу летописца с Гюрятой Роговичем. Не сообразив, что знак при статье 6604 (1096) г. относится именно только ко второму месту, Лаврентий, или другой переписчик ошибочно списал вместо второй статьи «Поучение» Мономаха, после чего исправил свою ошибку, переписав за «Поучением» и приложенными к нему документами статью, содержащую беседу летописца с новгородцем Гюрятой“ (стр. 21—24, ср. стр. 83).

Эту беседу с Гюрятой Шахматов относит к другой, последующей редакции „Повести временных лет“, редакции, составленной в 1117 или 1118 г. (стр. 82) лицом, близким к Мономаху (стр. 86).

В статье „Летописи“, помещенной в „Новом энциклопедическом словаре“ Брокгауза и Эфрона (1915 г.) Шахматов кратко изображает схему редакций „Повести временных лет“. Указав на то, что редакция Сильвестра „вторая“ (1116 г.) „лучше всего сохранилась в Лаврентьевском, Радзивиловском и Московско-академическом списках“, Шахматов прибавляет: „но все они в большей или меньшей степени зависели и от третьей редакции.¹ Третья редакция составлена предположительно в 1118 г. киево-печерским иноком...; возможно, что в приложении к этой редакции «Повести временных лет» было помещено поучение Владимира Мономаха с его л[етописью походов и т. д.], доведенною до 1118 г. (третья редакция «Повести временных лет» лучше всего сохранилась в Ипатьевском и Хлебниковском списках)“ (стр. 362, 363).

¹ Вот это уже замечание позволяет читателю допустить, что беседа с Гюрятою попала в текст второй редакции из третьей, при дальнейшем развитии летописных сводов.

Позднейшие замечания А. А. Шахматова о сочинениях Мономаха находятся в издании Археографической комиссии 1916 г.: „А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I“. Приводим эти замечания: „Что до Л[аврентьевского списка], то можно указать на следующий внешний признак, делающий вероятным, что статья 1096 г. [т. е. беседа с Гюрятой] попала в него (или в его протограф) не из основного источника (содержавшего Сильвестровскую редакцию), а из источника подсобного: непосредственно перед этой статьей (перед словами: «Се же хоцю сказати яже слышах преже сих 4 лет») в Л[аврентьевском списке] находим текст Поучения Владимира Мономаха, вставленный здесь совершенно неожиданно и не у места; представляется вероятным, что и Поучение и статья о беседе летописца с Гюрятой Роговичем вставлены в Л[аврентьевский список] из одного общего источника (причем перенесение вместе с названною статьей текста Поучения обязано какой-нибудь механической причине, напр. перебивке листов в «подсобном» источнике“ (стр. VI, прим. 1).

„Упомянутое выше Поучение Владимира Мономаха внесено... в Л[аврентьевский список] из того же первоисточника, что сообщение о беседе с Гюрятой Роговичем: оно попало во всяком случае не на свое место, разрывав сообщение летописи о нашествии Половцев и ее рассуждения относительно их происхождения. В Поучение Мономаха включена летопись, составленная Мономахом, где он в хронологическом порядке рассказывает о своих походах, начиная с того времени, когда ему было 13 лет (следовательно, с 1066 года): летопись эта доведена до похода Владимира Мономаха на Ярослава Святополчича: «И по томъ ходихом к Володимерю на Ярославця, не терпяче злоб его». Поход этот относится к 1117 году, как видно из И[патьевского и] Х[лебниковского списков]... Согласно предыдущему, Поучение Мономаха попало в Л[аврентьевский список] из того же источника, что сообщение о беседе с Гюрятой Роговичем; но это сообщение... восходит к позднейшей редакции Повести вр. лет; следовательно, к этой же

редакции может быть возведено и Поучение. То обстоятельство, что читающаяся в составе Поучения летопись Мономаха доходит до 1117 года, может быть поставлено в связь с тем, что позднейшая редакция Повести вр. лет составлена около того же года. Итак, получаем третье доказательство в пользу составления позднейшей редакции Повести вр. лет в 1118 году“ (стр. VIII).

Выше (на стр. 40—43) мы уже дали обширную цитату из вводной части к реконструкции Шахматовым Повести временных лет (т. I, изд. Археогр. комиссии, 1916). В этой цитате показано отношение разных редакторов Повести временных лет, расположенных к Владимиру Мономаху, ставшему великим князем. Не повторяя в полном объеме уже сказанного, допустим, однако, здесь некоторое повторение деталей и расширение цитаты. Близость составителя третьей редакции Повести временных лет (1118 г.) к Владимиру Мономаху свидетельствуется теми материалами, „которыми пришлось ему воспользоваться; сюда относятся, во-первых, Поучение Владимира Мономаха, тесная связь которого с редакцией 1118 года устанавливается... наличием в этом Поучении летописи, доведенной до 1117 года...; во-вторых, ряд других известий, касающихся Мономаха и его семьи... Составитель третьей редакции Повести вр. лет был кроме того человеком бывалым: в 1114 году он был на новгородском севере, посетил здесь Ладогу, записал и ладожские и новгородские рассказы о северных странах, а также ладожское предание об основании Ладога Рюриком. В связи с этим стоят, конечно, и новгородские известия, попавшие в третью редакцию...“ (о постройках Мстислава и о его походе на Чудь).

Сопоставляя данные в пользу близости составителя третьей редакции к Владимиру Мономаху с данными, свидетельствующими о связи его с Мстиславом Владимировичем новгородским, Шахматов думает, что этот киево-печерский постриженник был или духовником, или вообще близким к Мстиславу духовным лицом; „в пользу моего предположения, — заявляет Шахматов, — могу привести два соображения: во-первых,

на епископской кафедре в Новгороде с 1095 по 1108 год сидел постриженник Печерского монастыря, Никита, пользовавшийся большим авторитетом благодаря своей святой жизни и заботе о храме св. Софии; Никита мог привлечь ко владычному своему двору известных ему черноризцев печерских и приблизить одного из них к князю Мстиславу; во-вторых, замечательно следующее хронологическое совпадение: Мстислав был переведен из Новгорода на юг (где сел в Белгороде) в 1117 году, а в 1118 году составляется третья редакция Повести вр. лет; это наводит на мысль, что прибытие в Киев близкого к Мстиславу постриженника Печерской обители побудило последнюю поручить ему составление летописного свода и восстановление монастырского летописания. Включение в свод 1118 года Поучения Мономаха особенно естественно при предположении, что свод этот составлен лицом, близким к Мстиславу; у последнего, как у старшего сына Мономаха, могло храниться Поучение к детям, составленное Владимиром, повидимому, в 1100—1101 году (Ср. соображения М. С. Грушевского — История Украины-Руси, II, 99 и 94, прим.), указывающего на то, что Поучение написано по поводу похода Святополка и Святославичей против Ростиславичей после Витичевского съезда); у Мстислава же хранилось письмо Владимира к Олегу Святославичу, написанное в конце 1096 года после муромского сражения 6 сентября этого года (когда был убит Изяслав Владимирович); письмо это досталось Мстиславу после победы его над Олегом на Колакше, когда последний бежал в Муром, а оттуда в Рязань и дальше из Рязани, под напором победителя, крестного его сына. Все эти материалы Мстислав передал составителю киево-печерского свода, доведя при этом перечень походов отца до 1117 года. (Дополнение идет со слов „И паки с Святополком гонихом по Боняце“, стр. XXXVIII—XL).

В заключении вводной части Шахматов, суммируя сказанное о третьей редакции Повести вр. лет, уточняет и место в ней, первоначально занимавшееся сочинениями Мономаха: „составителю третьей редакции, работавшему в 1118 году,

пришлось воспользоваться Сильвестровскою редакцией; он дополнил ее преимущественно известиями, имеющими то или иное отношение к Владимиру Мономаху, и продолжил до статьи 6625 (1117) года, вписав в конец свода Мономахово Поучение к детям“ (стр. XLI).

Передадим историю включения в летопись сочинений Мономаха, как это дело представляет последователь Шахматовской теории М. Д. Приселков в своей статье „История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий“ (1939 г.), где рассматривается судьба сочинений Мономаха, как части летописных книг.

„Та рукописная пергаменная книга, которую первоначально, в первой половине XIX в. называли Пушкинской летописью, а теперь, со второй половины XIX в., обычно называют летописью Лаврентьевской, ученым кругам стала известна только в самом конце XVIII в. как счастливая покупка известного собирателя рукописей и предметов древности графа Мусина-Пушкина, издавшего в 1793 г. по этой рукописи знаменитое произведение нашей литературы начала XII в. Поучение Владимира Мономаха своим детям: «Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи Суздальской Поучение», СПб., 1793“. Это харатейная (пергаменная) книга „довольно крупного формата (около 20 × 24 см), в старинных кожаных переплетах, содержащая русскую летопись от «Повести временных лет» до 1305 г.¹ включительно. Текст «Повести»

¹ После известия о сожжении церкви св. Федора молнией 23 июня 1305 г. пробел в 3 строки и далее послесловие, писанное киноварью: „Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье приставъ и странник в отечство свое пришед; такоже радуется и книжный писатель, дошедъ конца книгамъ, такоже, и азъ худый, недостойный и многогрешный рабъ божий Лаврентей мних. Началь есмь писати книги сия, глаголемый Летописецъ, месяца генваря в 14, на память святыхъ отецъ нашихъ аввад, в Синаи и в Раифе избъеныхъ, князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священнаго епископа Дионисья, и кончалъ есмь месяца марта в 20, на память святыхъ отецъ нашихъ, иже в манастири святаго Савы избъеныхъ от Срацинь, въ лето 6885 (1377) при благо-

начинался в этой книге на обороте первого листа; лицевая же сторона этого листа, до крайности загрязненная, содержала единственную запись (XVI или начала XVII века), с трудом читаемую: «Книга Рождественского монастыря Володимерьского»¹. „Из приписки писца в конце книги мы теперь знаем, что перед нами копия с древнего «Летописца», снятая для великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского в начале (с 14 января по 20 марта) 1377 г. «по благословенью» (т. е. с разрешения) епископа суздальского монахом Лаврентьем, причем Лаврентий в своей приписке просит «господ, отцев и братьев» не бранить его за вероятные ошибки, «занеже книги ветшаны, а умъ молодъ, не дошель», т. е. потому, что книга, данная ему для копировки, была ветхая, а он, Лаврентий, неопытен».

По мнению Приселкова, Лаврентьевская рукопись хранилась в библиотеке Владимирского монастыря до тех времен, когда последовали известные указы Петра I о высылке (в Синод и в Сенат) из монастырских и церковных библиотек старых летописей. Приселков строит догадку, что Лаврентьевская летопись, присланная в начале XVIII в. в Петербург, была „зачитана“ известным комиссаром петровских времен, Крекшиным из фонда собранных правительством летописей, а затем была куплена Мусиным-Пушкиным вместе с другими рукописями, оставшимися от Крекшина.¹

верном и христолюбивем князи великомъ Дмитрии Костянтиновичи, и при епископе нашем христолюбивем, священномъ Дионисье Суздальском и Новгородском и Городском. И ныне господа, отци и братья, оже ся где буду описаль, или переписаль, или не дописаль, чтите исправливая бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ, не дошель; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны христось богъ наш, сынъ бога живаго, ему же слава и держава и честь и покланянье со отцемъ и с святымъ духомъ,, и ныня и присно въ веки, аминь“.

¹ Как приобретена Мусиным-Пушкиным Лаврентьевская летопись, рассказано К. Ф. Калайдовичем дважды; в № 21 „Вестника Европы“ 1813 г. (что пересказал и Приселков) и в „Зап. и труды Общ. ист. и древн. Росс.“, ч. II; оба рассказа между собой не совпадают. См.: Ивакин, стр. 28, 29, примечание.

„Известие о нахождении в библиотеке Мусина-Пушкина старинного летописного манускрипта высокой научной ценности (из этого манускрипта было извлечено «Поучение» Мономаха) вызвало желание у многих иностранных представителей, проживавших в России, приобрести этот манускрипт... Неоднократные покушения иностранцев на приобретение «драгоценного сего источника наших бытописаний» прежде всего склонили Мусина-Пушкина отдать Лаврентьевскую рукопись для опубликования Обществу истории и древностей при Московском университете. Но так как издание... затягивалось, то владелец, затребовав свою рукопись (1811 г.), решил ее отдать на сохранение для страны и на владение государству. Александр I, приняв этот дар, передал его на хранение в Публичную библиотеку (теперь им. Салтыкова-Щедрина)...“

Из 173 своих листов „на протяжении первых 40 листов рукопись выполнена письмом уставным, расположенным на странице в один столбец, что, очевидно, соответствовало замыслу, подчеркнутому и форматом, дать парадную рукописную книгу, вполне отвечающую тому, что заказчиком ее был великий князь Суздальский и Нижегородский. Однако с 41-го листа рукопись переходит в расположении своих строк на два столбца или колонны на странице, а в письме вместо устава рукопись выполнена полууставным письмом...“

На обороте лл. 157, 161 и 167 имеется в конце три пробела (в $7\frac{1}{2}$, $54\frac{1}{2}$ и $20\frac{1}{2}$ строк), которые, однако, не мешают последовательному чтению. Объяснение этому Приселков видит в том, что „при переписке книг, для ускорения дела переписки, весьма часто книгу расшивали и по частям раздавали для одновременной переписки нескольким писцам; при несоответствии формата новой рукописи формату той книги, с которой ведется переписка, естественно, должны были получиться подобного рода пробелы“.

Эти внешние данные оформления рукописи и особенно указанные ее дефекты привели Приселкова к следующему предположению. „Великий князь заказал скопировать для себя старую книгу. Получив этот заказ и разрешение своего епископа

на его исполнение (епископу, видимо, принадлежала эта старая книга, или была она из какой-либо библиотеки, находящейся в ведении епископа), Лаврентий решил представить снятую копию в виде парадно выполненной книги, покрытой по листам торжественным уставным письмом. Однако заказчик потребовал ускорения в исполнении заказа, дорожа временем, а не оформлением книги, что вынудило перейти от уставного письма на полуустав и отказаться от расположения на странице одной строки, перейдя на две колонны, что ускоряло и облегчало труд переписчика. Но через некоторое время заказчик вновь потребовал ускорения в представлении ему ожидаемой копии старой книги, что заставило Лаврентия прибегнуть к расщятию переписываемой книги и раздаче по частям для переписи одновременно несколькими переписчиками“.

Согласно послесловию Лаврентия, книга в 173 листа была изготовлена в 65 дней, причем надо было не только переписать, а сначала верно прочесть и понять ветхий оригинал. „В своем послесловии Лаврентий . . ., называя свой оригинал «Летописцем», утверждает, что этот «Летописец» к его времени работы представлял собою ветхую книгу, что, как полагал Лаврентий, и привел к тому, что в его копии с этого «Летописца» можно встретить теперь как описки, так и переписки с недописками. К тому же он, Лаврентий, как молодой и неопытный переписчик, не всегда мог справиться с своею задачей удовлетворительно: «занеже книги ветшаны, а умъ — молодъ, не дошелъ». Действительно, можно думать, что в работе Лаврентия встречаются все указанные им промахи его переписки, из которых мы на первом месте поставим его недописки, т. е. оставленные им пустые места в строках, где, конечно, размер незаполненных буквами пространств строки соответствует количеству не прочитанных Лаврентием букв в протографе. Из таких теперь для нас самых досадных недописок Лаврентия на первом месте надо, конечно, поставить те 4¹/₂ строки, которые находятся после первых строк «Поучения» Владимира Мономаха (оно дошло до нас только в Лав-

рентьевской летописи). Протограф Лаврентьевской летописи был, как говорит Лаврентий, уже настолько обветшалой книгой, что не везде ее текст легко прочитывался переписчиком. Иногда переписчик все же, несмотря на неясность, прочитывал текст, подлежащий переписке; но сам же находил полученное им чтение подозрительным и непонятным, тогда он такое полученное чтение отделял от соседних слов точками... Но почему же так случилось, что в «Поучении» Лаврентий прямо оставил пустыми $4\frac{1}{2}$ строки, не дав никакой попытки своего прочтения? Ответ, очевидно, будет тот, что в своей ветхой книге, подлежащей переписке, Лаврентий в этих $4\frac{1}{2}$ строках, как и в ряде других мест..., ничего даже приблизительно восстановить прочтением не мог. Но как же получилось, что именно здесь, в начале текста «Поучения», оказались столь загрязненные, или столь сильно стертые строки? Давно уже определено, что так называемое «Поучение» Владимира Мономаха представляет собою три самостоятельных, отдельных произведения этого автора: в начале поучение детям (без окончания), затем письмо Мономаха двоюродному своему брату Олегу (оно без начала) и, наконец, текст культового содержания, вероятно, пера того же автора. Также давно установлено, что эта дефектная группа листов, содержащая все три произведения Мономаха, попала у Лаврентия или в его протографе не на свое место: ведь текст этих произведений Мономаха разрывает собою текст летописного повествования 1096 г., и при удалении из настоящего его места «Поучения» разорванный им текст летописного повествования 1096 г. благополучно смыкается во вполне последовательный и связный рассказ».

Приселков пришел к убеждению, „что Лаврентий получил для переписки книгу, в которой эти листы находились уже не на своем месте. В самом деле, неужели Лаврентий, располагая он возможностью переставлять листы переписываемой ветхой книги, не смог бы найти для них более подходящего места, чем занимаемое ими теперь, например, хотя бы в конце изложения любого года? Но вполне своевременно спросить

себя, где же было надлежащее место для этих листов в той книге, которую переписывал Лаврентий. Поскольку это, так сказать, собрание сочинений Владимира Мономаха невозможно связать ни с каким местом Лаврентьевского летописного текста, внутрь которого оно теперь попало, т. е. связать так, чтобы это не вызывало сомнений, постольку правильнее всего будет предположить, что это собрание Мономаховых сочинений или предшествовало, или последовало летописному тексту в целом. Из этих двух предположений склониться к первому побуждает нас именно известное уже нам неудовлетворительное для прочтения состояние первого листа «Поучения», на котором на лицевой его стороне было $4\frac{1}{2}$ стертых или загрязненных строк, которые не мог воспроизвести нам Лаврентий. В самом деле, если мы предположим, что ветхая книга «Летописец», которую переписывал Лаврентий, была лишена переплета, то первый ее лист от держанья рукою мог легко пострадать, так как на лицевую его сторону (ближе кверху) постоянно должен был нажимать большой палец левой руки читателя, наводившего справку, или читавшего летописный текст, т. е. переворачивавшего листы книги своею правою рукою. Наше предположение о том, что «Поучение» и другие сочинения Мономаха находились при данном летописном тексте в его начале, едва ли представляет собою предположение произвольное. Надо припомнить, что в начале Лаврентьевского текста читается «Повесть временных лет», в своей основе представляющая редакцию Сильвестра, предпринятую по поручению Мономаха. Эту Сильвестровскую редакцию «Повести временных лет» вместе с сочинениями Владимира Мономаха естественно встретить в летописной традиции Переяславской (южного Переяславля) епископии, куда епископом был назначен Сильвестр в 1119 г. Владимиром Мономахом и откуда, как мы знаем [по Шахматову], летописатели Владимира Суздальского в XII и XIII вв. привлекли летописные тексты для пополнения своих материалов повествованием о делах юга или «Русской земли». Когда в непереpletенной книге теперь отрываются первые или последние

листы, то обычно, — особенно, когда заметят, что некоторые из отделившихся от книги листов уже утрачены, — желая оберечь от утраты еще остающиеся, их вкладывают в книгу, в случайное, так сказать, место. Так было и с рукописными, конечно, книгами в древности. Так случилось и с первыми оторвавшимися листами того ветхого Летописца, который копировал Лаврентий. Какой-то читатель этой ветхой книги, до того как Лаврентий приступил к ее копировке, заметив, что некоторые листы из оторвавшихся от книги листов уже утрачены (вспомним, что теперь нет окончания «Поучения» и начала письма Мономаха к Олегу), желая оберечь от дальнейшей утраты уцелевшие листы, вложил их в случайно открытое место книги. Лаврентий только копировал данную ему книгу; он так и переписал текст, как лежали в книге листы¹. Подобную перекладку заключительных листов Шахматов установил, например, для протографа Радзивилловского и Московско-Академического списков летописи начала XIII в.

По мнению Приселкова, Лаврентий копировал именно Летописец 1305 г. (реконструируемый Шахматовым), который отличался от списка форматом. По вероподобному (?) счету Приселкова, на одну страницу Лаврентьевской летописи приходилось 2,7 страницы Летописца 1305 г. Поучение и другие сочинения Владимира Мономаха занимают сейчас в Лаврентьевской летописи весь лист 78-й, без 8 первых строк первого столбца лицевой его стороны, все 79—84-й листы и оканчиваются 17-ю строкою первого столбца лицевой стороны 85-го листа, то есть ровно 19 листов (38 страниц) формата Летописца 1305 г. Сочинения Мономаха в этом формате уже имели дефект: утрату конца Поучения и начала письма Мономаха к Олегу, что выразилось в утрате листа или больше, т. е. утраченный текст был не менее чем в 1000 букв.¹

¹ На основании поистине головоломных вычислений И. Шляков в 1900 г. пришел к такому выводу: „подлинник Поучения написан был на тетрадах по два двойных листа in 16°, то есть вершка два ширины и три длины, стало быть, формата сложенной Юрьевской грамоты, так что на странице было около 205 букв (16 строк по 13 букв?). На пергаменте

В своем послесловии Лаврентий обращается к „господам, отцам и братьям“ и просит их „ныне“ (то есть, когда закончил труд) прочесть его работу с целью исправления в ней его ошибок.

По предположению Приселкова, эти „господа, отцы и братья“ были редакторами работы Лаврентия и вообще задуманного князем Дмитрием Суздальского Великокняжеского летописца. Вот эти-то редакторы и исключили Поучение и другие сочинения Мономаха из окончательной версии этого летописца.

такого же формата он был и переписан в конце XII или начале XIII века, но переписан в сборнике, в котором занимал¹ срединное положение перед письмом к Олегу и после какой-то неизвестной нам статьи, вероятно, также имевшей отношение к Мономаху“ (О Поучении Владимира Мономаха, Журн. Мин. нар. просв., 1900, июль, стр. 16; май, стр. 127—130).

ГЛАВА VII

ИСТОРИЯ ВОПРОСА, КОГДА НАПИСАНО ПОУЧЕНИЕ МОНОМАХА

История вопроса, когда написано Поучение, представлена С. Протопоповым (1874 г.) в таком виде.

В самом Поучении ученые исследователи останавливались преимущественно на следующем месте, ища здесь ответа на вопрос о времени написания: „сидя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сих дней грешнаго допривади“.

Карамзин слишком произвольно переводит, или лучше сказать перефразирует это место: „приближаясь ко гробу, благодарю Всевышнего за умножение дней моих. Рука его довела меня до старости маститой“ (И. Г. Р., т. II, стр. 161). Основание для своей мысли о старости Мономаха Карамзин видит в том, что Поучение говорит о походе Мономаха на Ярослава, князя Владимирского (т. е. Владимиро-Волынского), бывшем не ранее 1117 г., и, следовательно, по мнению Карамзина, Мономаху было тогда не менее 65 лет от роду, т. е. он находился в преклонной старости.

Шевырев также согласен с Карамзиным. „Сидя в санях, — говорит Шевырев, — писал это Поучение Владимир, и хвалил бога за то, что он соблюл его до таких дней, следовательно уже в глубокой старости“. Он даже слово „на санех“ при-

нимает в смысле смертного одра, ссылаясь (стр. 245, Ист. русск. слов., 1846) на те места летописей, в которых встречается иногда известие, что больных и покойников носили на санях. Но если не в старости, то когда же Владимир написал свое Поучение?

Академик По го д и н решает весьма обстоятельно этот вопрос (Изв. II отд. Акад. Наук, т. X, стр. 234—244). В Поучении, в самом начале его так говорится: „да дети мои, или инь кто, слышавъ сю грамотицю, не посмейтеся... аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех седя, безлепицю си молвиль“. Из этих слов видно, что Поучение задумано Мономахом на дороге. Далее из слов: „усрегоша мя слы от братья моя на Волзе, реша: „потъснися къ нам да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем“, — видно, что дорога Мономаху шла по Волге; а куда именно, то это несомненно в Ростов, как ниже он сам говорит: „се ныне иду Ростову“.¹ Итак, Поучение, говорит По го д и н, задумано по дороге в Ростов, по поводу посольства братьев с предложением об изгнании Ростиславичей; написано же Мономахом вскоре по прибытии в этот город. Остается теперь отыскать время, когда братья-князья шли на Ростиславичей. Это случилось не во время великого княжения Мономаха (1113—1125 гг.), потому что великому князю прочие удельные князья не могли так сказать: „иже ли не поидеши с нами, то мы себе будем, а ты себе“, как приводится в Поучении, и что ясно показывает равные отношения прочих князей к Владимиру. Не могло это быть и при великом князе Киевском Всеволоде (1078—1093 гг.), потому что он сам дал Ростиславичам волость. Остается только княжение великого князя Святополка (1093—1113 гг.), когда могло случиться это предприятие. Известно, что на съезде 1097 г. (Любечском) была утверждена за Ростиславичами их волость, предоставленная им Всеволодом. Вскоре после съезда случилось ослепление Василька Ростиславича по навету Давида

¹ Это, как увидим ниже, также считается важным определителем датировки написания, принимая во внимание глагольную форму „иду“.

Игоревича, что вызвало Мономаха заставить великого князя Святополка отомстить Давиду войною. Святополк исполнил это, но в 1099 г. вдруг вздумал он идти на Ростиславичей, получив от Святославичей на то согласие, но все вместе хотели еще иметь согласие Мономаха, и послали к нему послов (усретоша мя слы от братья моя). Мономах отказался, так как ему горько было такое неожиданное нарушение всех обязательств. Отсюда ясно, по мнению Погодина, что момент сочинения Поучения был 1099 год, и с этим нельзя не согласиться (говорит Протопопов), взяв во внимание вышеприведенную, весьма основательную аргументацию ученого историка.

Что же касается того обстоятельства: каким образом в Поучение попало описание происшествий и после 1099 г., даже позднейших 1117—1118 гг., на основании чего Карамзин и перевел в начале слова: „до сих дней“, в смысле — до старости маститой, то на описание этих происшествий Погодин, смотрит как на позднейшую вставку, — иначе, по его мнению нельзя объяснить, почему до 1099 г. Мономах подробно описал все свои действия, занявшие место четырех страниц в четверку, а собственное свое великое квяжение он рассказал только в четырех строках. Мало того, происшествия этой вставки крайне перепутаны; во многих случаях не замечается ни грамматической, ни логической связи. Если уже не отрицать окончательно подлинности описания позднейших событий, то нужно признать это по крайней мере за дополнение, сделанное впоследствии хотя и самим Мономахом, но испорченное, сокращенное тем или другим переписчиком — по какому-либо недоразумению, но без умысла. Во всяком случае подобная уступка не исключает того факта, что Поучение первоначально сочинено в 1099 г., а происшествия, бывшие после 1099 г., очень могли быть вставлены или дополнены впоследствии самим Мономахом, который, придавая своему сочинению характер руководства не только для своих собственных детей, но и для всех грамотных людей своего времени, что видно из слов его („... дети мои, или и нъ кто, слышав сю грамотицю“),

счел нужным прибавить для назидания и о тех своих делах, которые он совершил после первоначального написания Поучения (стр. 235—237).

В первом издании сочинений Владимира Мономаха, выпущенном гр. А. И. Мусин-Пушкиным под титулом „Духовная Великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детямъ своимъ, названная в Летописи Суздальской Поученье“ (СПб., 1793), время написания Поучения определяется так: „По разным случаям и охоте моей собрал я, — говорит Мусин-Пушкин в Предуведомлении, — не малое количество древних Летописей, записок и монет. Из оных в свободное время выбрав достопамятнейшие, имею намерение издавать их с замечаниями, для охотников и трудящихся в отечественной истории. Что и исполняю теперь самым делом, предлагая здесь древнюю рукопись, названную по престоначерчию Поученьем; но которая в самой вещи есть Духовная Владимира Второго, именованного Мономахом, которой за несколько лет до своей кончины оную написал“ (стр. IV). В перечне путей Мономаха, помещенном в Поучении, Мусин-Пушкин особенно остановился на последнем походе, который и помог издателю установить точнее дату написания Поучения: „Ходил на Ярославца Святополчича ко Владимиру, в 1118 вторично на него же ходил, и выгнал его из Владимира в 1119 [г.]. По летописям сей был последний его поход, и в 1125 преставился. Из сего видно, что писал он сие поучение или завещание между 1119—1125 годами...“ (стр. 43, прим. 73), „Писана сия грамота между 1119 и 1125 годом“ (стр. 50, прим. 83).

Н. Шляков в статье „О поучении Владимира Мономаха“ в датировании Поучения основывается на словах Мономаха... „Се ныне иду Ростову“, которые высказаны среди перечисления походов почему-то не в конце их. Шляков пересматривает все походы относительно последовательности их сообщения в перечне Мономаха, и из сопоставления с известиями летописи заключает, что Мономах перечисляет свои походы в строго хронологическом порядке. Путь „и се ныне иду Ростову“, правда, в летописи не отмечен, но в перечне Мономаха стоит

между путями 6610—6612 гг. и путем 6614 г., следовательно приведенный путь в Ростов относится к 6613, то есть к 1105—1106 г., когда и писал Мономах свое поучение: „Мономах писал на пути в Ростов, не в Ростове на Волге; снег еще не сошел: он ехал на санях; в это время он был уже не молод: „похвалихъ бога . . . иже мя с ихъ дн евъ грешнаго допровади . . .“ „хотя, — замечает Шляков, — эти слова могут намекать и на пост“. Следующие в перечне Мономаха пути с 1106 г. по 1118 г., по Шлякову, также записаны Мономахом: „нет никакого основания приписывать продолжение перечня походов после 1106 г. (се ныне иду Ростову) кому-либо другому, а не самому Мономаху, а потому следует думать, что дошедший до нас в Лаврентьевской летописи список Поучения после 1106 г., времени составления Поучения, находился в руках автора еще 12 лет“. Почему Мономах не продолжил в Поучении перечень своих путей за время после 1118 г., Шляков объясняет тем, что, отправляя в 1119 г. своего последнего любимого сына, семнадцатилетнего юношу, Андрея княжить во Владимир Волинский, „Мономах и благословил его между прочим своим Поучением, как руководством к предстоящей деятельности князя и самостоятельного человека: вот почему перечень походов оканчивается 1118 годом, тем событием, которое повело за собой назначение Андрея князем во Владимир“. То есть списка Поучения у Мономаха не осталось (стр. 101, 109, 122—125).

Время и место написания Поучения Шляков уточняет до последней степени. Анализ выписок Мономаха из церковных и священных книг, по мнению Шлякова, указывает, что он находился под влиянием богослужения первой недели великого поста, и писал свое Поучение после повечерня четверга или даже утрени пятницы, когда готовился к причащению, а пятница 1-й недели поста в 1106 г. приходилась 9-го февраля. Написано поучение на погосте Волга, недалеко от Ростова.

В своей книге „Князь Владимир Мономах и его Поучение“ (часть I, М., 1901), поставив вопрос, когда написана Мономахова грамотица, И. М. И в а к и н критикует Карамзина, Погодина и Протопопова, в особенности за опору их датирования на

фразе перечня путей: „и се ныне иду Ростову“, где слова „се ныне иду“ являются неверным домыслом переписчика. Ивакин упрекает Карамзина за двойственность понимания: „сидя на санехъ“, т. е. „приближаясь к гробу“, а „на далечи пути да на санехъ сидя“ — зимою, готовясь идти в Ростов, когда Мономах и писал будто свою грамотицу. Ивакин не видит основания для мысли Погодина, что слова „усретоша бо мя“ и т. д. относятся к тому же самому событию, как и слова „и се ныне иду Ростову“. По мнению Ивакина, „упоминаемые в тех и других словах события по времени совершенно различны: первое — как справедливо указывает, впрочем, и Погодин, надо приурочить к 1099 г., а второе... к 1102-му. Их нельзя смешивать“. И еще — „встреча“ с послами (первое событие) произошла не в поездке Мономаха в Ростов, то есть с юга на север, а в поездке из Ростова в Переяславль, и произошла весною, вероятнее всего во второй половине апреля 1099 г. Продолжаем рассуждения Ивакина. „Мономах родился в 1053 г.; в 1099 г. ему было 46 лет. Человек без сомнения крепкий и здоровый, он едва ли мог думать в такие годы о Поучении или — точнее — о завещании детям. Вместе с Мусиным-Пушкиным, Карамзиным, Срезневским (см. Древн. пам. русск. письма и яз.) и Белевским (Monum. Polon., I, 863) я думаю, что он писал его в летах преклонных, т. е. после 1117 года, когда ему шел уже седьмой десяток. Это, кстати сказать, может бросить свет и на значение выражения сидя на санехъ, которое следует понимать именно в смысле переносном, а не грубо-буквальном, как понимал Погодин и отчасти Карамзин...“ В примечаниях к перечню путей — походов Мономаха Ивакин останавливается на 33-м отделе перечня: „И потомъ паки, идохомъ к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолиньску. И се ныне иду Ростову“ — и эти последние слова, как ошибочные, выделяет курсивом и исправляет на: „и-Смолиньска идохъ Ростову“. Предшествующий этому отделу путь („Идохом другое с Воронице“) Ивакин относит к 1098 г. „Если положить, что путь с Вороницы был в 1098 г., то путь в Ростов («идохомъ к Ростову на зиму»), думаю, надо отнести к 1099, и Моно-

мах ходил туда на зиму. Возвращаясь весною в Переяславль, он и встретился на Волге с послами от братьев своих, приглашавших его идти на Ростиславичей, о чем говорит в начале Поучения... «По 3 зимы ходихом Смолиньску», т. е. в 1100-м, в 1101-м, что подтверждает и летопись..., и в 1102 году. «И се ныне иду Ростову...» Прежде всего есть большое основание осумнить слово «иду». Как могло попасть сюда настоящее время? И впереди и после все времена прошедшие (впереди: идохом — четыре раза, ходихом — один; после: идох — выидох — собрах — приде — идохом — победихом etc.), а тут вдруг настоящее! Сомнение и здесь возрастает, что ведь сам же Мономах свои пути и ловы представлял себе событиями прошлыми: а се вы поведаю, дети моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дея и ловы — недаром выражаясь о них временем прошедшим... Я уже говорил, что если вся рукопись, с коей переписано Поучение, была неразборчива и ветха... Нет причины думать, что рукопись была исправнее в том месте, где написано: и се ныне иду Ростову. В этой фразе переписчик видимо разобрал как следует только Ростову, что стояло на месте иду он разобрал лишь наполовину, а что стояло впереди, не разобрал совсем и по догадке написал: и се ныне. Есть полная вероятность думать, что вместо иду тут стояло идохъ (как немного дальше: Смолиньску идохъ, идохъ Ростову, идохъ на половци, ко Ромну идохъ). Слова и се ныне тоже несомненно искажены — только из чего? Что стояло на месте их? Думаю, что вместо и се ныне было первоначально и-Смолиньска“. И этот-то путь Ивакин относит к 1103 г. (стр. 5—8, 44, 200—202).

Иначе думал С. М. Соловьев: в III томе своей „Истории России с древнейших времен“ (гл. I, стр. 101, 102, изд. 1-е, М., 1853, т. III; стр. 760, изд. 1894 г., кн. I) он говорит про Мономаха: „Потом Мономах объявляет повод, по которому написал он Поучение: по окончании усобицы на Витичевском съезде, поехал он на север в Ростовскую область, и будучи на Волге, получил посольство от двоюродных братьев с приглашением идти на Ростиславичей Галицких“. Усобица с Дави-

дом Игоревичем на Витичевском съезде окончилась, по счету Шлякова, 30 августа 1100 г., стало быть Поучение написано после 1100 г. (тут Шляков ссылается еще на другое место Истории Соловьева, на 342 стр., где сказано: „После Витичевского съезда, покончившего усобицы, князья получили возможность действовать наступательно против Половцев: в 1101 году Святополк, Мономах и трое Святославичей собрались... чтоб идти на Половцев...“). Основанием такого мнения С. М. Соловьева служат, очевидно, слова Поучения, стоящие перед „и се ныне иду Ростову“: с „Давидомъ смирившеся“. Ближайшего определения времени С. М. Соловьев не дает.

ГЛАВА VIII

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОУЧЕНИЯ МОНОМАХА

Историко-литературное изучение Поучения Владимира Мономаха по существу началось статьею С. Протопопова, помещенною в „Журнале Министерства народного просвещения“ (часть CLXXI, февраль 1874 г.), под заглавием „Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху“. Эта статья наметила совершенно основательно те книжные параллели и подобия, которые соответствуют в Поучении Мономаха его автохарактеристике своего миросозерцания и поведения в сфере и духе церковных учений. По заключению С. Протопопова, „письменными источниками и пособиями, служившими Мономаху при написании Поучения, были различные древние сборники поучений, как самостоятельного русского происхождения, так и перешедшие из Болгарии, или переведенные уже на Руси с греческого языка“ (стр. 237). „Но самым любимым чтением (в древней Руси), если судить по числу сохранившихся до нашего времени сборников, были отеческие писания, которые были в огромном числе переводимы с греческого языка, или привозимые из Болгарии. Все поучения этих сборников, носящих различные названия (Златоструй, Измарагд, Матица Златая, Златая Цепь) характеризуются преимущественно аскетическим направ-

лением... Подобно своим современникам, и Владимир Мономах подвергся сильному влиянию подобного рода аскетических произведений древне-отеческой литературы" (стр. 251, 252). „Поучение Владимира Мономаха, заимствуя форму, а отчасти и содержание из подобных себе произведений различных древних сборников, в свою очередь послужило основой Сильвестрова Домостроя уже XVI века. Это особенно видно из того, что наставления Домостроя о домашней и церковной молитве выражены почти словами Мономаха" (стр. 245, прим. 1).

Для нас лично не удивительно, что Поучение Мономаха обнаруживает близость тексту Домостроя, потому что соответствующие части последнего главным образом заимствованы из русского Сборника поучений, носившего имя „Измарагд“, а Поучение Мономаха близко к более раннему, конечно, собранию поучений, которое веку к XIV отразилось в „Измарагде“. Нами установлено, что когда Протопопов, изображая „религиозно-нравственные“ черты мирозерцания Мономаха, преимущественно ссылается на параллели в десятке проповедей рукописного сборника Кирилло-Белозерской библиотеки № 38/1115, он ссылается на „Измарагд“¹ в этой рукописи, именно на статьи: Слово „иже не отчаятися в бедѣ“, Слово „о глаголющих, яко несть мощно спастися живущим в миру“, Слово „о милостыне“, Слово „како чтити презвитера“, Слово „како жити христианам“, „Поучение ленивым, иже не делают“, „Слово о снех ношних“, „Слово како встаяти в ношѣ молитися“, Слово „о невстающих на утреннюю“, „Слово святых отец о пьянстве“.² Из перечисления этих тематических заглавий

¹ По делению В. А. Яковлева, это „Измарагд“ II редакции. Опыт исследования „Измарагда“, Одесса, 1893 г., стр. 171, примеч. 163. Много Слов напечатано по тексту Кир.-Белоз. № 38/1115 XVI в. (совместно с другим тождественным списком) под ред. проф. А. И. Пономарева в „Памятниках древне-русской церковно-учительной литературы“ (вып. III, СПб., 1897). Здесь же изданы некоторые Слова из сборника Святослава 1076, из Троицкой Златой цепи XIV в. № 11, из Паисиевского Сборника XIV в. и др.

² Сверх использованных цитат Протопопов мог бы еще сослаться на параллель к Мономаху в Поучении Иоанна Златоустого о молитве: „аще убо вне церкви стоиши, то зови «Господи помилуй мя», не движа устами,

видно, что средневековые сборники проповедей давали по главам полный план „религиозно-нравственного“ личного и общественного поведения. Эти статьи и главы совпадают во многих сборниках, вышешоименованных Протопоповым, и в сборнике „Златоуст“, который он случайно пропустил.¹ Это было чтение, оглашаемое и в церкви, и по монастырским трапезным, да, очевидно, и по княжеским палатам и домам при посещении церковников, поэтому неудивительно, что выражение средневекового мирозерцания дожило с XI до XVI в. (по крайней мере) в тех чертах и формах, которые мы видим в Поучении Мономаха и его параллелях и подобиях.

„Завещания отца своим детям — как должно жить праведно и благоразумно, были, — говорит Протопопов, — в обычае древней жизни на Руси. В древних сборниках отеческих сочинений, весьма распространенных в старину, встречается много подобных завещаний, с различными названиями, например, такими: слово некоего отца к сыну, слово душеполезно, или просто поучение детям. Сюда же относятся слова и поучения, избранные от святых отец, како жити крестьяном, или как они называются иногда — слова о крестьянстве, о житии христианском, содержание которых, по характеру, сходно с поучениями, надписываемыми: «к детям». Во всех этих поучениях находятся наказания, наставления во всех христианских добродетелях, и таким образом они, уже самою формою подходят к наставлениям Мономахова Поучения. Общее содержание их составляют наставления о хождении в церковь и поведении во время церковной службы, о домашней молитве, о воспитании детей, о почитании детьми своих родителей, о содержании слуг, о воздержании от лихоимства, о трезвости и т. п. Слова Мономаха, обращенные к детям, в которых он указывает на характер своего Поучения: «се отъно мыслию глаголи» (Измарагд, Златоуст, Златоструй), и в Слове Иоанна Златоустого „како достоит жити“: „Жену свою научи служити себе со страхом; не дай же ей власти над собою“.

¹ Статьи „Златоуста“, общие с Измарагдом I ред. (по делению Яковлева): гл. 86, 35, 1, 2, 15, 22, 29, 36 и 43, и в конце Измарагда прямо ряд слов на Великий пост, составлявших древнее зерно „Златоуста“.

худаго моего бузумья наказанье; послушайте мене, аще не всегъ примете, то половину» — сходны с обращениями в других подобных поучениях. «Сыну мой, чадо мое», говорится в «Слове некоего отца к сыну (своему, словеса душеполезная)», «приклони ухо твое и послушай отца своего, советующаго ти спасенная» (из сборника Святослава 1076 г., см. Изв. II отд. АН, т. X, стр. 427—431, и из Златой цепи XIV в. Троицкой Лавры № 11, см. Истор. Христ. Буслаева, М., 1861, столб. 482). В конце своего Поучения Мономах говорит о себе: «еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дела, на войне и на ловехъ, ночь и день, на зною и на зиме, не давая себе упокоя... Тоже и худаго смерда и убогые вдовице не даль есмь сильнымъ обидети, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призираль». В этих словах, Мономах в собственном своем поведении хотел указать хороший пример своим детям, для которых он, по праву отца, мог всегда служить примером. В таком же роде написано все «Поучение Ксенофонта, еже глагола к сынома своима». «Веста, — пишет Ксенофонт, обращаясь к детям, — како въ житии семь жихъ без лука, како отъ всехъ чьстьнь бехъ и любимъ... не укорихъ никого же... не оставихъ церкви божиа в черъ, ни заутра, ни полудне; не презрехъ ништихъ, ни оставихъ странна...» и т. д. «Тако и вы живета чаде мои», прибавляет Ксенофонт. Указанное поучение Ксенофонта весьма древне как по языку, так и по тому еще, что оно найдено в сборнике, известном под именем «Святославова» 1076 года. Это обстоятельство приводит нас к убеждению в несомненном влиянии Ксенофонтова поучения на Владимира Мономаха, который, как известно, писал свое Поучение позже появления Святославова сборника в руках грамотных людей того времени» (стр. 244, 245).

„Особенно большое сочувствие обнаруживает он, — говорит про Мономаха Протопопов, — в своем Поучении к творениям Василия Великого“. Из творений Василия Великого, распространенных в переводах в древности, Протопопов указывает на: „весьма много произведений“ его, помещенных в сборнике Святослава 1073 г., труды Василия в сборнике

Святослава 1076 г., „значительное количество поучений с именем Василия... еще во многих других сборниках, например, в Златой Цепи, Измарагдах и проч. Кроме того, в России существовал Шестоднев Василия Великого, переведенный, хотя и не в полном виде, Иоанном Экзархом Болгарским“ (стр. 253).

„Мы заметили выше, что творения Василия Великого пользовались особенным сочувствием Владимира Мономаха. Это ясно усматривается из характера Поучения Мономаха. То же сочувствие к природе, какие встречаем в творениях Василия, особенно в его Шестоднев, заметно и в поучении Владимира. Восхищенный премудрым устройством природы, Мономах восклицает: чудны дела твои, господи, и никакой разум не в состоянии прославить чудес твоих. И кто не похвалит, продолжает Мономах, и не прославит таких «великих чудес и доброт, устроенных на сем свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма, и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! зверье разноличии и птица и рыбы, украшено твоим промыслом господи!» Вглядываясь в премудрое и дивное устройство мира, Владимир особенно поражен разнообразием человеческого образа: если бы мир весь совокупить, говорит он, то всякий из нас предстал бы с своим особенным лицом по мудрости божией. Под влиянием какого-то особенного поэтического вдохновения, Мономах вдруг начинает говорить о пении: «и ты же птице небесная (то-есть, и те же птицы небесные) умудрены тобою, господи, егда повелиши, то вспоют и человеки веселять тебе; и егда же не повелиши им, язык же имеющие онемеют». Здесь ясно видно благочестивое созерцание природы, настроенное чтением творений Василия Великого. Но в приведенных... местах Поучения отразилось... преимущественно влияние Шестоднева Василия¹ — произведения более поэтического, нежели аскетического, так свойственного этому отцу церкви.

¹ Что установлено сопоставлением соответствующих мест из современного перевода Бесед на Шестоднев Василия Великого, изд. в „Творениях свв. отцев“, т. V.

Теперь мы перейдем к той части Поучения, в которой заметн влияние творений Василия с аскетической тенденцией.

«Яко же бо Василий учаше, — говорит Мономах, прямо указывая, откуда он заимствует дальнейшие мысли, — собравъ ту уноша, душа чисты, нескверны, телеси худу, кротку беседу и в меру слово господне, яди, питью безъ плища велико быти...»

Далее автор почти буквально списывает отрывок из одного поучения Василия Великого, определяющего правила монашеской жизни, что видно из следующего надписания этого поучения в некоторых древних сборниках: слово святого Василья: «како есть лепо чернѣцу быти» (см. рукописный сборник Кирилло-Белозерской библиотеки, за № 12/1089, л. 1—3). Это поучение Василия почему-то особенно нравилось русским людям древней Руси, так как оно попадает не только в сборнике XI в. (сборник Святославов 1076 г.), но и в сборниках XIV, XV — и даже XVI веков» (стр. 254). Часть этого поучения Василия Протопопов приводит в параллель к Мономахову по сборнику XV в. Кирилло-Белоз. б. бл. № 12/1089; по Златой Цепи XIV в. Троицкой Лавры — „Почение св. Василья о житьи сем“, и по сборнику Святослава 1076 г. — „Св. Василия како подобаеть человеку быти“.¹

Опираясь на А. И. Пономарева, утверждавшего, что в Поучении Владимира Мономаха „встречаются уже места, которые, повидимому, взяты прямо из Пролога“ (Памятники др.-русс. церк.-учит. литературы, в. II, СПб., 1896, стр. XLVIII, прим. 2), Шляков подбрал из Пролога свыше десятка поучений, помещенных от 21 до 31 января и от 2 до 13 февраля, из которых и привел параллели к „религиозно-нравственным“ высказываниям Поучения Мономаха. Но мы полагаем, что Пролог, по всей видимости, здесь не при чем, потому что, как заметил еще Пономарев, „в самом Прологе они (т. е. поуче-

¹ Это сопоставление уточнено Шляковым, стр. 215—218, причем для дальнейшей тирады из мономахова поучения от „в пустошнемъ“ до „умертви грехъ“ сопоставлено „слово св. Василия о добродетели“, читаемое в Прологе под 21 января (изд. Пономарева по рук. XII—XIII в. Новг.-Соф. библ., № 1325 и изд. Воскресенского из Пролога сент. половины до 1250 г. Известия II отд. АН, т. X, стр. 620).

ния) были лишь заимствованием из свято-отеческих учительных творений, тогда уже существовавших в славянских переводах". Надо иметь в виду, что около половины поучений, приведенных Шляковым из Пролога, можно отыскать и в Измарагде и в других, ему подобных сборниках. Участие поучений в славяно-русском Прологе вопрос недоследованный. Сначала в нем их было весьма ограниченное число, а у Пономарева они встречаются чуть ли не в каждый день, что указывает на время не ранее XVI—XVII в. Да и едва ли Пролог был переведен с греческого при жизни Мономаха.¹ Итак, воздействие именно Пролога на Поучение Мономаха мы считаем недоказанным и придуманным Шляковым для того, чтобы составление Мономахова Поучения отнести к Великому Посту, когда Мономах мог слушать чтение в церкви январских и февральских Проложных проповедей.

И. М. Ивакин также отыскивал в древней церковной книжности источников и параллелей для „религиозно-нравственного“ мирозерцания, [выраженного в Поучении Мономаха. Но он искал не только в Измарагдах и в Прологе, притом не только в поучениях-проповедях, но и в собраниях афоризмов, где надлежащие предписания даны в сжатой и выразительной форме. В Измарагде Ивакин, пожалуй, расширил параллели, сверх найденных его предшественниками, к Прологу же отнесся индифферентно, следуя только указаниям Шлякова. Самое же ценное в подходе Ивакина это то, что он привлек к сопоставлению с Поучением Мономаха переводные памятники, ему современные: Святославовы сборники 1073 и 1076 гг., Златоструй, Сборник XII в., Пандекты Антиоха в списке XI в. и др.

Особенно важный материал для сопоставления Ивакин почерпнул в Сборнике 1076 г., состав которого он описывает так: „Начинается он [т. е. Сборник 1076 г.] Словом некоего

¹ О Прологе здравое представление см. в „Истории древней русской литературы“ М. Сперанского, который суммировал сказанное об этом памятнике, поверив научную литературу своими многолетними занятиями над самим рукописным материалом.

калугера о четъи книг, которое следует считать как бы предисловием... Далее статьи удобно распадаются на три отдела. В первом помещено а) слово некоего отца к сыну своему, б) наказание богатым, в) поучение, начинающееся словами: веруй в отца и сына etc. [т. е. Стослов Константинопольского патриарха Геннадия], г) наказание Исихия, пресвитера Иерусалимского, д) премудрости похвала [Премудрости Иисуса с. Сирахова главы 24 и 25], е) Златоуста Слово разумно и пользно от прочих его душепользных учений, ж) св. Василия Великого Как подабает человеку быти, з) Ксенофонта еже глагола к сынома своима, и) поучение св. Феодоры,¹ к) премудрость Иисуса с. Сирахова [гл. I—IX]. Во втором [отделе] — вопросы с ответами, названные Афанасиевыми, но взятые не только из Афанасия Александрийского, но и из Анастасия Синаита и других неизвестных нам источников. Третий отдел имеет... заглавие...: «съборъ отъ мьногъ отецъ и апостоль и пророкъ, събърано и протълковано от еуаггелия и отъ инехъ книгъ въкратъце съложено». Это — целый сборник статей, куда вошли: а) выдержки из Златоуста, Геннадия Константинопольского..., Златоустова ученика Нила черноризца... о молитве, б) из Златоуста, Нила и... из жития Златоуста и из некоего старца о посте, в) анонимные, но приписанные... Златоусту отрывки 1) о исповедании грехов, 2) о том, что милостыня действительна и по смерти..., 3) что есть много путей к спасению, 4) что нельзя пренебрегать малыми грехами, 5) о скверне душевной, б) наказание попам, 7) «како подобает попа чьстити»; далее отрывки о глаголющих в церкви, об испытании души по исходе ее из тела, о том, что спастись можно и в миру, о богохвалении, о пьянстве. Заключается сборник статьею О милостином Созомене, и о том, како даяй нищему сторицею приметъ“ (стр. 14—16).

¹ О статьях з) и и) Ивакин говорит следующее: „Не знаю, откуда взято [в Сборник 1076 г.] Наставление Феодоры; что же касается статейки Ксенофонта, то она взята из жития Ксенофонта и Марии, память коих бывает 26 января“ (стр. 10, примечание).

Относительно Святославова Сборника 1076 г. Ивакин приводит „очень и очень вероятное мнение, что он был родоначальником позднейших Измарагдов, памятника очень у нас распространенного“. Наибольшее внимание Ивакина привлек первый отдел сборника 1076 г. с Наказанием Исихия и Стословом, образцом для которых служили притчи Соломона и Премудрость Иисуса сына Сирахова, „и если вспомнить, что в основу их легла церковно-религиозная мораль с ясно поставленной целью, со строго определенными требованиями, то немудрено, что произведения эти во многом сходны. Сходны в них мысли о молитве, посте и воздержании, милостыне, почитании духовного чина; одинакова точка зрения по отношению к сей жизни, к ее благам и радостям, точка зрения отрицательная... Мысль о том, что блага мира сего — тлен, на первый план выступает впрочем только в Слове некоего отца к сыну; Стослов отличается преимущественно духом трогательного смирения, неподдельной любви к человеку, неустанным призыванием милосердия к холодным, голодным, странным, заключенным в темнице, гонимым, просящим... Отличительной чертой Наказания Исихия служат наставления в роде: умей оценить важность чтения книг; желая исцелить ум свой и язык, всегда зри в книги; познай важность и труда — кто любит дело, тот пребывает без печали, начало гордыни — не пожелать потрудиться с братом своим по силе; леность — мать всякого зла“ (стр. 16, 17). „Мы видели, из каких статей состоит второй Изборник [т. е. сборник 1076 г.]. Если не все, то некоторые из них были автору грамотицы [т. е. Мономаху] известны. Особенно это следует сказать о Стослове Геннадия и об анонимном Слове некоего отца к сыну своему; есть как будто следы знакомства и с Наказанием Исихия. Наставления о молитве показывают, что ему [т. е. Мономаху] известны были произведения [или вернее отрывки из них] Златоуста и Василия Великого. Столь впоследствии распространенное у нас слово Како встаяти в нощи молитися, вошедшее уже в Златоструй XII в., быть может известно было ему [т. е. Мономаху] в той же редакции, в какой читается оно

в нашем позднейшем Прологе, т. е. с неидущей к делу вставкой о молитве перед отходом ко сну, вставкой, прерывающей речь о молитве ночной словами о молитве перед тем, как ложиться спать“ (стр. 18, 19).

„Слово некоего отца и Стослов состоят из одних наставлений — напрасно станем мы искать в них чего-нибудь жизненного, указывающего на обстоятельства и лица. Грамотица Мономаха не такова; полозина ее состоит из сведений автобиографических... Бытовые подробности настолько характерны, что ни на мгновение не дают усумниться, что писавший — русский князь, а перечень путей, или главных событий в его жизни, вообще говоря, настолько полон и ясен, что в писавшем можно было бы без особого труда узнать Мономаха даже в том случае, если бы имени его и не стояло в начале грамотицы“. Примечание Ивакина (стр. 20): „В этом отношении грамотица Мономаха отличается не только от упомянутых выше произведений, но и от двух поучений, принадлежащих или приписываемых имп. Василию,¹ от Поучений [Enseignements] Людовика св. сыну Филиппу и суздальского князя Константина Всеволодовича своим детям. (См. *Bibl. d. l'Es. des chart.* XXXIII, Татищ., III, 410—415). Является вопрос: это обилие автобиографических черт обязано ли своим происхождением оригинальному замыслу автора, или же оно плод подражания? Без сомнения, возможно и первое и второе, но второе, думаю, потому возможнее, что среди известных уже в XI в. произведений наверное были и такие, в кото-

¹ Разумеет я, приписываемое византийскому императору Василию (867—886) сочинение *Basileioutou ton Romaion basileos Kefalaia par'inetika eb pros ton heautu hyion Leonta*“, религиозно-нравственное руководство, где автор (патр. Фотий?), обращаясь к сыну и преемнику Василию Льву, говорит и о страхе божием, и о почитании духовного чина, и о милосердии, и о мужестве и смирении и т. д.; полезнейшими наставниками для жизни признаны Исократ, Соломон и Иисус сын Сирахов. Они были для автора и литературными образцами. Сравнению Поучения Мономаха с сочинением царя Василия уделено много места в статье И. С. Свенцицкого „Поучение Владимира Мономаха детям“, Львов, 1902 г. Ссылку „яко же бо Василий учаше“ Свенцицкий ошибочно отнес к царю Василию.

рых наряду с назиданием являлись и черты автобиографические, как дополнение, как иллюстрация к нему. Как на образец в этом отношении для грамотицы, исследователи уже давно указывали на заветы 12 патриархов, или точнее на завет Иуды". В вошедших в состав грамотицы отрывках Ивакин находит, мысли: а) из сочинения Василия Великого о монашестве — то самое, что и в Изборнике 1076 г.; б) из его бесед на Шестоднев — конечно, по редакции экзарха Иоанна; в) быть может, из Устава митр. Георгия или из того неизвестного мне произведения, которое отразилось как в этом Уставе, так и в беседах пресвитера Косьмы [X века, против богомилов, встречаются в Измарагде]; г) из письма Исидора Пелусийского [о разнообразии человеческих лиц — Migne, LXXVIII, 1185—8]" (стр. 13—20, 103).

Сообщая предполагаемые литературные источники и параллели ко всему тексту Поучения, Ивакин считает, однако, не весь этот текст органически принадлежащим первообразу Поучения Мономаха. Из Поучения „следует выделить еще гадальные выписки из Псалтири (от слов: вскую печална еси — до: якоже бо Василий учаше); отрывок из Василия Великого, озаглавленный в Изборнике 1076 г. «Како подобает человеку быти» (от слов: якоже бо — до: о владычице богородице); выписки из Василия же Великого (от слов: научися, верный человеке — до: умертви); (слова: о владычице и т. д. неизвестно откуда взяты); отрывок из I книги I главы прор. Исаии, взятый, вероятно, не непосредственно (от слов: избавите обидима — до: яко снег обелю я и прочее); отрывок, взятый из Триоди (от слов: восияет весна постная... — включительно до слов: слава тебе, человеколюбче); отрывок от слов: по истине, дети моя... включительно до слов: улучшить малость; отрывок, начинающийся словами псалма: что есть человек... и кончающийся: да будет проклят". Вся эта часть текста считается Ивакиным „несомненной вставкой": „все эти отрывки не показывают даже попытки связать их хоть сколько-нибудь в одно целое. Писанные несомненно Мономахом, они в грамотицу вставлены после" (стр. 1, 2, 90).

По мнению И. Я. Порфирьева,¹ „начало таких сочинений как Поучение или Завещание Владимира Мономаха, коренится в древнейшем обычае времен патриархальных, когда отцы и деды и вообще старшие в роде, в старости, или приближаясь к смерти, делали наставления своим детям и внукам, как они должны жить, сообщая им при этом все, что они видели и испытали в своей жизни... В книге Бытия (49, 1—33) подробно изображается, как патриарх Иаков пред своей смертью собрал всех своих сыновей, предсказал каждому из них будущую судьбу и сделал им завещания. Между апокрифическими сочинениями самое видное место занимают Заветы сыновей Иакова 12-ти патриархов, которые, конечно, не могут принадлежать этим патриархам, но которые, несомненно, составились на основании тех преданий, какие от древних времен существовали об этих патриархах. Замечательно, что во 2-й части Поучения Владимира Мономаха рассказ Мономаха о своих военных походах, о битвах со врагами и борьбе с дикими зверями на охоте сильно напоминает изображение таких же подвигов патриарха Иуды в заветах 12-ти патриархов. Очень может быть, что эти заветы были известны Мономаху“. Тут Порфирьев, очевидно, повторяет наблюдение, высказанное в статье Н. А. Лавровского „Обозрение ветхозаветных апокрифов“ (Духовный Вестник 1864 г., ноябрь — декабрь), где в Завете Иудине о мужестве говорится следующее. Рассказ Иуды „о подвигах, отличаясь весьма замечательною свежестью изображения патриархального быта, в то же время сильно напоминает вторую половину поучения Вл. Мономаха. Вообще все эти заветы не могли не иметь влияния на весьма употребительный у нас обычай писать завещания“ (ноябрь, 347). Продолжаем замечания Порфирьева. „Образцом для него [т. е. для Мономаха, как автора Поучения], конечно, послужили разные поучения и наставления, каких очень много было в древней письменности; уже в Сборнике Святослава

¹ И. Порфирьев. История русской словесности, ч. I. Изд. 5-е, Казань, 1891. (Изд. 1-е — 1870 г., изд. 2-е. — 1876 г., изд. 3-е — 1879 г., изд. 4-е — 1886 г.).

1076 г. мы встречали два поучения детям Ксенофонта и Феодоры, которые, вероятно, были известны Мономаху. Мономах вообще был воспитан на св. Писании и писаниях отеческих, как воспитывались тогда все грамотные люди. Книгу Псалтирь он брал с собою даже в дорогу“ и т. д. „Из Поучения Василия В. к юношеству он приводит то же самое наставление, которое помещено в 7-м слове Просветителя [Иосифа Волоцкого] и в Домострое...“ (стр. 415—417).

Роль Псалтири в Поучении Мономаха вызвала много замечаний — вплоть до воображения способов пользования ею, как гадательной книгой. Приведем наиболее смелую гипотезу о „гадании“ Мономаха по Псалтири, специально приспособленной для этого.

В начале своего Поучения Мономах сообщает, как, отпустив посланцев от брата, он раскрыл книгу псалтирь и что ему в ней вынулось: „вземь псалтырю в печали, разгнух я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомь собрах словца си любая и складохъ по ряду и написах. Аще вы последняя не любая, а передняя принимайте...“ (далее идут выписки псаломских стихов: XLI, 12; XXXVI, 1, 9—17, 19, 21—27; LV, 1—2; LVII, 11—12; LVIII, 1—4; XXIX, 6; LXII, 4—6; LXIII, 3, 11; XXXIII, 2).¹

¹ И. М. Ивакин считает эту серию псаломских стихов позднейшею стороннею добавкою: „... то, что Карамзин впоследствии осторожно назвал бумагами Мономаховыми, сбито чьею-то рукою в одну кучу под общим заглавием Поучение. Давший такое заглавие, очевидно, считал все упомянутые части за одно целое, и, как таковое, даже стремился привести в порядок, сообщить ему единство. Это заметно в двух местах (приводим одно из них). Мономах рассказывает, как он гадал по псалтыри, даже приводит первый попавшийся ему при гадании стих, и что же? Почти тут же, через несколько строк, находим добавку — приводится немало и других стихов из псалтыри, имеющих с гаданием по псалтыри несомненную связь“. Далее про данную серию псаломских стихов Ивакин говорит: „эти гадальные выписки из псалтыри в Мономаховой грамотице приходятся все совсем на месте: «И отрядивъ я (посланцев от братьев), вземь псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши ми и прочая...». Добавка, казалось бы, должна идти сейчас же вслед за этими словами — на деле нет; дальше идет: «и потомь собрахъ

Специалист по апокрифам М. Н. Сперанский так поясняет это место: „Будучи в нерешительности и, поэтому, в печали, Владимир взял псалтирь, которая была с ним и в дороге, как видно из его рассказа, раскрыл ее наудачу и прочел выпавшие ему стихи псалма [«и то ми ся выня»], затем из «словца» (может быть, из отдельных слов, или, скорее, букв в начале строк на странице) составил себе ответ, руководясь собранными и сложенными под ряд этими «словцами», а может быть, нашел его по этим словцам и готовым: «аще вы последняя не любя, а передняя принимайте». Это первое, старшее... русское и славянское известие о гадании по псалтири“.¹

Сперанский указывает, что на Руси и у славян в древности существовали псалтири, специально подготовленные для гадания (есть русские списки XI и XIV вв., сербские — XIII—XIV вв., болг. — XV в.). В этих „гадательных“ псалтирях под каждым псалмом делалась приписка, в которой говорилось, что при каких обстоятельствах тот или иной псалом рекомендует. Самый простой способ гадания по такой книге: разогнуть ее наудачу, дойти до начала псалма, прочесть его, или только первый стих его, и обратиться к приписке внизу страницы. Но полного отождествления гадательной Псалтири по типу русских списков XI и XIV вв. с той, которую мог иметь в руках Мономах, предполагать, по мнению Сперанского, нельзя: общий мог быть только, так сказать, первый акт

словца си любая и складохъ по ряду и написах. Аще вы последняя не любя, а передняя принимайте». Упомянутые гадальные выписки: вскую печална еси, душе моя etc. идут только вслед за этими словами. Уже это одно дает повод утверждать, что присоединены они позднейшей рукою. В первоначальном списке грамотицы страница, вероятно, кончалась словами: аще вы последняя не любя, а передняя принимайте; присоединенные выписки потому и пришлись не совсем к месту“. (И. М. Ивакин. Кн. Владимир Мономах. Ч. I, стр. 2). В своей книге о „Гаданиях по Псалтири“ М. Сперанский не привлек эту серию псаломских цитат к обсуждению „гадания“ Мономаха.

¹ Из истории отреченных книг. I. Гадания по Псалтири. Тексты... и материал для их объяснения собрал и приготовил к изданию М. Сперанский. СПб., 1899, ПДП, СХХIX, 5—6.

гадания: „разгнужю (псалтирь), и то ми ся выня“. Далее Мономах производит какую-то выборку „словец“, сопоставление их, в результате чего получает отгадку на задуманное. Этой отгадки, даже если она была готовой припиской в рукописи („аще вы последняя не любя, а передняя принимайте“), этой приписки не находим в наших гадательных текстах XI—XIV вв. (55—56). Сперанский еще приводит в двух сербских списках XVII в. 16 образцов пророчества о будущем, в которых рекомендуется гадание по начальным буквам строк открывшейся страницы евангелия или псалтири, причем буквы делятся на добрые (тъкмые) и злые (лихие), или четные и нечетные. Этот способ гадания по буквам, или численному их значению, может быть, приближает нас (говорит Сперанский) к отгадке способа гадания Мономаха, так как в разбираемом гадании мы имеем дело также с собиранием „словец“: может быть, и Мономах имел списочек букв „лихих“ и „токмых“, и, руководясь им, собрал „словца си любя“, получил комбинацию и по ней нашел ответ: „аще вы последняя не любя, а передняя принимайте“. Этому ответу, впрочем, опять-таки нет в изложении „16 образов“ разбираемой рукописи (59—61).¹

Уже начиная с 1850-х годов стали приводить в качестве иноземных параллелей к Поучению Мономаха древние поучения детям, в том числе и неизвестные в славянском или русском переводе. Конечно, нельзя отрицать в Поучении Мономаха совпадения в мыслях и даже в тексте с библейской, „церковно-отеческой“ и проповеднической литературой, став-

¹ О гаданиях по книгам в мировом обиходе и с глубокой древности сведения даны и у Сперанского и у Ивакина („Князь Владимир Мономах“, стр. 79—86). Кроме „гадания“ Мономаха приведены из русской практики подобные испытания книг: Владимиром Васильковичем Волинским в 1276 г. (книги библейских пророков) и Михаила Ярославича Тврского в 1319 г. (псалтирь). Примером из византийской истории может служить сообщение летописи Феофана под 614 г. (война с Персами): „при наступлении зимы он (т. е. цесарь Ираклий) советовался о зимних квартирах для войска своего; одни указывали на Албанию, другие советовали преследовать Хозроя. Цесарь приказал воинам очиститься святынею впродолжение трех дней, и потом раскрывши святыне евангелия, нашел указание зимовать ему в Албании; и потом тотчас направил путь свой в Албанию“.

шей на Руси популярною со времени византийско-болгарской христианизации страны, но такие, например, параллели, как наставления византийских императоров, французских, испанских и английских королей своим наследникам¹ до сих пор не обнаружили ощутимой близости к Поучению Мономаха и подлежат дальнейшему изучению с этой стороны. Приведем последнее из известных нам суждений по данному поводу:

„Родительские поучения детям — один из весьма распространенных жанров средневековой литературы вообще¹. И в Византии, и на Западе, и у нас к нему охотно прибегали при изложении тогдашней несложной морали, как к простейшему средству придать ей требовавшуюся внушительность. Родительский авторитет, с точки зрения средневекового мирозерцания, был ведь всемогущ. Недаром поэтому уже один из первых продолжателей Древнейшего свода [русской летописи; термин Шахматова] влагает в уста умирающему Ярославу [под 1054 г.] ряд наставлений, предусматривающих желанную во второй половине XI в. упорядоченность между княжеских отношений: «Се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братия единого отца и матери» и т. д. Обычно образцами при этом служили наставления сыну в Соломоновых притчах, столь же известная в те века книга Иисуса сына Сирахова или Послания апостола Павла к Тимофею. Перелицовкой этих канонических образцов было и приписываемое патриарху Фотию поучение сыну византийского императора Василия и труд другого византийского императора, Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанный тоже в форме отцовского поучения сыну, и «Наставления» французского короля Людовика святого (в хронике Жуанвиля), и апокрифическое поучение сыну англо-саксонского короля Альфреда, и, наконец, самый старший из средневековых памятников этой группы — англо-саксонские «*Faeder Larcwidas*» (Отцовские поучения) начала

¹ Перечень параллелей см., напр., в „Истории русской литературы“ [изд. Академии Наук СССР Института литературы (Пушкинский дом), т. II (литература 1220—1580-х гг.), ч. 1, 1945, стр. 442—443].

VIII в., сохранившиеся в библиотеке одного из видных современников последнего англо-саксонского короля Гаральда. Женатый на дочери этого короля Гите Гаральдовне, Владимир Мономах, в числе заносных отголосков англо-саксонской культуры, мог узнать от жены и «Faeder Larcwida».¹ Впрочем, подражал он, конечно, другим, более близким к нему образцам того же жанра — памятникам, вошедшим в Изборник Святослава 1076 г.; см. еще заимствования из Шестоднева Василия Вел., из Пролога, Постной Триоди и Псалтири“ (из статьи В. Л. Комаровича „Поучение Владимира Мономаха“, помещенной в I томе „Истории русской литературы“, Инст. литер. АН СССР, 1941, стр 290—291).

Позволим себе привести несколько своих замечаний, уже высказанных нами в педагогической практике. Учительные источники Поучения Мономаха точно пока не установлены, вероятно потому, что уже в Греции и в Болгарии проповедь выработала много общих мест (повторяющиеся loci communes), однообразных перечислений добродетелей, грехов и кар, однообразных выражений морали, однообразных картин. Непосредственный источник трудно устанавливается и потому, что в основе сближаемые предписания и рассуждения сами находятся под общим влиянием, например, псалтири и других библейских книг; напр., предписание милосердия и справедливости в книге пророка Иеремии (гл. 22, ст. 3); или изумление перед созданием мира в псалмах 8 и 103, в книге Иова (гл. 36, ст. 27—33), в книге Премудрости Иисуса сына Сирахова (43 глава; картинно выраженное наслаждение природой). Мономах избегал притч и толкований и любил сентиментально-лирические места. Он сам был поэтической натурой; не только от литературных учителей, а от природы, от эстетической стороны жизни идут его некоторые картины и образы. „И сему ся подивуемы, како птица небесная изъ ирья идуть“, говорит в Поучении Мономах о весеннем прилете птиц, когда они

¹ Ср.: М. П. Алексеев. Англо-саксонскія параллель к „Поучению“ Владимира Мономаха. Труды Отдела древне-русской литературы, т. II, изд. Академии Наук СССР, Л., 1935.

оставляют птичий свой рай, до сих пор известный у белоруссов, украинцев, чехов и хорутан, под древним названием „Ирий“ („вырий“, см. исследования Потебни и Добровольского и рассказ Г. П. Данилевского; „вырий“ — в Словаре Белор. Н. Носовича: О погр. обыч. Котляревского). Даже в простом, письме к Олегу Мономах является поэтом, каким он явил себя в Поучении, назначенном и для общего пользования. Вот, например, как он говорит о своей овдовевшей снохе: „а сноху мою послати ко мне, да быхъ, обуимъ, оплакаль мужа ее и оны сватбы ея, в песний место“: слезы теперь заменяют Мономаху те свадебные песни, которых он не слышал, не попав на свадьбу сына, ныне убитого. Далее: „А бога дея пусти ю (сноху) ко мне вборзе... и сядет акы горлица, на сусе древе желеючи...“ Этот последний образ взят Мономахом возможно из толкования на Псалтырь (напр., 83-й псалом), или на книгу Песнь песней, возможно, — из фольклора; ср. народный плач наших дней:

Коковать буду, горюша, под околенкой
Как несчастная кокоша во сыром бору
На подсушной сижу да деревиночке,
Я на горькой сижу да на осиночке.¹

Вопрос о книжных источниках произведений Владимира Мономаха еще нельзя считать решенным. Ставить самый замысел Мономаха написать Поучение в зависимость хотя бы

¹ Вот что говорит А. Н. Веселовский относительно представления о горлице, сетующей о своем голубке, что символизирует супружескую верность. Символ этот один из популярных в средневековой поэтической и учительной литературе: он отразился и в народных песнях: немецких и французских, итальянских, испанских и датских. Обычная схема такая: горлица неутешна, потеряв супруга, садится лишь на засохшие ветки, не пьет чистой воды, а только замученую. Замутиться — печалиться, это сопоставление знакомо народной песне, как сиденье на сухой ветке (сухой в противоположность зеленому — молодому, веселому) — олонецкому причитанию вдовы (приведено у нас)... Василию Великому, Григорию Назанзину и Блаженному Иерониму знаком символ горюющей горлицы; Иероним цитирует по этому поводу и более древних авторов (Собр. соч. Веселовского, т. I, СПб., 1913, стр. 472—473).

от других царских и княжеских заветов — безответственное гадание. Установление текстуальных заимствований в Поучении не достигло необходимой точности. Указанные источники параллелей к Поучению сами еще не доследованы библиологически. Мало найти схожий текст, надо еще знать историю книги, откуда он мог быть заимствован в XI—XII вв. (паремийник, или отдельная библейская книга; учительный сборник неопределенного или определенного состава, и какой; можно ли предполагать существование переводного Пролога в конце XI — начале XII в.?). Самый образ благого поведения в Поучении Мономаха и в параллелях из проповедей, действительно подобных идеологически, пока еще не схематизован отвлеченно, а дается в терминах цитат или описывается по-старинке. Нельзя забывать, что дело идет о памятнике начала XII в., об авторе, половину сознательной жизни проведенном в XI еще веке. Чтобы получить реальную возможность исследовать такие явления с пользой, надо по каждой данной теме привлекать всю наличность тогдашних культурных показателей, искать их и определять. Исследователю иногда прямо не обойтись без побочных для данной темы работ. Так и в теме о Владимире Мономахе, заполняющей целое семидесятипятилетие, собственно первое нелегандарное время начальной жизни феодальной Руси. Здесь каждая крупница подлежит учету и, рассматриваемая как показатель культуры, приобретает высокую ценность.

Что же касается передачи образа благого поведения XI—XII вв. для современного его понимания, то эта философско-моральная тема заслуживает и специальной разработки, ввиду необычайно длительного бытования этого образа, пережившего даже феодализм.

ГЛАВА IX

ПОУЧЕНИЕ МОНОМАХА. ТЕКСТ, ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИИ

ТЕКСТ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Поученье

Азь, худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ нареченый¹ въ крещении Василий, русьскимъ именемъ — Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею — Мъномахъ²³ и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдь по милости свей и по отни молатвъ отъ всѣхъ бѣдъ! Сѣдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ бога, иже мя сихъ дней, грѣшнаго, допровади. Да дѣти мои или инь кто, слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтеся, но ому⁴ же любя⁵ дѣти мои, а приметь е в сердце свое и не лѣнитися начнеть такоже и тружати.

Первое, бога дѣля и душа своя страхъ имѣйте божий в сердца своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекуть: на далечи пути да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молчи.

Усрѣтола бо мя слы от брата моего на Волзѣ, рѣша: потьснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ

Все исправления внесены в издаваемый текст; неисправные чтения рукописи оставлены в полстрочных примечаниях; в примечаниях же указаны и исправители, а также есть несколько других замечок.

¹ нареченъ (испр. Миклошича).

² Мъномахы (испр. Миклошича).

³ В рукописи здесь пробел в 4¹/₂ строки.

⁴ Так в рукописи и у Ивакина; издатели 1846 г. попр. на „овому“, Миклошич — „ему“.

⁵ любю (попр. Миклошича).

ПЕРЕВОД

Поученье

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный во крещении Василий, русским именем — Володимир, отцом возлюбленным и матерью своею — Мономах

и ради людей христиан, ибо как сохранил [бог] от всех бед по милости своей и по отцовской молитве! Сидя в санях, помыслил я в душе своей и восхвалял бога за то, что он довел меня, грешного, до этих дней [жизни]. Вы же, дети, мои или иной кто, услышав это писанье, не посмейтесь, но кому из детей моих полюбится, пусть примет его в сердце свое и не лениться станет, а трудиться.

Прежде всего, бога ради и для души своей имейте страх божий в сердце своем и милостыню творя щедрую: ибо это начало всякого добра.

Если же кому писанье это не полюбится, пусть не насмеются, но так вот скажут: в далеком пути и на санях сидя, пустое молвил.

Ибо встретили меня на Волге посланные от братьи моей и сказали: присоединись к нам, чтобы мы выгнали Ростиславичей и отняли их волость.

Если же не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты сам по себе. И сказал [я]: „хотя вы и гневаетесь, не могу с вами идти, ни преступить крестного [целованья]“.

И отпустив их, взяв псалтырь в печали, раскрыл его, и вот что мне вынулось: что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? — и прочее. И потом собрал я полюбившиеся словечки и сложил их по порядку и написал. Если вам последующие не нравятся, то первые примите.

Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на бога, ибо я буду еще славить его.

Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на господу

отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ. И рѣхъ: аще вы ся и гнѣва[е]те, не могу вы я ити, ни креста переступити.

И отрядивъ я, вземъ псалтырю в печали, разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя? и прочая [Псал. 41, 12, 6; 42,5]. И потомъ собрах словца си любая и складохъ по ряду и написах. Аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте.

Вскую печална еси, душе моя, вскую смущаеши мя? упова[й] на бога, яко исповѣмся ему [Пс. 41,6, 12, 45,5].

Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящимъ беззаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же господя — ти обладаютъ землею. И еще мало — и не будетъ грѣшника; взищеши мѣста его, и не обрящеши.¹ Кротчии же наслѣдятъ землю, насладятся на множествомъ мира. Назираеть грѣшный праведнаго и поскрегчетъ на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грѣшници, напрягоша² лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ видеть въ сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушатся,³ утверждаетъ же праведныя господь. Яко се грѣшници погыбнут, праведный⁴ же милуя и даетъ. Яко благословящии его наслѣдятъ землю, кленущии же его потребятся. От господя стопы чловѣку исправятся. Егда ся падеть и не разбѣется, яко господь подѣмлетъ руку его. Унь бѣхъ и сстарѣхся — и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в заимъ даетъ праведный, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени и живи в вѣкы вѣка [от „не ревнуй“ до с. п.: Псал. 36,1, 9—17, 19, 21—27].

Внегда стати чловѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила [от „внегда“ до с. п.: Псал. 123, 2, 3].

Помилуй мя, боже, яко попра мя чловѣкъ; весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющися⁵ со мною свыше [от „помилуй“ до с. п.: Псал. 55, 2, 3].

¹ Взищеть мѣста своего — и не обрящеть (испр. Миклошича).

² напряже (испр. Миклошича).

³ скрушится (испр. Миклошича).

⁴ праведныя (испр. Миклошича).

⁵ борющися (испр. Миклошича).

наследуют землю. — Еще немного, и не станет нечестивого; посмотришь на его место, и нет его. — А кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира. — Нечестивый злоумышляет против праведника и скрежещет на него зубами своими. Господь же посмеивается над ним, ибо видит, что приходит день его. — Нечестивые обнажают мечь и натягивают лук свой, чтобы низложить бедного и нищего, чтобы пронзить [идуших] прямым путем: мечь их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся. — Малое у праведника — лучше богатства многих нечестивых, ибо мышцы нечестивых сокрушатся, а праведников подкрепляет господь. А нечестивые погибнут, а праведник милует и дает, ибо благословенные им наследуют землю, а проклятые им истребятся. Господом утверждаются стопы [такого] человека. Когда он будет падать, не упадет, ибо господь поддерживает его за руку. Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба: и он всякий день милует и займы дает, и потомство его в благословение будет. Уклоняйся от зла и делай добро, и будешь жить во-век.

Когда восстали бы на нас люди, то живых они проглотили бы нас, когда возгорелась ярость его на нас; воды потопили бы нас.

Помилуй меня, боже! ибо человек хочет проглотить меня; нападаая всякий день, теснит меня. Враги мои всякий день ищут проглотить меня, ибо много восстающих на меня, о, всевышний!

Возрадуется праведник, когда увидит отмщение: омоет руки (стопы?) свои в крови нечестивого. И скажет человек: подлинно есть плод праведнику! Итак есть бог, судящий на земле. Избавь меня от врагов моих, боже мой! Защити меня от восстающих на меня; избавь меня от делающих беззаконие; спаси от кровожадных, ибо вот они подстерегают душу мою. Ибо на мгновение гнев его, на [всю] жизнь благоволение его: вечером водворится плач, а на утро радость. Ибо милость твоя лучше, нежели жизнь. Уста мои восхвалят тебя. Так благословлю тебя в жизни моей; во имя твое вознесу

Возвеселится праведник, и егда видить мечь; руцѣ свои
умыеть в крози грѣшника. И рече убо человекъ: аще есть
плод праведника, и есть убо богъ судья земли [от „воз-
веселится“ до с. п.: Псал. 57, 11, 12]. Изми мя от врагъ моихъ,
боже, и от встающих на мя отъими мя. Избави мя от творящих
безаконье и от мужа крови спаси мя, яко се уловиша душу
мою [от „изми“ до с. п.: Псал. 58, 2, 3, 4]. И яко гнѣвъ
въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ в дворится плачь,
а завтра радость [от „и яко“ до с. п.: Псал. 29, 6]. Яко лучши
милость твоя паче живота моего, и устнѣ мои похвалята тя.
Тако¹ благословлю тя в животъ моеъ и о имени твоёмъ
въздѣю руцѣ мои [от „яко лучши“ до с. п.: Псал. 62, 4, 5].
Покры[й] мя от сонма лукаваго и от множества дѣлающих
неправду [от „покры“ до с. п.: Псал. 63, 3]. Възвеселитесь
вси праведнии сердцемъ [от „възвеселитесь“ до с. п.: Псал. 31, 11].
Благословлю господа на всяко время; воину хвала его, и прочая
[от „благословлю“ до с. п.: Псал. 33, 2].

Якоже бо Василій учаше, собравъ ту уноша, душа чисты,
нескверныи, тѣлеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово
господне, яди, питью бесъ плаща велика быти; при старых
молчати, премудрыхъ слушать, старѣйшимъ покарятся,
с точными и меншими любовь имѣти, без лукаи бесѣдующе,
а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хуляти бесѣдою,
не обаломѣяти, срамляти старѣйших, к женам нелѣпымъ
не бесѣдовати; долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣлати,
не стрѣкати учить; легких власти ни в кую же имѣти, еже от
всѣхъ честь. Аще ли кто вас можетъ инѣмъ услѣти, от бога
мзды да часть и вѣчныхъ благъ насладится [нач. с „Якоже бо“
и до с. п.: из Поучения Василя Великого].

О владычице богородице! отъими от убогаго сердца моего
гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего [нач.
с „О“ до с. п.: д. б., из молятвы] в пустошнѣмъ семь житья.

Научися, вѣрнѣй человекъ, быти благочестно² дѣлатель,
научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку
удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабоженье, гнѣву погубленье,
помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла господа ради;
лишаемъ не мсты, ненавидимъ любви,³ гонимъ терпи, хулимъ
моли, умертви грѣхъ [от „в пустошнѣмъ“ до с. п.: из Поучения
Василя Вел.]. Избавите сбадима, судите сиротѣ, оправдайте

¹ Яко (испр. Миклошича).

² благочестно (испр. Миклошича).

³ любо (испр. Ивакина).

руки мои. Укрой меня от замысла коварных, от мятежа злодеев. А праведнии сердцем возвеселится. Благословлю господа во всякое время; непрестанно хвала ему.

Ибо как Василий учил, собрав тут юношей, быть [им] чистой души, непорочным, с худым телом, [иметь] кроткую и сдержанную беседу о слове господнем, [соблюдать] пищу и питье без шума великого; при старых молчать, премудрых слушать, старейшим покоряться, с равными и меньшими любовь иметь, беседуя без лукавства, а много обдумывать; не говорить дерзко [не дерзить?], не хулить в разговоре, не смеяться неумеренно [без удержу?], не беседовать с непотребными женщинами; очи держать долу, а душу в высь, проходить мимо... не раздражать, учить увлекающихся властью считать ни во что почет ото всех.

Если кто из вас может в другом принести пользу, пусть надеется на мзду от бога и насладится вечными благами.

О владычица богородица! возьми из убогого моего сердца гордость и дерзость, чтобы мне не возноситься суетою мира сего в ничтожной сей жизни.

Научись, верующий человек, быть делателем благочестия, научись, по евангельскому слову, иметь очам управление, языку воздержность, уму смирение, телу порабощенье, гневу Погибель, хранить мысль чистою, побуждая себя на добрые дела ради господа. Будучи лишаем, не мсти, ненавидим — люби, гоним — терпи, хулим — моли, умертви грех. Избавьте обидимого, дайте суд сироте, оправдайте вдовицу. Придите обсудить, говорит господь. Если будут грехи ваши как обгарянены, обелю их как снег, и прочая. Воссияет весна воздержания и цветок покаяния. Очистим себя, братья, от всякой скверны, плотской и духовной. Взывая светодавцу, скажем: слава тебе человеколюбец!

Действительно, дети мои, подумайте, как человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди грешны и смертны, и если кто нам зло сотворит, то мы тотчас хотим его поглотить и кровь его пролить. А господь наш, обладая [нашей] жизнью и смертью, грехи наши, превышающие головы наши, тер-

вдовицю. Придѣте да стяжимся,¹ глаголетъ господь. Аще будутъ грѣси ваши яко оброщени — яко снѣгъ обѣлю я, и прочее [нач. „Избавите“ до с. п.: из пророка Исаии I, 17—18]. Восияетъ весна постная и цвѣтъ покаянья; очистимъ себе, братья, от всякоя скверны² плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопыюще рцѣмъ: слава тебѣ, человекѣлюбче! [нач. с. „Восияетъ“ до с. п.: из Триоди, в среду сырную самогласен].

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣлюбець богъ милостивъ и премилостивъ [оба эпитета ср. Псал. 85, 15; 102, 8]. Мы человекѣци грѣшни суще и смертни — то оже ны зло створить, то хожемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ, а господь нашъ, владѣя и животомъ и смертью, сегрѣшенья наша выше главы нашея терпять и паки и до живота нашего. Яко отецъ чадо свое любя(й), бѣя, и паки привлечь е к собѣ, такоже и господь нашъ показал ны есть на врага³ побѣду — 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдита его: покаянемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишатся.

А бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забываете 3-х дѣлъ тѣхъ — не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ улучити милость божью.

Что есть человекъ, яко помниши и? [от „Что“ до с. п.: Псал. 8, 5]. Велий еси, господи, и чюдна дела твоя. Никак же разумъ человекъскъ не можетъ исповѣдати чудес твоихъ — и паки речемъ: велий еси, господи, и чюдна дела твоя и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли [от „велий“ до с. п.: ср. Псал. 47, 2; 94, 3; 95, 4]. Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоея, и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроены на семь свѣтъ, како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водах положена, господи, твоимъ промыслом, звѣрье разноличнии и птица и рыбы украшены⁴ твоимъ промыслом, господи! И сему чюду дивуемъ, како от персти создавъ человекъ, како образи разноличнии въ человекъскыхъ лицах — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом по божи мудрости. И сему ся подивуемы, како птица

¹ сожжемся (испр. Миклошича).

² крови (испр. Миклошича).

³ врагы (испр. Ивакина).

⁴ украшено (испр. Миклошича).

пит — и даже до конца нашей жизни. Как отец, любящий свое дитя, бьет его, и снова привлекает к себе, так и господь наш показал нам победу над врагом, избавиться от него и победить его тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжелая заповедь божья, чтобы теми тремя делами избавиться от грехов и не лишиться царства [небесного].

Но ради бога не ленитесь, умоляю вас, не забывайте этих трех дел, ибо они не тяжелы, [это] не одиночество, ни монашество, ни голод, как иные добродетельные терпят, но [таким] малым делом [можно] добиться милости божии.

Что [такое] человек, как помыслишь о нем (собственно: что ты помнишь его)? Велик ты, господь, и чудны твои дела! Разум человеческий не может постигнуть чудес твоих. И снова скажем: велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вечно по всей земле! Поэтому кто не восхвалит и не прославит мощь твою, твои великие чудеса и блага, устроенные на этом свете; как небо устроено, как солнце или как луна, или как звезды, и тьма и свет; и земля на водах положена, господи, твоим промыслом; звери разнообразные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! Дивимся и этому чуду, как из праха создал ты человека, как разнообразны облики человеческих лиц; если и весь мир собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные идут из ирья, чтобы попасть в наши руки, и не останавливаются на одной стране, но и сильные и слабые идут по всем странам, по повелению божью, чтобы наполнились леса и поля. А все это бог дал на пользование людям, на пищу и на веселье. Велика, господи, милость твоя к нам, так как ты сотворил эти блага для грешного человека. И те птицы небесные умудрены тобою, господи; когда повелишь, то запоют и веселят людей, а когда не повелишь им, то, имея голос, они станут немы. Благословен ты, господи, и весьма славим [за то, что], всякие чудеса и блага сотворил. И кто не восхвалит

небесныя, изъ ирья идут, да преданы будут¹ в наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идут по всѣмъ землямъ божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то дал богъ на угодые челоувкомъ — на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, иже² та угодыя створиль еси челоувка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоють и челоувкы веселять тебе, и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. А благословенъ еси, господи, и хваленъ зѣло [от „А“ до с. п.: Псал. 118, 12], всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душою во имя отца и сына и святого духа, да будетъ проклятъ [нач. с „да“ и до с. п.: ср. 1 Посл. Коринфянам 16, 22].

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите бога, давшего нам милость свою, а³ се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: аще не всего примете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ рекуще: якож блудницу и разбойника и мытаря помиловаль еси, тако и нас грѣшныхъ помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь: аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ немочи, а трижды. А того не забываете — не лѣнитесь: тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ челоувкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ челоувкъ избываетъ.

Аще и на кони ѣздячи не будетъ ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитв не умѣете молвити, а „господи помилуй“ зовѣте бес престани втайнѣ: та бо есть молитва в устѣхъ⁴ лѣпши, нежели мыслити безлѣпцю ѣзда.

Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могущею силѣ кормите и подавайте⁵ сиротѣ и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоувка. Ни права ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте⁶ никакая же хрестьяны. Рѣчь молвяче — и лихо и добро — не кленитесь богомъ, ни хреститесь: нѣту бо ти нужна никоеяже. Аще ли вы будет

¹ и первѣе (испр Ивакина).

² яже (испр. Миклошича).

³ и (испр. Ивакина).

⁴ всѣхъ (испр. Ивакина).

⁵ придавайте (испр. Ивакина).

⁶ погубляете (испр. Миклошича).

тебя, господи, и не верует всем сердцем и всею душою во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!

Прочитав эти слова божественные, дети мои, восхвалите бога, оказавшего нам свою милость, таков наказ от худомия моего. Послушайте меня: если не все примите, то [хоть] половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: как блудницу, разбойника и мытаря ты помиловал, так и нас грешных помилуй! И в церкви это исполняйте и ложась [спать]. Ни в одну ночь не грешите: если можете, поклонитесь в землю; а если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь: ибо этим ночным поклоном и службой [церковной] человек побеждает дьявола, и что согрешит днем, то этим избавляется.

Если и на коне ездя, не будет у кого дела, то, если иных молитв не умеете сказать, беспрестанно тайно взывайте: „господи, помилуй!“ ибо лучше иметь в устах эту молитву, нежели, ездя, думать пустое.

Всего же более, убогих не забывайте, но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни невинного ни преступного не убивайте и не велите убивать; хотя и будет достоин смерти, не губите никакой христианской души. Ведя речь — о дурном ли, или хорошем, не клянитесь богом и не креститесь; нет тебе в том никакой необходимости. Если вам придется крест целовать к братье или к кому-либо, то, утвердившись сердцем своим на чем можете устоять, на том целуйте [крест] и, поцеловавше, соблюдайте, чтобы преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите и с любовью принимайте от них благословение и не сторонитесь их, и по силам любите и снабжайте их, чтобы получить по их молитве [милость] от бога. Более же всего, гордости не имейте в сердце и в уме; но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробе; а это все, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил ты нам на немного дней. И в земле не хороните, это нам великий грех. Старых

крест цѣловати к братъи или гкому, али управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не преступни погубите душѣ своеѣ. Епископы и попы и игумены... с любовью взимайте отъ нихъ благословенье и не устраняйтесь отъ нихъ и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву...¹ отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробѣ;² се все, что ны еси вдаль, не наше, но твое — поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните: то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти, яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ ни³ дому вашему ни обѣду вашему. На войну вышедъ не лѣнитесь — не зрите на воеводы; ни патью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отвсюду нарядивше около вой тоже ляжите, а рано встанѣте, а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человекъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьянства и блуда: в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ — ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ; да не кляти васъ начнутъ. Куда же поидете, иде же станете — напоите, накормите убога и странна,⁴ и боле же чтите гость, откуда же к вамъ прадеть, али простъ или добръ или соль: аще не можете даромъ — брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человекъ по всѣмъ землямъ любо добрымъ любо злымъ. Болнаго присѣтите; над мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человекъ не минѣте не привѣчавше — добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему — страхъ божий имѣйте выше всего.

Аще забываете сего,⁵ а часто прочитайте — и мнѣ будетъ бе-соромъ, и вамъ будетъ добро. Его же умѣючи, того не забываютъ доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земель. Лѣность бо всему...⁶ мати — еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить.

¹ (Пропускъ? Вопрос Ивакина).

² гробъ (попр. Миклошича).

³ и (попр. Ивакина).

⁴ унеина (попр. Ивакина, см. „Кн. Влад. Мономах“, стр. 41, 133, 134).

⁵ всего (испр. Миклошича).

⁶ м. б., пропуск? (вопрос Ивакина).

чти как отца, а молодых как братью. В дому своем не ленитесь, но за всем смотрите; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не насмеялись приходящие к вам [посещающие вас] ни над домом вашим, ни над обедом вашим. Пойдя на войну, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; и стражей сами наряжайте, и ночью нарядив их со всех сторон, тогда ложитесь около воинов, а вставайте рано, а оружия не снимайте с себя тотчас, ибо не осмотревшись, из-за лености, внезапно человек погибает. От лжи соблюдайте себя, от пьянства и от блуда, ибо в этом душа гибнет и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не позволяйте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в нивах, чтобы не стали проклинать вас. Куда вы пойдете и где станете [станом], напойте и покормите нищего и странника, и наиболее почтите гостя, откуда бы к вам ни пришел: простой ли, именитый ли, или посол; если не можете подарком, то пищей и питьем: ибо они, путешествуя, прославят человека по всем странам — или добрым, или злым. Больного посетите (или: навестите), за мертвецом идите (т. е. покойника провожайте), ибо все мы смертны. Не пройдите мимо человека, не приветивши, доброе слово скажите ему. Жену свою любите, но не давайте им власти над собою. А вот вам заключение всего — страх божий имейте выше всего.

Если забываете это, то чаще прочитывайте — и мне будет без срама, и вам будет хорошо. Что доброго вы умеете, того не забываете, а чего не умеете, тому учитесь; вот как отец мой, находясь дома, овладел пятью языками; это-то вызывает почтение от других стран. Ибо леность всему (злomu) мать, что человек умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не учится. Творя доброе (т. е. поступая хорошо), не смейте лениться ни в чем добром. Прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце на постели: так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. Воздав богу утреннюю хвалу, потом, когда взойдет солнце, увидав солнце, [надлежит] прославить бога с радостью и сказать (говоря):

Добро же творяще, не мозите ся лѣвити ни на что же доброе. Первое, к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшет блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящую, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рекуче:^а просвѣти очи мои [от „просвѣти“ и до с. п.: Псал. 12, 4 из молатвы], Христе боже, иже^б даль ми еси свѣтъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лѣто к лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю бога! И сѣдше думати с дружиною или люди оправдвати или на ловъ ѣхати или побздити или^в лечи спати: спанье есть от бога присуждено полудне. О ть чинъ^г бо почиваетъ и звѣрь и птица и челоуѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с^д 13 лѣтъ. Первое, к Ростову идохъ сквозѣ Вятичѣ — посла¹ мя отець, а самъ иде Курьску; и паки,² 2-е,³ к Смолинъску со Ставкомъ с Гордятичемъ,^е той⁴ паки и отъиде⁵ к Берестию со Изяславомъ, а мене посла⁶ Смолинъску. То⁷ и⁸ Смолинъска идохъ Володимерю⁹ тое же зимы.

То и посласта Берестию¹⁰ брата¹¹ на головнѣ,¹² иже бяху Ляхове^ж пожгли; то и ту блюдъ городъ тѣхъ.^з ¹³ Та¹⁴ идохъ Переяславлю¹⁵ къ^и отцю, а по Велицѣ дни¹⁶ ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с Ляхы. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы:¹⁷ ходивъ за Глоговы¹⁸ до Чешьскаго лѣса,¹⁹ ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородское.²⁰ Та оттуда Турову,²¹ а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре,²² и язъ паки Смолинъску, а и Смолинъска той же зимѣ та к Новугороду — на весну Глѣбови в помочь.²³ А на лѣто со отцемъ под Полтескъ, а на другую зиму²⁴ с Святополкомъ под Полтескъ — ожгъше^к Полтескъ,

^а рече (попр. Миклошича).

^б и (попр. Миклошича).

^в (по Ивакину, место испорчено).

^г отъ чина (попр. Миклошичем).

^д с (вставлено Погодиным).

^е Скордятичемъ (попр. Ивакина).

^ж (Ляхове вставлено по догадке).

^з тихъ (попр. Миклошичем).

^и къ (вставлено по смыслу Ивакиным).

^к ожгоша (попр. Ивакиным).

просвети очи мои, Христе боже, ты, который дал мне свет свой прекрасный. И еще: господи, прибавь мне год к году, чтобы в остальных грехах покаявшись и оправдав жизнь, так прославил бы я бога! И, севши на совете с дружиною, [надлежит] или людей судить или на охоту ехать или ехать [сбирать налоги] или лечь спать: [ибо] спанье назначено богом на полдень: в это время отдыхают и зверь, и птицы, и люди.

[Далее идет „летопись“ или перечень „путей“ (походов) Мономаха, что оставляем без литературного перевода].

КОММЕНТАРИИ

К „ЛЕТОПИСИ“ ИЛИ ПЕРЕЧНЮ „ПУТЕЙ“, ЧТО СОДЕРЖАТСЯ В ПОУЧЕНИИ МОНОМАХА

¹ Посылка в Ростов произошла в 1068 г. после бегства Ярославичей, Изяслава и Всеволода из Киева.

Ростов по Ярославову делению составлял часть волости отца Мономаха, Всеволода. — *идохъ* — и пошел на княженье.

² *пакы* — потом, далее, и еще и др.

³ 2-е —, т. е. поход к Смоленску относится уже к 1069—1070 г., когда Изяслав Ярославич вернулся из Польши и вот — посадил Всеволодова сына, Владимира Мономаха в Смоленске княжить.

⁴ *той* — т. е. Ставко.

⁵ *отъиде* — т. е. Ставко.

⁶ *посла* — т. е. Изяслав Ярославич.

⁷ *То* — То же.

⁸ *и* — из.

⁹ *Володимерю* — т. е. во Владимир Волынский, куда, вероятно, был переведен в 1073 г. из Смоленска (Святославом).

¹⁰ *Берестию* — вероятно, в Брест из Владимира Волынского.

¹¹ *брата* — двойств. число — Святослав и Всеволод Ярославичи, т. е. дядя и отец Мономаха.

¹² *на головнѣ* — на пожарнице.

¹³ *тѣхъ* — т. е. городов Волынских, близких к Берестью.

¹⁴ *Та* — потом.

онъ иде Новугороду, а я с Половци на Дрютьск^а воюя, та Чернигову. И паки, и- Смолинська къ отцю приходх Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и к собѣ на обѣдъ²⁵ со отцемъ в Черниговѣ на краснѣмъ дворѣ и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки, и- Смолинська же пришедъ, и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои,²⁶ бься, до Переяславля и отца налѣзохъ с полку пришедша.⁶ То и паки ходихомъ том же лѣтѣ со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову с Борисомъ и побѣдихомъ Бориса и Олга.²⁷ И паки, идохомъ Переяславлю и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с Черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолинскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска,²⁸ та на Дрютьскѣ, воюя, та Чернигову.²⁹

А на ту зиму³⁰ повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с Черниговци и с Половци, на Десне изьимахом князи Асадука^в ³¹ и Саука и дружину их избахом.^г И назаутреѣ за Новымъ городом³² разгнахомъ силны вои Белкатгина и всѣ вежи⁴ и полонъ весь отяхом.

А въ Вятичи ходихом³³ по двѣ зимѣ³⁴ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму. И паки, по Ростиславичихъ^е ³⁵ за Микулинъ³⁶ и не постигохом их. И на ту весну³⁷ къ Ярополку совокупляться на Броды.³⁸

Томже лѣтѣ гонихом по Половцихъ за Хороль, иже Герошинъ³⁹ взяша.

И на ту осень идохом с Черниговци и с Половци с Читѣвичи к Мѣньску; изьѣхахом⁴⁰ городъ и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму⁴¹ идохом к Ярополку совокупляться на Броды и любовь велику створихом.

И на ту весну⁴² посла^ж ⁴³ мя отецъ к Переяславлю^з передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку⁴⁴ городу, и срѣтоша ны внезапно Половечьскыи князи — 8 тысячъ, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко Семцю⁴⁵ яша одного живого ти смердъ нѣколко, а наши онѣхъ боле

^а Одрьскъ (по Карамзину надо: Дрютеск).

^б пришедше (попр. Миклошича).

^в Асадука (попр. Миклошичем).

^г избиша (попр. Миклошичем).

^д се мечи (попр. Ивакиным; м. б., читать надо „семечи“, см. примеч. 45).

^е Изяславичихъ (поправка С. М. Соловьева).

^ж посади (поправка Ивакина).

^з в Переяславли (попр. Ивакина).

¹⁵ *Переяславлю* — в Переяславль (Южный), вероятно, из Владимира Волынского.

¹⁶ *Велицѣ дни* — Пасха.

¹⁷ *посла мя Святославъ в Ляхы* — Лавр. лет. под 1076 г.: „ходи Володимер сын Всеволожь и Олег сын Святославль Ляхом в помощь на Чехы“.

¹⁸ *Глоговы* — Глогау у Одера.

¹⁹ *до Чешьскаго лѣса* — Böhmer Wald, горный хребет, тянется на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, образуя водораздел между Дунаем и Виставой.

²⁰ *дѣтя ся роди старѣйшее Новгородское* — Мстислав, старший сын Владимира Мономаха, родился в 1076 г.

²¹ *Турову* — не был ли Туров в 1076—1077 г. уделом Мономаха при великокняжении Святослава?

²² *И Святослав умре* — надо понимать так: когда (или так как), Святослав умер, я — опять в Смоленск (на княжение). Святослав умер 27 декабря 1076 г.

²³ *Глѣбови в помощь* — т. е. на помощи Глебу Святославичу против Всеслава Полоцкого на весну 1077 г.

²⁴ *а на другую зиму* — 1077 г.

²⁵ *на обѣдѣ* — на первый или второй день Пасхи, 8 или 9 апреля 1078 г.

²⁶ *проидох сквозѣ Половечьскыи вои* — после поражения Всеволода Половцами, т. е. около конца авг. — сент. 1078 г.

²⁷ *побѣдихом Бориса и Ола* — 8 октября 1078 г. близ Чернигова, на Нежатиной Ниве.

²⁸ *Лукомль, Ложжск* — города Полоцкой области.

²⁹ *И Всеславъ — та Чернигову*. Это более подробный и дополненный рассказ о том же походе, что выше, когда Святослав с Мономахом сожгли Полоцк.

³⁰ *на ту зиму* — 1078 г.

³¹ *Асадук* — вероятно, тесть Олега Святославича.

³² *за Новымъ городом* — за Новгородом Северским, на Десне.

³³ *въ Вятичи ходихом* — 1082—1083 г.?

³⁴ *по двѣ зимѣ* — в течение двух зим.

³⁵ *Погоня за Ростиславичами* — весною 1084 г.

³⁶ *Микулинъ* — город на Серете Галицкой области.

³⁷ *на ту весну* — 1084 г.

³⁸ *Броды* — город на самой границе Польши с Русью.

³⁹ *Горошинъ* — город б. Полтавской губернии.

⁴⁰ *изъѣхахом*: — изъѣхати — захватить врасплох и разграбить.

⁴¹ *На ту зиму* — 1084 г.

избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра на Госпожинѣ день⁴⁶ идохом к Бѣлѣ Вежи,⁴⁷ и богъ ны поможе и святая богородица: избихом^а 900 Половецѣ, и два князя яхом^б Багубарсова брата Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомъ на Святославѣ гонихом⁴⁸ по Половцих и потомъ на Торческый городъ и потомъ на Гюргевѣ по Половцих. И паки, на той же сторонѣ⁴⁹ у Красна Половци побѣдихом и потомъ с Ростиславом же у Варина⁵⁰ вежѣ взяхом. И потом, ходивъ Володимерю паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.

И паки по отни смерти⁵¹ и при Святополцѣ, на Стугнѣ бившеся съ Половци до вечера бихом^в — у Халѣпа,⁵² и потом мир створихом с Тугорканомъ⁵³ и со инѣми князи половечьскими и у Глѣбовы^г чади⁵⁴ пояхом дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде⁵⁵ с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дней о малу [греб]лю,^д и не вдадуче внити^е имъ въ острогъ. Съжаливъси хрестьяных душъ и сель горящих и монастырь, и рѣхъ: „не хвалитися поганым!“ И вдахъ брату отца его^ж мѣсто, а сам идох на отца своего мѣсто Переяславлю. И выидохом^з на святаго Бориса день⁵⁶ ис Чернигова и вѣяхом сквозѣ полкы Половчскыя не въ 100 дружинѣ и с дѣтми и с женами. И облизакутся на нас акы волци стояще и от перевоза и з горь;⁵⁷ Богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь — неврежени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы⁵⁸ и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вой ихъ за Римовъ,⁵⁹ и богъ ны поможе — избихомъ я,^и а другия поимахомъ.^к

И паки, Итлареву чадь избивъше,^л ⁶⁰ и вежи ихъ взяхом, шедше, за Голтавомъ.⁶¹

^а избиша (попр. Ивакина).

^б яша (попр. Ивакина).

^в и по Святополцѣ, на Сулѣ бившеся с Половци до вечера бихом (попр. Ивакина).

^г Глѣбови (попр. Миклошича).

^д греб (прорвано; попр. изд. 1846 г. и Ивакина; Миклошич — „гроблю“).

^е „внिति“ нет; вставлено по смыслу Ивакиным.

^ж своего (попр. Миклошича).

^з выидохом (попр. Ивакина).

^и избиша и (попр. Ивакина).

^к поимаша (попр. Ивакина).

^л избиша (попр. Ивакина).

- ⁴² *на ту весну* — 1086 г.
- ⁴³ *посла* — в поход на Половцев.
- ⁴⁴ *к Прилуку* — город б. Полтавской губернии.
- ⁴⁵ *что Семцю* — едвали это собственное имя, скорее нарицательное, см. выше „се мечи“, или „семечи“, очевидно, какой-то слой общества. Н. Шляков. О поучении Вл. Мономаха. ЖМНП, 1900, май, стр. 104, 121.
- ⁴⁶ *Госпожинъ день* — 15 августа или 8 сентября.
- ⁴⁷ *к Бѣлѣ Вежи* — город б. Черниговской губ., на верховьях Остра.
- ⁴⁸ *на Святославль юнихом* — осенью 1086 г.
- ⁴⁹ *на той же сторонѣ* — т. е. на правой, не на Переяславской, а на Киевской, где Торческ, Гюргев, Святославль
- ⁵⁰ *у Красна... у Варина* — летом 1087 г.
- ⁵¹ *по отни смерти* — Мономахов отец Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.
- ⁵² *у Халѣпа* — поразив князей у Халепья, на р. Стугне 24 мая 1093 г., Половцы наверное заняли этот город.
- ⁵³ *мир створихом с Тугорканомъ* — в Лавр. л. под 1094 г. „створи миръ с Половце Святополкъ и поя себе жену — дщерь Тугорканю, князя Половецького“.
- ⁵⁴ *у Глѣбовы чади* — христианское имя Глеб здесь принадлежало Половцу; очевидно, Мономах свою взятую на Стугне в плен дружину и доставшуюся Половчину Глебу выкупил обратно у его чади.
- ⁵⁵ *И потомъ Олегъ на мя приде* — в 1084 г.
- ⁵⁶ *святаго Бориса день* — 24 июля — *не въ 100* — около сотни человек.
- ⁵⁷ *и отъ перевоза и з горъ* — Чернигов на правой стороне Десны; отправляясь в Переяславль, надо было переехать реку. Под горами, должно быть, разумеются занятые Половцами Болдины горы.
- ⁵⁸ *3 лѣта и 3 зимы* — самые тяжкие три года из 18 лет Мономахова княжения в Переяславли (1095—1113).
- ⁵⁹ *Римовъ* — на нижней Суле.
- ⁶⁰ *Итлареву чадъ избивъше* — 1095 г. 24 февраля.
- ⁶¹ *за Голтавомъ* — ныне Голтва в б. Полтавской губернии
- ⁶² *Стародубу* — город б. Черниговской губернии, похолодной 1096 г.
- ⁶³ *Богъ* — не река, а город, м. б. Богуславль (стоит на Роси).
- ⁶⁴ *на Боняка за Рось* — погоня Мономаха за Боняком изпод Стародуба в середине июня 1096 г.

И Стародубу⁶² идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к Половцем. И на Богъ⁶³ идохом с Святополком на Боняка за Рось.⁶⁴

И Смолинску идохом, с Давыдомъ смирившеся.⁶⁵ [И] паки, идохом другое с Воронице.

Тогда же и Торци придоша ко мнѣ и съ Половци съ Читѣвичи;^a идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки, идохом к Ростову⁶⁶ на зиму, и по 3 зимы⁶⁷ ходихом Смолинску. И-Смолинска идохъ Ростову.⁶

И паки, с Святополком гонихом по Боняцѣ⁶⁸ но ли оли... убиша,^b и не постигохом ихъ. И потом по Боняцѣ же гонихом⁶⁹ за Рось и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ.⁷⁰ И-Смоленска по Велицѣ дни⁷¹ выдох, и Гюргева мати умре.⁷²

Переяславлю пришедъ⁷³ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде⁷⁴ со всѣми Половци къ Кснятину; идохом на не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полькы ихъ побѣдихом и князи изъимахом лѣпшии.⁷⁵ И по Рожествѣ створихом миръ с А[е]пою и, поимъ у него дчерь,⁷⁶ идохом Смоленску.⁷⁷ И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на Половци на Уру[со]бу⁷⁸ с Святополком, и богъ ны поможе. И потом паки на Боняка⁷⁹ к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потом ходихом к Воиню^г⁸⁰ с Святополком, и потом паки на Дон идохом⁸¹ с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви⁸² бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и: ко Ромну идох со Олгомъ и з дѣтми на ня,^д и они очутивше бѣжаша.

И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба,⁸³ оже ны бяше люди заялъ. И богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потом ходихом к Володимерю на Ярославця,⁸⁴ не терпяче злюбъ его.

А и-Щернигова⁸⁵ до Кыева нестишьды^е⁸⁶ ѣздих ко отцю — днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путей 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с Половечьскими князи безъ одного 20 и при отци

^a и с Половецъ ичитѣвичи (попр. Ивакина).

^b И се ныне иду Ростову (так в рукописи — поправка Ивакина).

^v непонятно (замечание изд. 1846 г. и Ивакина).

^г в воину (попр. Ивакина).

^д на нь (попр. Миклошича).

^е нестишь (попр. Ивакина).

⁶⁵ с *Давыдомъ смирившеся* — спор из-за княжения в Смоленске шел между Давидом Святославичем и Владимиром Мономахом. Очевидно, на Любечском съезде (1097) Смоленск отдали на княжение Мономаху. Это и есть „смирившиеся“.

⁶⁶ *идохом к Ростову* — 1099 г. Мономах ходил туда „на зиму“: возвращаясь весною в Переяславль, он и встретился на Волге с послами от братьев своих, приглашавших его идти на Ростиславичей, о чем говорит в начале Поучения.

⁶⁷ *по 3 зимы* — т. е. 1100, 1101 и 1102 гг.

⁶⁸ *гонихом по Боняце ноли оли... убиша* — может быть, имеется в виду смерть Тугоркана 19 июня 1096 г.

⁶⁹ *по Боняцѣ же гонихом* — погоня за Боняком во второй половине июня 1096 г. одного Мономаха (после 2-го нападения Боняка на Киев, около которого он и пожег монастыри Стефанечь, Германечь и Печерский).

⁷⁰ *Смолинску идохъ* — после Любечского съезда, бывшего в октябре 1097 г.

⁷¹ *по Велицѣ дни* — Пасха в 1107 г. была 14 апреля.

⁷² *Гюргева мати умре* — 7 мая 1107 г., приблизительно на 31 году замужества, умерла в Смоленске жена Владимира Всеволодовича Мономаха, Гита Гарольдовна, мать Юрия, родившегося, вероятно, в 1090—1095 г. Так — согласно Ивакину (стр. 206, 207); по Карамзину же (II, прим. 201) и по Шлякову (стр. 132) матерью Юрия была уже вторая жена Мономаха.

⁷³ *Переяславлю пришедѣ* и т. д. — по смерти Гиты, Владимир в мае или июне 1107 г. собрал князей в поход на Половцев.

⁷⁴ *Бонякъ приде* — 1107 г.

⁷⁵ *князи изъимахом лѣпшии* — Лавр. л. под 1107 г.: „убиша же Таза Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече... месяца августа в 12...“

⁷⁶ *поймъ у него [Аепы] дчерь* — Лавр. л. под 1107 г.: „поя Володимеръ за Юргя [своего сына] Аепину дчерь Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь Гиргенову внуку, генваря 12 день“.

⁷⁷ *идохом Смоленьску* — во второй половине января 1107 г.

⁷⁸ *на Уру[со]бу* — Урусоба разбит 12 апреля 1103 г. Это — первый знаменитый поход русских князей в землю Половецкую.

⁷⁹ *на Боняка к Лубьну* — 1107 г. май.

⁸⁰ *к Воиню* — поход к Воиню в 1110 г.

⁸¹ *на Дон идохом* — поход 1111 г., март.

и крѣмъ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустиль есмь Половечскихъ князь лѣпших из оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня¹ братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князей инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномъ, Акланъ Бурчевичъ, Таревскій князь Азгулуй и инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ вметахъ в ту рѣчку въ Салню.² И по чередамъ избъено не съ 200 в то время лѣпшихъ.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ в Черниговѣ..., а и-Щернигова вышед, ид(о...г)о лѣта по сту уганива... и имъ даромъ всею силою³ крѣмъ иного лова, крѣмъ Турова,⁴ иже со отцемъ ловиль есмь всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣяль есмь: конь дикихъ своима рукама связаль есмь в пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а крѣмъ того же⁵ по ровни⁶ ѣзда ималь есмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ боля, а 2 лоси — одинъ ногами топталъ, а другой рогома боля; вепрь ми на бедрѣ мечъ оттяль; медвѣдь ми у колѣна подыклада укусилъ; лютый звѣрь скочиль ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже. И богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбихъ дважды; и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створиль дѣла, на войнѣ, и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на бярчи, самъ твориль что было надобѣ: весь нарядъ и в дому своемъ — то я твориль е[с]мь. И в ловчѣхъ ловчий нарядъ самъ есмь держаль и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не даль есмь сильнымъ обидѣти и церковнаго наряда и службы самъ есмь призираль.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни⁷ инѣ кто, прочеть; не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюде от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створиль

¹ Овчины (так в рукописи, поправка Ивакина).

² Славли (так в рукописи, поправка Ивакина).

³ (Непонятно).

⁴ (Изд. 1846 г. и Миклошич: „Тоурова“).

⁵ иже (попр. Миклошич).

⁶ рови (попр. Ивакина; Миклошич: „по Роси“).

⁷ но (попр. изд. 1846 года и Миклошича).

⁸² к *Выреви* — Вырь или Вырь на реке того же имени (б. Харьковской губ.). Поход весной 1113 г., когда Владимир Мономах уже был великим князем Киевским.

⁸³ к *Мѣньску ходихом на Глѣба* — т. е. на Глеба Всеславича Минского в 1116 г.

⁸⁴ к *Володимерю на Ярославця* — к Владимиру Волынскому на Ярослава Святополчича в 1117 г.

⁸⁵ и *Щерникова до Києва* — около 130 верст.

⁸⁶ *нестишьды* — раз сто, около ста раз.

ПЕРЕВОД

А вот как я трудился, предпринимая охоты; с тех пор как сидел в Чернигове..., а выйдя из Чернигова... по стуганивал... кроме иной охоты, кроме [охоты на] туров (или кроме Турова?), потому что охотился я с отцом на всякого зверя.

А вот что в Чернигове я делал: коней диких своими руками связывал я в пущах. По 10 и 20 коней живыми, а кроме того, езда по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура бросали меня на рогах вместе с конем. Один олень меня бодал, а из двух лосей один ногами топтал, а другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал; медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мной опрокинул. И бог сохранил меня невредимым. И с коня много я падал, дважды голову себе разбивал; и руки и ноги себе портил, в юности своей ранил, не жалея жизни своей, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, эти дела исполнял я сам, на войне и на охотах, ночью и днем, на жаре и в холод, не давая себе покоя. Не полагаясь ни на посадников, ни на биричей, сам я делал что требовалось: весь наряд и в дому своем сам я вел. И у ловчих охотничий наряд, и у конюхов и что касалось соколов и явстребов, все я вел сам.

Также и простого смерда и убогой вдовицы не давал я обидеть сильным и за церковным нарядом и службой наблюдал я сам.

Не упрекайте, дети мои, или другой, кто прочтет; на себя я не хвалю ни своей смелости, но хвалю бога и прославляю

худаго на вся дѣла чловѣчская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтесе на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи на¹ рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати и от звѣри и от воды, от коня спадася [не вредихься],² то никтоже вас не можетъ вредити ся и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будет смерть, то ни отецъ ни мати, ни братья не могутъ отъяти. Но аче³ добро есть ся⁴ блюсти, божие блюденье лѣплѣвъ есть чловѣчьскаго.

¹ ни (попр. Ивакина).

² (Пропуск, вставка по Ивакину).

³ отче (предлож. Миклошича: аще; изд. 1846 г.; оче, аче = аще).

⁴ (Пропуск, „ся“ вставлено по Ивакину).

его милость, за то что он меня, грешного и худого, столько лет сохранял от тех часов смертных и не ленивым меня худого создал и пригодным на всякие дела.

Прочитавши это писаньице, устремитесь на все дела добрые, славя бога со святыми его. Не боясь смерти, ни на рати, ни от зверя, исполняйте, дети, мужественно дело, как вам бог пошлет. Ибо если я на рати и от зверя и от воды и падая с коня остался невредимым, то из вас никто не может повредиться и убится, когда это богом не будет повелено. А если от бога случится смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут отнять от нее. Но если и хорошо соблюдать себя, то божья охрана превосходит человеческую.

ГЛАВА X

ПИСЬМО МОНОМАХА ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ. ТЕКСТ, ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИИ

Весною 1096 г., когда Олег Святославич, ответивший дерзким отказом на зов Святополка Изяславича и Владимира Мономаха явиться в Киев, был осажден этими князьями в Стародубе, сын Мономаха, Изяслав, захватил Олегов удел Муром. Вынужденный в Стародубе сдаться, Олег ушел к брату своему в Смоленск и здесь узнал о происшедшем. Не теряя времени (тем более, что Смольняне его к себе не пустили), он поспешил к Мурому. Сентября 6 произошла брань люта. Изяслав пал, и победа осталась за Олегом. Вернув себе Муром, он в отместку напал на Мономахову волость и занял Суздаль и Ростов. Ободренный успехом, Олег стал простираť замыслы на Новгород, где в то время сидел сын Мономаха Мстислав. Новгородцы, видимо, не желали Олега и потому охотно вступились за Мономахову волость. Мстислав двинулся из Новгорода. Олег отступил на Суздаль, с Суздаля на Муром. События эти падают, вероятно, на ноябрь и декабрь 1096 г. Мстислав занял Суздаль. Видя, что будет трудно одолеть его силою, Олег завел с ним из Мурома переговоры. Поверив ему, Мстислав распустил своих воинов по селам. Переговоры шли довольно долго — до Великого поста, который начался в этот год февраля 15. На первой неделе Великого поста, в субботу, Мстислав слышит, что

Олег не в Муроме, а уже на Клязьме — пришел без вести, рассчитывая, что застигнутый врасплох Мстислав побоится и убежит, но ошибся. В два-три дня Мстислав Владимирович собрал своих; подоспела и рать, посланная ему отцом с братом Вячеславом. В битве на Колакше (Кулачьце) Олег был разбит и бежал опять в Муром, а оттуда в Рязань. Мстислав взял Муром, и вслед за Олегом подступил к Рязани. Олег ушел и оттуда. „Не бегай никуда, — послал сказать ему Мстислав, — пошли к брати своей с мольбою не лишать тебя Русской земли, и я пошлю к отцу моему просить о тебе“. Олег обещал. В конце февраля Мстислав вернулся в Суздаль, а из Суздаля в Новгород.

Карамзин, говоря об этой усобице, предполагал, что письмо написано Мономахом Олегу до битвы на Колакше; Соловьев думал, что оно вызвано обещанием Мстислава послать отцу просить об Олеге, после битвы на Колакше, когда Олег принужден был уйти из Рязани. Издатели Лаврентьевской летописи 1926 г. относят написание письма к 1098 г. Ивакин уточняет дело таким образом.

Тон письма, дружелюбный и примирительный, свидетельствует, что причиненное неожиданной утратой сына горе успело в сердце Мономаха смягчиться. Уже это может показывать, что оно не могло быть написано вскоре после смерти Изяслава. Чтобы сказать, когда оно написано, в нем, по мнению Ивакина, можно найти указания и более определенные. Первое, говоря Олегу о двух своих сыновьях (Мстиславе и, вероятно, Юри): „аще тою хочещи убитя, то ти еста“ — Мономах, очевидно, представляет и для них еще возможной такую же участь, какая постигла Изяслава, т. е. не считает борьбу с Олегом оконченной; второе, слова: „да то ти седить сынъ твой крестный съ малымъ братом своимъ, хлебъ едучи дедень, а ты седиши въ своемъ“, — указывают, что в момент писания письма сыновья автора сидели в унаследованном от деда уделе, т. е. в Ростове Суздальской волости, а Олег в своем, т. е. в Муромо-Рязанском. Если автор не считает борьбу оконченной, то, очевидно, что письмо написано в то

время, когда Олег отступил в Муром в первый раз, а Мстислав был в Суздале, т. е. до битвы на Колакше — в декабре или январе 1096 г.¹

Письмо Мономаха к Олегу имеет плохую сохранность, не говоря уже о пропусках, искажениях, неясностях в середине письма, как последствиях этого обстоятельства, не все согласны даже в том, с чего оно начинается, потому что от грамотицы оно ничем не отделено. Издатели Лаврентьевской летописи 1846—1926 гг. за начало его принимали слова но все дьяволе наученье, Срезневский — Да се написахъ. Как же смотреть в таком случае на предыдущее. „Предыдущее о примиреньи, — говорит Срезневский, — могло быть добавлено Мономахом для того, чтобы легче перейти от Поученья к Грамоте“ (т. е. к письму).² Н. В. Шляков принимает за начало слова: что есть добро и красно — братия вкупе.³

Эрбен, Белевский (да и Мусин-Пушкин) за начало письма принимали: „О многострастный“ etc. и не без основания. Правда, слова эти, имея форму молитвословную, как будто сродни тем выпискам, которые мы находим вслед за письмом, в самом конце, — говорит Ивакин, но далее предполагает, что они имеют тесную связь с письмом, относятся к факту душевной жизни их автора. В них он говорит о той внутренней борьбе, которую пришлось ему пережить после известия о неожиданной смерти сына. В душе его происходила весьма естественная, весьма понятная борьба. Что делать — уступить ли влечению мести, или оставить дело так (тем более, что в глазах современников, да и самого отца виноватее был Изяслав)? Несть ти местникъ ни ворожбит, потому что душа ми своя лутши всего света сего — вот результат этой борьбы. С этой точки зрения слова О мно-

¹ И. М. Ивакин. Кн. Владимир Мономах, ч. I, М., 1901, стр. 3, 4.

² Древние памятники русск. письма и языка, Изв. АН по Отд. русск. яз. и слов., т. X, стр. 32, 33.

³ ЖМНП, 1900, июнь, стр. 227.

гострастный etc. хорошо вяжутся с серединой и концом письма (Ивакин, стр. 286).

В первом издании сочинений Владимира Мономаха, выпущенном гр. А. И. Мусиным-Пушкиным под титулом „Духовная Великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детямъ своимъ, названная в Летописи Суздальской Поученье“ (СПб., 1793 г.), начало Послания к Олегу, слитого с Поучением точно не определено. Только при словах: „дьяволь не хоче добра роду человеческому, сваживает ны“, сделано такое примечание: „Сии слова относятся к Олегу Святославичу Черниговскому, как все последствие речи то доказывает; но затруднение в том состоит, что по Родословнику в 793 году изданному, Олег умер в 1114 году, а писана сия грамота между 1119—1125 годов; и так вероятно, что сие письмо писано было к Олегу в свое время, и отнюд не принадлежит к завещанию оному, но Летописатель, имея и то и другое в руках, счол за одно сочинение, и вместил оба в Летопись свою под главу“ (стр. 49, 50, прим. 83).

Редакторы первого полного издания Лаврентьевской летописи считают началом письма к Олегу слова: „Но все дьяволе наученье“, при которых стоит примечание: „Отсюда следует «Послание Владимира Мономаха Олегу Святославичу», смешанное сочинителем Летописи, или писцем с «Поучением его детям»; оно писано в 1096 г., после Муромского сражения, в котором убит сын Владимиров Изяслав. См. Карамзин, II, 115—119, и прим. 177“.¹

¹ Полн. собр. русск. лет., т. I, СПб., 1846, стр. 105, прим. в.

[Письмо к Олегу]

О многострастный и печальный азъ! много боръшися с¹ сердцемъ и одолѣвши душе сердце моему, зане тлѣньнѣ суши, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьбою, кающья и смѣренья неприимшимъ межю собою.

Молвить бо иже: бога люблю, а брата своего не люблю—ложь есть. [нач. с „молвить“ и до сл.: I Посл. ап. Иоанна, 4,20]. И пакы: аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отецъ вашъ небесный [нач. „аще“ и до с. п.: Еванг. Матвфея 6,15]. Пророкъ глаголетъ: не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье [от „не ревнуй“ до с. п.: Псал. 36,1]. Что есть добро и красно [эже жити] братья вкупѣ?...² [нач. „что“ и до с. п.: Псал. 132,1]

Но все дьяволе наученье! То бо были рати при умныхъ дѣдѣх³ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ нашихъ; дьяволь бо не хоче добра роду человѣческому — сваживаетъ ны! Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ твой, его же еси хрстиль, иже то сѣдитъ близъ тебе. Прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: „ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на бога: а стануть си предъ богомъ; а Русьскы земли не погуби[м]. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихси и бога устрашихся, рекохъ; онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться — на бога укладаетъ; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ.

Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю приимиши с добромъ ли с поруганьемъ, обое⁴ же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словесы варихъ тя переди, егоже почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаянемъ хотя от бога ветхыхъ своихъ грѣховъ (оставления).⁵ Господь бо нашъ не человѣкъ есть, но богъ всей вселенъ: яже⁶ хоцетъ, в мегновеньи ока вся створити хоцетъ, то сам претерпѣ хуленье и оплеванье и ударенье и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертию. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? Днесъ живи, а утро мертви, днесъ

¹ борешися (попр. Ивакина).

² (М. б., пропуск по Ивакину).

³ к дѣтехъ (попр. изд. 1793 г., изд. 1846 г. и Миклошича).

⁴ свое (так в рукописи; поправка Ивакина).

⁵ (Вставка по смыслу Миклошича).

⁶ иже (попр. Миклошича).

[Письмо к Олегу]

О, многострадальный и печальный я! Много боролась с сердцем и одолела душа сердце мое, и потому что все мы тленны, я и помышляю, как придется стать пред страшным судьбою непредпринявшим покаяния и мира между собою. Ибо кто молвит: бога люблю, а брата своего не люблю — это ложь. И еще: если не отпустите прегрешений брату, то и вам не отпустит отец ваш небесный. Пророк говорит: не ревнуй лукавствующим и не завидуй творящим беззаконие. Как хорошо и прекрасно жить братьям вместе...

А все научение дьявола! Были ведь рати при умных дедах наших и при хороших и блаженных отцах наших: ибо дьявол не желает добра роду человеческому, сталкивает нас! А это я написал тебе, потому что понудил меня сын твой, которого ты крестил, который и сидит близко от тебя.

Прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря: „столкуемся и помиримся, а братцу моему суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но возложим на бога; они станут сами перед богом, а мы Русской земли не погубим“. И я, видя смирение сына своего, сжалился и побоялся бога и сказал: он в юности своей и в неопытности на бога возлагает; а я человек грешнее всех людей.

Послушал я сына своего, написал тебе письмо (грамоту): примешь ли ее с добром, или с поруганьем, то и другое увижу в твоём письме. Этими словами я предупредил тебя, чего я ожидал от тебя, смирением и покаянием желая [получить] от бога отпущения старых своих грехов. Господь наш не человек, но бог всей вселенной, что хочет, во мгновение ока все сотворит, а сам претерпел хуление, и оплевывание, и ударение и на смерть отдался, владея жизнью и смертью. А мы — что такое? люди грешные и лихие? Сегодня живы, а завтра мертвы; сегодня в славе и в почете, а завтра в гробу и забыты, и другие собранное нами разделят.

в славу и въ чти, а завтра в гробъ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брат, отца наю; что взяста или чим има поротѣно¹ токмо оже еста створила души своей.² Но да сими словесы пославше быше переди, брат, ко мнѣ, варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и быше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувш³е яко цвѣту нову процвѣтшю, якоже агнью заколену, и рещи быше, стояще над ним, вникнувш⁴е [въ] помыслы души своей: „Увы мнѣ, что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы!“

И рещи быше Давыдскы: „азъ знаю грѣх мой, предо мною есть воину!“ [от „азъ“ до с. п.: Псал. 50, 5]. Не крове дѣля пролитъ, — помазаникъ божий Давыдъ прелюбодѣянье створивъ,⁵ посыпа главу свою и плакася горко; во тѣ час отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу быше покаяться, а ко мнѣ быше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла ни добра, да бых обуимъ оплакаль мужа ея и оны сватбы ею в пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первыя⁶ радости, ни вѣнчанья ею за грѣхы своя! А бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым сломъ⁷ да же⁸ с нею кончавъ слезы посажу на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ дровѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли дѣди и отци наши,⁹ судъ от бога ему пришел, а [не]¹⁰ от тебя. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ — отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Да же еси велѣлъ дѣтяти: „слися къ отцю“, десяти¹¹ я есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужъ умерлъ на полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выскивати было чюжего —

1 (Непонятно).

2 свои (попр. Миклошича).

3 увянувшю (попр. Миклошича).

4 вникнущи (попр. Миклошича?).

5 створи (попр. Миклошича).

6 первѣе (попр. Миклошича).

7 словомъ (попр. Ивакина).

8 не (попр. Ивакина).

9 дѣти отци наших (попр. изд. 1846 г. и Миклошича).

10 (Вставка по смыслу; попр. изд. 1846 г. и Миклошича).

11 десять (попр. изд. 1846 г.; Миклошич — десятию)

Посмотри, брат, на отцов наших: что они взяли [с собою] или чем им..., только если они сделали для души своей. Такими-то словами пославши ко мне, следовало тебе, брат, предупредить (опередить) меня. Когда же убили дитя мое и твое перед тобою, следовало бы тебе, увидя кровь его и тело увянувшее, как цветок только-что процветший, как агнца закланного, и следовало бы тебе сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: „Увы мне, что я сделал! И дождавшись его недомыслия (необдуманности), ради неправды света сего призрачного приобрел себе грех, а отцу и матери его — слезы!“

Сказать бы тебе было по-Давидски: беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Не из-за пролития крови, а сотворив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал голову свою и горько плакал; и в тот час бог отпустил ему согрешения его. Богу бы тебе тогда покаяться, а ко мне написать грамоту утешную, да сноху мою послать ко мне, — потому что нет тебе в ней ни худого, ни доброго, — чтобы, обняв ее, я оплакал мужа ее и ту свадьбу их вместо песней: ибо не видал я их первой радости, ни венчанья, за грехи мои. А ради бога пусти ее ко мне скорее, с первым же посланцем, чтобы я, наплакавшись, поместил ее у себя, и сядет она, как горлица на сухом дереве, жалующись, а я утешусь о боге.

Таким путем шли деды и отцы наши; суд пришел ему от бога, а не от тебя. Если бы ты тогда свою волю исполнил и взял Муром, а Ростова бы не занимал, а послал бы ко мне, отсюда мы уладились бы. Но сам рассуди, мне ли было достойно первому послать к тебе или тебе ко мне? Пусть ты говорил сыну моему: „сошлись с отцом“, я раз десять послал [бы?].

Удивительно ли, что муж умер на рати? Умирили так лучшие из наших родов. Да не надо было [ему] искать чужого и меня в стыд и в печаль вводить. Это научили его [дружинные] отроки, чтобы себе приобрести, а приобрели ему зло.

ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли...¹ но оному налѣзоша зло.

Да еже² начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши; пославъ соль свой или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, а лѣпше будемъ яко и преже: нѣсмъ ты ворожбитъ, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба, но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти ни от повелѣнья твоего³ ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову поганых дѣля, а⁴ того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ и пакы е повѣдах,⁵ зане человекъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмъ...⁶ али ти лихо е, да то ти сѣдять сынъ твой хрестный с малым братомъ своимъ, хлѣбъ вѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ — а о се ся ради; али хочеш тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А его же то и хочеш насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и милосердуюча⁷ по тебѣ отчину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не сторила есвѣ лиха ничтоже, ни⁸ рекла есвѣ: слик брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣте души его!

Не по нужи ти молвлю ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь, но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На страшнѣй при бе-суперник обличаюся и прочее [нач. „На“ до с. п.: Тропарь по 3 кафизме Псалтиря, первый из „умилительных седальнов“ на утрени в понедельник Великого Поста, — Шляков, стр. 227].

¹ (Повидимому, пропуск, мнение Ивакина).

² же (попр. Миклошича).

³ своего (попр. Ивакина).

⁴ ли (попр. Ивакина).

⁵ (Семь слов непонятных).

⁶ (Повидимому, пропуск по Ивакину).

⁷ милкусяюча [попр. Ивакина; предложение Миклошича: „мыла ся дѣюща“; С. М. Соловьев („История России,“ т. 2, прим. 115), читает: „милующися“].

⁸ ни (Миклошич поправил: „нѣ“).

Если начнешь каяться богу и ко мне отнесешься добро-сердечно, послав своего посла или епископа, напиши [с ними] грамоту с правдою; так и волость возьмешь добром и наше (обоих нас) сердце обратишь к себе, и будем жить лучше, чем прежде: я тебе ни враг, ни мститель. Не хотел я видеть твоей крови у Стародуба; но не дай мне бог видеть кровь и от твоей руки или по твоему повеленью, ни [от?] кого-либо из братьев. Если я лгу, то бог меня ведает, и крест честной.

Разве тот грех мой, что пошел на тебя к Чернигову, из-за поганных, в этом ли мне каяться? Так в том я устно открыто выражал сожаление перед братьями, и снова вот сказал это: человек ведь я.¹

Если тебе хорошо [это?], то с тем..., или тебе лихо, то подле тебя сидит сын твой крестный с малым братом своим, едят хлеб дедовский, а ты сидишь в своей волости, а о том и суди (рядись?); а хочешь их убить — то вот тебе они. Потому что не хочу я лиха, но добра хочу братья и Русской земле. Что же ты хочешь взять насильем, то мы, смиловавшись над тобою, давали тебе и у Стародуба отчину твою; бог свидетель, что мы рядились с братом твоим; да он не может рядиться без тебя. Мы не сделали ничего дурного, но сказали ему: посылай к брату, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, то пусть душа его на том свете не увидит мира от бога.

Я к тебе пишу не по нужде, нет у меня никакой беды, а для бога, сам услышишь, но душа своя мне дороже всего света сего. „На страшном суде без обвинителей обличаюсь“ и прочее. (Ср. перевод в изд. 1793 г.: „На страшномъ истязании без свидетелей обличаюся и проч.“, стр. 58).

¹ Этот абзац переведен точно по чтению Лавр. списка, т. е. без исправлений текста, согласно интерпретации и переводу Н. Шлякова (О Поучении Владимира Мономаха, стр. 100, прим. 1).

ГЛАВА XI

„МОЛИТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ“, ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИИ

В. А. Воскресенский в книге своей „Поучение детям Владимира Мономаха“ (СПб., 1893), делает следующие высказывания о „Молитвенном обращении“, помещенном в Лаврентьевской летописи за письмом к Олегу, считая автором этого сборного молитвословия Владимира Мономаха. „Молитвенное обращение, кроме общих молитвенных воззваний, представляет ряд извлечений — из Великого Канона Андрея Критского, акафиста Пресвятой Богородице, молитвы св. Иоанникия, Псалтири. В Обращении нет никаких данных, прямо указывающих на Мономаха, как на его автора. Судя, однако, потому, что оно встречается только в одной Лаврентьевской летописи, т. е. там, где мы находим Поучение и Послание, что оно непосредственно примыкает к этому последнему; а главное, — что оно, проникнутое мыслью о смерти и духом смирения и покаяния, так напоминает многие места из Поучения, можно думать, что оно должно было служить общим заключением обоих сочинений и составлено Мономахом при окончательной их редакции в последние годы его жизни...“ „Сочинения Мономаха дошли до летописца не отдельно каждое, а в сборнике, в котором к Поучению“, как наиболее важному по содержанию и обширнейшему по объему, Мономах приложил Послание и заключил свои поучения детям и братьям размышлениями,

навеянными покаянным каноном Андрея Критского“ (стр. VIII). Эти наблюдения Воскресенского над составом Молитвенного обращения и другие относящиеся сюда его высказывания были усвоены и развиты далее Н. Шляковым в его статье о Поучении Владимира Мономаха.

И. Шляков, который всеми средствами пытается доказать, что Владимир Мономах писал свое Поучение под влиянием богослужения великого поста, постоянно цитирует церковно-книжные цитаты Мономаха по Триоди Постной. Остановившись на идее Мономаха, ощущаемой и в Поучении и в Письме к Олегу, о тяжести положения „пред страшным судьей“ без примирения между представшими и без надежды на его прощение, Шляков приписывает Мономаху и те мольбы об очищении души и спасении, которые читаются в отрывке „молитвенного содержания“, ¹ помещающемся теперь после письма Олегу, именно после цитаты „умилительного седальна“, который поется в понедельник 1-й недели великого поста. Эта молитвенная компиляция составлена, по мнению Шлякова, из ряда заимствований из Триоди Постной, что привело исследователя к такому заключению: „таким образом, как в самом Поучении, так и в этом молитвенном отрывке, который представляет непосредственное его продолжение и прямое окончание, все выписки заимствованы из богослужения Триоди Постной, причем так, что заимствования полностью взяты из богослужения сырной и 1 недели поста“ (стр. 230—234).

Но если молитвословную компиляцию Шляков считает непосредственным продолжением и прямым окончанием Поучения Мономаха, то почему же она стоит после письма Олегу? На это Шляков отвечает так: „Отрывок «молитвенного содержания» есть именно окончание Поучения, а потому следует думать, что испортившийся переплет книжки (с которой списывал Лаврентий) — последняя тетрадь держалась на одной ниточке — и был причиной того, что две тетради

¹ Этим термином названа молитвенная компиляция, помещенная после Письма Мономаха Олегу издателями Лаврентьевской летописи 1846 г.

письма попали между последней и предпоследней тетрадью Поучения и случайно так удачно, что и теперь нелегко определить конец предпоследней тетради Поученья и начало, повидимому, второй тетради письма — первая тетрадь, очевидно, потеряна целиком“ и т. д. (стр. 130).

В первом издании сочинений Мономаха, выпущенном гр. А. И. Мусиным-Пушкиным под титулом „Духовная великого Князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье“ (СПб., 1793), слова: „на страшней при без суперникъ обличаюся, и прочее“ отнесены к „молитвенному обращению“, стоящему вслед за посланием к Олегу, к последним словам которого (но душа ми своя лутше всего света сего) сделано такое примечание: „За сим (т. е. Посланием к Олегу) следует молитва (т. е. „молитвенное обращение“), которая хотя, повидимому, к Поучению или Посланию к Олегу... и не принадлежит: но как она в летописи под одною статьею написана, то потому и здесь помещается“ (стр. 58, прим. 97).

Редакторы первого издания Лаврентьевской летописи считают началом „отрывка молитвенного содержания“, следующего за Письмом к Олегу, слова „премудрости наставниче“ и т. д.¹

¹ Полн. собр. русск. лет., т. I, СПб., 1846, стр. 106, прим. д.

ТЕКСТ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

(Молитвенное обращение)

Премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленным казателю и нищим заступниче! Утверди в разумъ мое сердце, владыко; ты дажь ми слово отче, се бо устнама моима не възбрани внити ти: милостиве, помилуй падшаго [от „Премудрости“ до с. п.: из Триоди Постной нед. сыр. кондак]. Упованье мое — богъ, прибѣжище мое — Христось, покровь мой — Святый Духъ [от „улование“ до с. п.: из Триоди Постной, молитва св. Иоанникия из Великого повечерия]. Надеже и покрове мой, не презри мене, благая! Тебе бо имуще помощницу в печали и в болѣзни и от злыхъ всѣхъ, и тебе славлю, препѣтая! — И разумѣйте и видите, яко азъ есмь богъ, испытая[й] сердца и свѣдый мысли, обличая дѣла, опаляя грѣхы, судяй сиротѣ и убогу и нищю [от „судяй“ до с. п.: ср. Псал. 81]. — Всклонися, душе моя, и дѣла своя помысли, яже здѣя; пред очи свои принеси и капля испусти слезь своих и повѣжь явѣ дѣянья и вся мысли Христу и очистися [от „всклонися“ до с. п.: Тропарь Канона Великого на I нед. Вел. поста]. — Андрею¹ честный, отче треблаженный, пастуше Критъский! Не престай моляся за ны, чтущая тя, да избудем вси гнѣва и печали и тля и грѣха и бѣдъ же, чтуще память твою вѣрно. — Градъ свой схрани, дѣвице, мати чистая, иже о тебѣ вѣрно царствуетъ, да тобою крѣпиться² и тобѣ ся надѣеть,² побѣждаетъ² вся брани, испромѣтаетъ противныя и творить послушанье [от „Андрею“ до с. п.: из того же Великого Канона]. О препѣтая Мати, рожьшия всѣхъ святыхъ пресвятаго Слова! приимши нынѣшнее приношенье,³ от всякия напасти заступи и грядущия муки к тебѣ вопьющихъ. Молим ти ся раби твои и прекланяем си колѣни сердца нашего: приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбехъ погружающа[я]ся присно и сблюди от всяко[го] плѣненья вражья твой град, бого-

¹ Анд. еа (попр. Миклошича).

² крѣпимся, адѣем, побѣжаем (попр. Ивакина по Миклошичу).

³ послушанье (попр. изд. 1846 г. и Миклошича).

ПЕРЕВОД

Молитвенное обращение

Премудрости наставник и смысла податель, учитель не-
смысленных и нищих заступник! Утверди в разуме сердце мое,
владыка! Дай мне, отче, слово и устами моими не возбрани
воскликать тебе: милостивый, помилуй падшего!

Упование мое — бог, прибежище мое — Христос, покров
мой — святой дух.

Надежда и покров мой, не презри меня, благая, [ибо] ты
моя помощница в печали и в болезни, и против всякого зла,
и тебя славлю, препетая!

Разумейте и видите, что я есмь бог, испытующий сердца
и ведающий мысли, обличающий дела, очищающий грехи,
дающий суд сироте, и убогому, и нищему.

Встрепенись душа моя, и помысли о содеянных тобою де-
лах, воскреси их пред очами твоими, пролей слезы, явно пове-
дай все деянья и мысли Христу и очистишься.

Андрей честный, отче преблаженный, пастырь Критский!
Не престань молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся
от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, мы, верно чту-
щие память твою.

Град твой сохрани, дева-мать чистая, который под твоим
покровом верно царствует! Тобою укрепляемся и на тебя на-
деемся, [тобою] побеждаем в бранях, ниспровергаем против-
ных и держим их в подчинении.

О препетая мать, родившая святейшее из святых Слово!
Приняв ныне приношение, защити нас, к тебе взывающих;
от всякой напасти и грядущей муки; молимся тебе, рабы твои,
и преклоняем пред тобою колени [сердца нашего]: преклони
слух твой, чистая, и спаси нас, всегда в скорбях погружаю-
щихся, и соблюди от вражеского плененья град твой, бого-
родица!

Пощади, боже, наследье твое и прегрешения наши прости,
ныне имея нас молящих тебя и родившую тебя на земле без

родице! Пощади, боже, наслѣдья твоего; прегрѣшенья наша
вся презри, нынѣ нас имѣя молящихъ ты, на земли рожьшюю¹
тя бе-сѣмене, земную милость, изволивъ вообразитися,² Хри-
сте, в челоувѣчество [нач. „О препѣтая“ до с. п.: из акафиста
богородице]. Пощади мя, Спасе рожься³ и схрань рожьшюю
тя нетлѣнну по рожествѣ, и егда сядеши судити дѣла моя,
яко безгрѣшенъ и милостивъ, яко богъ и челоувѣколюбець.
Дѣво пречистая, неискусна браку, богообрадованная, вѣрным
направленьемъ! Спаси мя погыбшаго, к Сыну си вопьющи: По-
милуй мя, господи, помилуй; егда хощеша судити, не осуди
ме[не] въ огонь ни обличи мене яростью си; молитъ тя дѣва
чистая, рожшая тя, Христе, и множество ангель и мученикъ
зборь.

О Христвъ Иисусъ господъ нашем, ему же подобаетъ честь
и слава, отцю и сыну и святому духу всегда и нынѣ, присно,
вѣкъ.

¹ рожьшая (попр. изд. 1846 г. и Миклошича).

² обратися (попр. Ивакина).

³ рожьшася (попр. по Миклошичу).

семени земную милость, тебя, Христе, который изволил вообразиться в человечество.

Пощади меня, спасе, родившийся и сохранивший родившую тебя нетленную по твоём рождении, когда воссядешь судить дела мои, [пощади], как безгрешный и милостивый, как бог и человеколюбец!

Дева пречистая, неискушенная браком, богообрадованная, верным направленьем, спаси меня, погибающего и к сыну твоему вопиющего: Помилуй меня, господи, помилуй! Когда будешь судить, не предай меня огню, не обличи меня яростию твоею: молит тебя дева чистая, родившая тебя, Христе, и [молит] множество ангелов и собор мучеников.

О Христе Иисусе, господе нашем, которому подобает честь и слава, отцу и сыну и святому духу, всегда и ныне и присно и во веки.

ГЛАВА XII

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА В СВЯЗИ С ПОСЛЕДУЮЩИМИ ТОЛКОВАНИЯМИ ТЕМНЫХ МЕСТ ТЕКСТА

Первое издание сочинений Владимира Мономаха заслуживает специального описания и характеристики. Представляя собою полуторастолетнюю старину, издание это свидетельствует о научных приемах, свойственных начальной поре русской истории и филологии, когда уже издавались ответственные и труднейшие тексты средневековья.

Вышло это издание в Санктпетербурге, печатано в Типографии Корпуса чужестранных Единоверцов 1793 года под заглавием: „Духовная Великого Князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи Суздальской Поученье“.

Издание это анонимно, то есть — издатель, хоть и не скрыл себя, но и не сообщил своего имени. Вот как он говорил о себе: „По разным случаям и охоте моей, собрал я не малое количество древних летописей, записок и монет. Из оных в свободное время выбрав достопамятнейшие, имею намерение издавать их с замечаниями, для охотников и трудящихся в отечественной истории. Что и исполняю теперь самым делом, предлагая здесь древнюю Рукопись, названную по простонаречию Поученьем; но которая в самой вещи есть Духовная Владимира второго, имянованнаго Мономахом, которой

за несколько лет до своей кончины оную написал. Сколь важна сия Рукопись, оное хотя благоразумный читатель не оставит без замечания, но я почел за нужное предложить об ней некоторые рассуждения, чтоб соображая с оными содержание ея, можно было чрез то назначить ей достойную цену“ (IV, V).

Этим издателем был граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, известный многими археографическими трудами. В 1792 г. Мусин-Пушкин вместе с известными в XVIII в. историками, Болтиным (ум. в 1792 г., в октябре) и Елагиным (ум. в 1796 г.), издал в Санктпетербурге „Правду Русскую, или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха“, „со всею точностью (как заявляет в предисловии) в полстраницы церковными буквами ради лучшего изображения древних слов и правописания, а против текста, в другом столбце, поставил предложение на нынешнее наречие гражданскими буквами“. При издании приложены толкования слов и словарь с объяснениями древних слов. В 1793 г. Мусин-Пушкин издал „Духовную“ („Поучение“) Владимира Мономаха по пергаменному Лаврентьевскому списку летописи „со всевозможною точностью; так что не только речение, но ниже буква одна не проронена и не переменена“ (IX). Как увидим ниже, это уверение должно значительно ограничить. Подобно Мусин-Пушкинскому изданию „Русской Правды“, текст сочинений Владимира Мономаха напечатан здесь церковным шрифтом en regard с переводом, напечатанным на другой половине каждой страницы гражданским шрифтом. Церковный шрифт употреблен здесь лишь как декоративный символ старины, ибо не передает графики и орфографии пергаменного подлинника XIV в., а следует позднейшей системе полуустава церковных печатных книг (точнее — системе культурных изданий Петербургской синодальной типографии), подобая которой в пергаменном подлиннике совершенно нет.¹ „Но поелику сия духовная писана на Славянском древнем в некоторых местах не всякому вразу-

¹ Таким образом, графический и орфографический разницей XIV века

мительном и от переписчиков инде испорченном наречии, то я оставя оную подлинником, с своей стороны переложил (с помощью приятелей) на Славяноросийской язык, дабы всякому она была вразумительна. Присовокупил при том в самых темных местах примечания, которыя облегчат читателя от скучной заботы, в приискивании того в Летописях; о чем в ней или кратко, или только догадкою упоминается. Назначил сверх того, чего ни в одной из Летописей наших нет; и что следовательно в тех самых местах оныя из сей духовной со временем необходимо кажется должно пополнить“ (VIII).

Сравнивая эти два издания Мусина-Пушкина с изданием его в 1800 г. „Слова о полку Игореве“, П. В. Владимиров находит „те же внешние приемы издания (издание в два столбца, с примечаниями внизу страниц; переложение на употребляемое ныне наречие), но текст Слова напечатан не церковно-славянскими буквами, а скорописной гражданкой. Можно догадываться, что выбор такого шрифта для Слова о Полку Игореве произошел по двум причинам, указанным издателями: во-первых, Песнь Игорева, по определению издателей 1800 г. писана старинным *русским* (курсив А. О.) языком; во-вторых ни по материалу, ни по почерку письма (т. е. по палеографическим признакам) рукопись Слова не могла сравниться с рукописями Русской Правды и Духовной Владимира Мономаха“.

О качестве издания Мусиным-Пушкиным „Духовной“ Мономаха П. В. Владимиров высказался так: „Несмотря на заявление издателей о точности издания Духовной по рукописи, мы находим множество отступлений: в издании 1792 г. (sic — ошибочно, надо 1793 г.) наставлены ударения, знаки придыхания, знаки препинания и заглавные буквы, каких нет в рукописи; раскрыты титла и изменены буквы, а некоторые поставлены произвольно. Так, вместо ѣ является е и наоборот;

заменен у Мусина-Пушкина строгой грамматической системой, восходящей через первопечатную книгу к нормам второго юго-славянского влияния на Русское письмо и книжность, начиная с XV в.

то же должно заметить относительно *ы* и *и*, *ѣ* и *ь*, *у* и *ю* и проч. Заслуживают внимания еще следующие ошибки: кто вм. то, будете, вм. будет, день вм. днесь (в рукописи: д^нь), побѣждаетъ вм. побѣжает, лицахъ вм. лицах, съ оставкомъ вм. составкомъ, дѣяше вм. дѣяшеть, благовласнымъ вм. блѣвнымъ (читай: благословленнымъ), не домысли вм. не дошелъ; есть пропуски частиц, вставки лишних букв¹.

К перечню неточностей первого издания „Духовной“, сообщенному П. В. Владимировым, считаем нужным добавить случаи неправильного и произвольного раскрытия татл, как: „томъ же лѣтомъ“ или „томъ же лѣто“ вместо „томъ же лѣтѣ“ (рукопись — томъ же лѣт^ѣ); или „на Бокъ идохомъ“ вм. „на Богъ, Бугъ“, — но никак не с „к“ вм. „г“ (рукопись — на Бѣ^ѣ идохом). Изредка встречается неправильное деление слов, напр.: после пропуска на 4^{1/2} строках в начале рукописи: люди и дѣля вм. и хяных люди дѣля; Багу Барсова вм. Багубарсова; ... жали вси вм. [съ] жаливъ си; къ Снятиню вм. къ Кснятиню; князи и инѣхъ вм. князи инѣх; къ мети и вм. кмети; по Стугани ва...

¹ Слово о Полку Игореве. Выпуск первый. Из лекций П. В. Владимирова. Киев, 1894, стр. 16. — Почитатель Мусина-Пушкина, И. М. Ивакин, посвятивший свою книгу „Князь Владимир Мономах“ (ч. I, 1901) „памяти инока Лаврентия и графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина“, дает здесь такой перечень трудов Мусина-Пушкина: „Ученые труды графа Мусина-Пушкина, кроме двух, упомянутых выше [т. е. Русской Правды и Духовной Мономаха], следующие: а) Историч. исслед. о местоположении древняго росс. Тмутороканск. Княжения с приложением родословника князей российских, владевших в Тмуторокане до кн. Глеба Святославича [в Санкт-Петербурге, 1794 г.]; б) Героическая песнь о походе на Половцов удельного князя Нова-города-Северского Игоря Святославича... [Москва. В Сенатской Типографии, 1800]; в) Историч. замечания о начале и местоположении древнего российского так называемаго Холопя города, 1810. В рукописи остались: а) Рассуждение о серебряных головах, найденных в Тверск. валу; б) Рассуждение о древних славянских месяцах; в) Перевод и краткие примечания к договору Мстислава, заключенному въ 1220 г. с городом Ригю и готским берегом (погибло в пожаре 1812 года). См. также митр. Евгения „Словарь русск. светск. писателей“, стр. 96—97“; Ивакин, стр. 33). П. В. Владимиров упоминает еще изданную Мусиним-Пушкиным карту под названием: „Часть России с смежными державами, разделенная на губернии и уезды“, 1796 г.

вм. по сту уганива[ль]; каковы вм. како вы; ли си вм. лиси (т. е. лихье); даси ми вм. да сими. Подчинение грамматической системе культовых печатных книг неполное; старинные рукописные буквы и формы слов в общем повторены, но есть и отмены, напр.: лѣннѣся вм. лѣнитися, бится вм. биться, рекуть вм. рекутъ, душу вм. душу, чуд- вм. чюд-, птицы вм. птица, тобѣ вм. тебе, свое вм. своѣ, братье, вм. братьѣ, душе вм. душѣ, Вятиче вм. Вятичѣ, Сутѣйску вм. Сутейску, Половечьские вм. Половечьскыѣ, Половчьские вм. Половчьскыѣ, дикие вм. дикыѣ, убогие вм. убогыѣ, лѣплѣе вм. лѣплѣѣ, мѣстника вм. местника, клѣнитесе вм. кленитесе, бѣзумьи вм. безумьи, дитя вм. дѣтя, умягчить вм. умякчить. Из отступлений текста, изданного Мусиным-Пушкиным, от оригинала еще отметим: обильно вм. обило; и опочиваетъ вм. бо почиваетъ; Веревѣ вм. Выреви; ко мнѣ скочилъ вм. скочилъ ко мнѣ; въ пѣсни и мѣсне вм. в пѣ^нни мѣ^не (т. е. въ пѣсний мѣсто не), родилися вм. рядилися; попа вм. пѣ; из Чернигова вм. и-Щернигова; и съ Чернигова вм. и-Щернигова. Есть несколько исправлений оригинала, издателем неговоренных: борющися вм. бурющися, Апою вм. Апою, пушахъ вм. пушах, мужъ твой вм. мужество и, погубимъ вм. погуби.

Мусин-Пушкинское издание сочинений Мономаха весьма тенденциозно; оно назначено было отечественную историю обогатить и показать высоту древней русской культуры. Лет через двадцать после этого издания Мусин-Пушкин писал Калайдовичу, что, издавая Поучение Мономаха, „единственную имел он цель показать отцов наших почтенные обычаи и нравы, кои модным французским воспитанием исказились, и тем оправдать ложное о них понятие и злоречие“.¹ Этому вполне соответствует характер предисловия и примечаний. — „Многие не только из иностранных, но и из своих, о Праотцах наших (даже в ближайших к нам столетиях, как то, в осьмом и девятом живших) думали, что были они народ дикой, препровождающий жизнь кочевую, безъ законов, без наук...; — Но сия Духовная опровергает совершенно неспра-

¹ Зап. и тр. Общества ист. и древн. рос., ч. II, 29.

ведливость таковых мнений“, совместно с такими свидетельствами древности, как договоры с Греками или Русская Правда, которые „служат доказательством неспоримым, что предки наши законами управлялись“. На примере Духовной Мономаха „мы видимъ у Праотцев наших нравоучение в самом совершенстве“ (Мусин-Пушкин V, Ивакин 30). Изданию придан, значит, характер морализующий, причем издатель осуждает свою современность как бы с позиций эпохи Мономаха, будучи особенно раздражен французскими новшествами в русском быту XVIII в.

Примечания под текстом сочинений Мономаха, кроме консервативного резонирования о качествах быта, состоят:

I. Из перевода старинных слов и толкования выражений, напр.: „(2)¹ сѣда на сѣнѣхъ. Будучи при дверях гроба“ и т. д.; „(17) Ёрь, на Сарматском языке имеет два значения: 1) *восход солнечный*, в каком смысле оно доселе употребляется во всей Малороссии. 2) *Теплые места*, или *краи*, куда около Покрова дня улетают, и оттуда около Благовещениева дня возвращаются птицы дикие“. „(38) Слово Унеинь происходит от слова Унна, что значит дом. Следовательно Унеинь в переписке испорчено; надобно б написать Уннеинь, хозяин дома, в котором для постоя или ночлега останавливаются проезжие. В Украине и по ныне обычай сей еще не вывелся из употребления; проезжающие и останавливающиеся для отдохновения или ночлега подчуют хозяев...“

II. Примечания относятся к состоянию текста и к исправлению его ошибочных чтений, напр.: „(24) Здесь очевидно пропущено слово: *читите*“ [епископы и попы и игумены — читите]; пропуски вероподобно отмечены еще в примечаниях 26 и 27; „(28) *Что ны*. Кажется упущено“ [замечание невразумительное, но, как бы то ни было, действительно надо читать „*что ны*“ вместо напечатанного в тексте *чѣстны*]. В примеч. 82 правильно предложено *дѣдѣхъ* вместо напечатанного в тексте *дѣтехъ*; то же в примеч. 89 — *дѣды* вм. *дѣти*.

¹ Цифры в скобках перед цитатами означают номера примечаний, как они перенумерованы в издании Мусина-Пушкина.

III. Примечания заключают и сопоставления с летописными данными о лицах и событиях, имеющих отношение к упоминаниям у Мономаха. Большинство таких параллелей падает на рассказ о „путях“ и на письмо к Олегу. При словах Мономаха *отѣць мой до́ма сѣда ѿзумѣаше ѿ азыкѣ* примечание: „(48) Не можно точно определить, какие языки Всеволод Ярославич знал; но ежели рассуждать по соседству и союзам тогдашнего времени, то догадкою можно положить следующие языки: 1) Греческий, по причине тесного с Греками союза, торговли, и что много их в Киеве и домами жили; да и в духовных властях многож было Греков. 2) Латинской, по причине всеобщего его в тогдашнее время употребления, почему многие князи Руские ему обучались, яко и Константин мудрый, по сказанию епископа Симона, говорил им яко природным. 3) Немецкой, потому что много Немцов было в службе у князей Руских. 4) Венгерской, по соседству и по частому сношению. 5) Половецкой, по ближайшему соседству и непрерывному сношению. Но ежели все сии языки отложить, то на место их представляются: 1) Болгарской, не тех Болгар, кои жили на Дунае, но тех, кои были на Волге. 2) Коварской или Торческой. 3) Язской. 4) Косожской. 5) Обезской. Или и другие, на пример: Польской, Литовской, Корельской, Финской. Сие предлагается только для рассуждения, а не говорится утвердительно“.

В примеч. 83 к рассуждению Мономаха о ратях среди княжеской братьи вследствие „дьяволя наученья“ (стр. 49 и 50) сказано: „Сии слова относятся к Олегу Святославичу Черниговскому, как все последствие речи то доказывает; но затруднение в том состоит, что по Родословнику в 793 году изданному (ср. стр. III: помещенн. в пятой части Записок, касательно Истории Российской), Олег умер в 1114 году, а писана сия грамота [т. е. самое „Поученье“, начинающее весь сплошной текст сочинений Мономаха] между 1119 и 1125 годов; и так вероятно, что сие письмо писано было [Мономахом] к Олегу в свое время [т. е. в 1096 г.] и отнюдь не принадлежит к завещанию [т. е. к «Поученью» Мономаха],

но Летописатель, имея и то и другое в руках, счол за одно сочинение и вместил в Летопись свою под главу“ (см. 97 примеч. на стр. 58 о молитве, которая будто начинается словами „На страшнѣй при“ и „которая хотя по видимому к поучению или посланию к Олегу... и не принадлежит, но как она в Летописи под одною статьею написана, то потому и здесь помещается“).

В следующих двух примечаниях (на стр. 50) не обнаружено еще предельной точности понимания исторических данных: примеч. 84 — при словах „принуди мя сынъ твой его же еси хрестиль“ — „Сие, говорит Владимир, о котором ни есть из сыновей своих, то есть, или о Мстиславе или о Ярополке [sic!], которые, как из последствия видно, были крестные дети [sic!] Олегу; и посредством которого ни есть из них искал он примирения со Владимиром“; примеч. 85 — при словах „а братцю моему судъ пришелъ“ — „Сын Владимиров Мстислав или Ярополк [sic!], а вероятнее первый, говорит сие о брате своем Изяславе, убитом на сражении с Олегом близ Мурома въ 1096 году“.

Перевод сочинений Мономаха у Мусина-Пушкина вообще удовлетворительный, за исключением десятка или более трудных, неправильно прочтенных или испорченных в самой рукописи мест. Примерами неудачного и неверного перевода могут служить: „въ борзѣ не розглядавшѣ лѣношами, внезапно бо человѣкъ погыбаеть“ — „Вскоре на враговъ не нападайте, не разсмотрѣвъ всего за леностью: ибо можетъ нечаянно последовать отъ того нещастие“ (стр. 21).

„да быхъ обуймъ оплакаль мужа ея, и оны сватбы ею, въ пѣсни и мѣсне видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею за грѣхы своя“ — „дабы обще нам оплакивать ея мужа, и оный брак их, совершенный въ песнях и забавах. Не видал бо я ея в радости, ни свадьбы их за грехи мои“ (стр. 53 и 54).

„Тѣмъ бо путемъ шли дѣти [ошибка, дѣды] отци нашихъ: судъ от Бога ему пришелъ, а от тебе“ — „Тѣмъ бо путемъ шли деды от-

цовъ наших. Такъ Богъ определил ему, однако отъ тебя⁶⁰ (стр. 54).

Следует, все же воздать должное издательству Мусина-Пушкина за осторожность его подхода к темным местам текста. Некоторые чтения, казавшиеся ошибочными и непонятными, были прямо опущены в тексте и не переводились; так заменены многоточием: „ноли оли“ (стр. 41) в полной передаче подлинника: „И паки, с Святополком гонихом по Боняцѣ ноли оли убиша, и не постигохомъ ихъ“; или „*тако вѣ даяла и у Стародуба и милкусяюча по тебѣ* отчину твою“; Али (стр. 57), в полной передаче подлинника: „А его же то и хощеша насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и милкусяюча по тебѣ отчину твою. Али Богъ послух тому...“

Изучение приемов изданий Мусина-Пушкина, древние тексты которых сохранились до нашего времени и потому допускают поверку воспроизведения, мы считаем совершенно необходимым для понимания качеств тех его изданий, текстовой подлинник которых погиб и, как уник, ниоткуда еще неизвестен, напр. „Слово о полку Игореве“. По нашему наблюдению, такого сопоставления изданий до сих пор еще не произведено систематически и с достаточной глубиной. А сделать это необходимо, и как следует, не считая этот труд элементарным, так как требуется учитывать навыки, свойства и склонности участников всего книжного кружка представителей „эпохи просвещения“.

Начало Поучения Мономаха в оригинальном тексте (до пробела в руколиси в $4\frac{1}{2}$ строки) и в переводе Мусин-Пушкин дал с неожиданными разночтениями против подлинного оригинала. В самом оригинальном тексте он неверно транскрибировал начертание блгвѣнымъ как блговлѣснымъ вместо правильного благословленнымъ и после „наречѣнымъ въ крѣпнѣи проставил многоточие, объяснив его в примечании так: „Находящиеся в сем сочинении точки означают, чего в подлиннике за ветхостью не можно было разобрать“. В действительности тут и разбирать было нечего, а ясно читалось „Василии“. В переводе соответствия „благовласнымъ“

нет и после „нареченный во святом крещении“ прибавлено „*Θεοδоръ*“, с примечанием к слову „*Θεοдоръ*“: „Хотя в подлиннике и не можно было разобрать сего имени; но все Летописи и Родословники согласно оное показывают“. Это неверно: Мономах нигде не назывался „*Θеодором*“, а крестильное имя его было „*Василий*“ (напр. Никон. лет. 149 и Хождение иг. Даниила).

В третьем издании „Летописи по Лаврентьевскому списку“ (СПб., 1897) стр. 41, приложение II, напечатано начало Поучения, писанное полууставом конца XVIII в., находящееся в рукописи XV в., принадлежащей Археогр. Комиссии (№ 240, л. 306), где имеются и недостающие строки (см. курсив): „*Азь худый дѣдомъ своимъ — Ярославомъ, благовласный, славнымъ, нареченемъ въ крещении Θεοδоръ, Рускымъ именемъ Володимиръ, отцемъ возлюбленнымъ и материею Мономахъ во благочестии наказанъ, чадомъ моимъ преспяяти въ добродѣтеляхъ желая, се пишу поуче ъе вамъ възлюблении и люди дея, елико сблюдохъ по милости Божией и оти молитвъ. Седя на санехъ...*“ Приведя этот текст во втором издании I тома ПСРЛ, в. 1, 1926, столб. 239—240, примеч., редактор заметил: „В каком отношении находятся подчеркнутые слова к оригиналу Поучения Вл. Мономаха — сказать трудно“.

И. М. Ивакин, с своей стороны, обращает внимание на этот текст: „Среди принадлежащих Арх. комиссии рукописей есть одна XV века, в которой между прочим помещен писанный полууставом конца XVIII в. отрывок *Владимира Мономаха поученье чадомъ*. Он напечатан в изд. Лавр. л. 1897 г. прилож. II. В нем — согласие [т. е. с изданием Мусина-Пушкина] замечательное! — слово *блвл^нымъ* прочитано, как и у Мусина-Пушкина, и вм. *Василий* стоит *Θеодор*. Уже эти два слова дают понять, что перед нами не новый список Поучения (или — вернее — его начала), а чье-то каллиграфическое упражнение на основании печатного изд. 1793 г., впрочем не простое, а — как увидим — с домыслами и вставками“ (50, примеч.). По мнению Ивакина, „в переводе Мусин-Пушкин ставит... «Θеодор», руководствуясь видимо Татищевым

(П. 211, 446), который называет так Мономаха неизвестно на каком основании (может быть смешав христианское имя Мономаха с таковым же сына его Мстислава)“ (50).

„Вместо пропуска [в начале Поучения по Лаврентьевской летописи] в напечатанном 3 изд. Лавр. л. *Вла имира Мономаха поученьи чадомъ* стоят: во благочестии наказанъ, чаадомъ (sic) моимъ преспяети въ добродѣтеляхъ желзя, се пишу поученье вамъ, взлюблении, и люди дѣля. В этих словах (столь мало вяжущихся с дальнейшими: колико бо соблюдь etc...) подозрительно *добродѣтель* — слово, думаю, сравнительно позднейшее; (в Изб. 1073 г., сколько помню, вм. него употреблено *добрая дѣтель*). Эта вставка сделана, нет сомнения, досужим читателем 18 века, которому хотелось восполнить недостающее“.¹

По утверждения Н. Шлякова, „как в самом Поучении [Мономаха], так и в... молитвенном отрывке, который представляет непосредственное его продолжение и прямое окончание, все выписки заимствованы из богослужения Триоди Постной, причем так, что заимствования полностью взяты из богослужения сырной и 1 недели поста...“ „Все это, думаю, нельзя объяснить случайностью, а приходится сделать заключение, что заимствования сделаны потому из богослужения 1 недели, что Мономах писал свое поучение на этой неделе после повечерия четверга или даже утрени пятницы, что вероятнее, готовился к причащению и закончил его к субботе“.

„Пятница 1-й недели поста в этом [1106] году была 9 февраля, а четверг — 8 февраля, когда празднуется память «святого великомученика Феодора Стратилата» — «В пяток 1 седмицы вечера поем самогласны 4 святого Феодора (Тирона), по заамвонной же молитве поем молебный канон святого Феодора», почему и суббота 1-ой недели, а иногда и вся седмица в старину (в летописи) носила название Феодоровой. Не здесь ли, может быть, нужно искать и объяснения для имени Феодор, попавшего в новонайденный список начала поучения? Ведь надписывается же слово преп. Феодосия

¹ Ивакин, стр. 71, прим.

Печерского как Поучение св. Панкратия только потому, что произнесено в день его памяти (... Н. Петров. Подлинность поучений преп. Феодосия). Не поставил ли этого имени Мономах в заглавии Поучения, откуда оно, может быть, попало и в самое поучение вм. Василий? Или имя Феодор попало в списки Поучения, имевшие оригиналом экземпляр, доставшийся на долю св. Мстислава (Феодора) Владимировича".¹

К изданиям Мусина-Пушкина принято относиться пренебрежительно. Они почти не признавались нашими присяжными текстологами за научные, несмотря на то, что сотрудниками Мусина-Пушкина были опытные наши архивисты, на трудах которых Карамзин построил Историю Государства Российского. Несправедливо затем относить несовершенства изданий Мусина-Пушкина именно насчет его участия, как поверхностного будто диллетанта и лишь коллекционера древностей. Текстология — дело трудное. Чтение и комментирование текстов требует применения многосторонних знаний. В изданиях Мусина-Пушкина добросовестно применялись разнообразные исследовательские подходы, доступные той начальной поре науки. Разумеется, результат был скромен. Но если мы пересмотрим последовательно и дальнейшие работы по темам изданий Мусина-Пушкина, то убедимся, что несмотря на умножение средств изучения далеко не все трудности текста нашли разрешение, всеми принятое.

Из сочинений Владимира Мономаха, помещенных в Лаврентьевском списке летописи, приведем несколько испорченных, неудачно и неверно прочтенных и непонятных слов вместе с переводом и толкованиями издателей и исследователей, начиная с конца XVIII в. и до текущих дней, т. е. до конца первой половины XX в. Из сопоставления исследовательских выступлений за эти полтора столетия вытекает, во-первых, уважение к работе русских ученых начиная с первых предшественников русской науки; во-вторых, сознание трудности текстовых проблем средневековой книжности, обязывающей

¹ Н. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха. ЖМНП, 1900, июнь, стр. 234, 236, 237.

соединить в общей работе все исторические, литературные и лингвистические силы.

УНЕИНЪ

„Гостеприимство свое Русский переносил с собою и в дорогу; Владимир дает совет напоить и накормить хозяина, у которого остановишься „Кудаже подете, идеже станите, напоите, накормите *унеина* (хозяина)“ — обычай, еще и теперь сохранившийся в наших областных странствиях (С. П. Шевырев. История русской словесности. Ч. II, изд. 3, СПб., 1887, стр. 107).

1 „Выражение Мономаха: «напоите, накормите, *унеина*» — различно объясняют. Карамзин (т. II, прим. 232) под словом «*унеин*» понимает «хозяина», производя от слова «*унна*», что на кабардинском языке значит «дом». Шевырев согласен с Карамзиным. Г. Буслаев (Историческая хрестоматия, столб. 476) говорит, что нужно читать «напоите, накормите *унеина*», то-есть, лучше иного кого-нибудь. Но, кажется, самое лучшее толкование г. Аристова (Христ. по русской истории Варшава, 1870), что «*унеин*» *юнеин*, малый, слабый, бедный. Мы принимаем это последнее толкование“ (С. Протопопов. Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху. ЖМНП, ч. CLXXI, 1874, стр. 290).

В. А. Воскресенский повторяет историю термина „*унеин*“ по С. Протопопову, дополнив, что в своей „Русской хрестоматии“ (1870, стр. 75) Буслаев дает иное толкование: „*Унеинъ*“, иначе *уньць*, просящий, алчущий от *унити* — просить“. Чтение Аристова Воскресенский считает возможным принять „и в том случае, если в слове видеть *унеина* испорченную форму — *оунъиша* (от *оунъ* — юный, малый, слабый“). Так в общем перечне примечаний (стр. 46 № 46). В примечании же под самым текстом Воскресенский выражается так: „*Унеина* — бедняка, просящего,“ стр. 4 прим. С; в переводе же: „нуждающихся“ (В. А. Воскресенский. Поучение детям Владимира Мономаха, СПб., 1893, стр. 15).

„На дороге, или где остановитесь, напоите, накормите нищего“. (И. Лашнюков. Владимир Мономах и его время Киевск. унив. известия, 1873, ноябрь, стр. 41).

„... предостережение от обременения жителей требованием содержания: нет, не требуйте, а лучше сами накормите другого (я решительно читаю «оуне инъ», откуда переписчик допустил переделку в. п. инъ — может быть, действительно допустив существование невозможного оунеинъна ина; — «куда же пойдете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вамъ придетъ»¹).¹ Позволю себе новую догадку о чтении этого затруднительного места: «накормите [те] уна наиболее (= М более всего) же чтите гость, откуда же к вамъ придетъ» и т. д.“. П. В. Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода XI—XII веков. Киев, 1900, Приложения III. К V главе „О летописях“ и о „Поучении Владимира Мономаха“, стр. 4).

Вместо чтения „унеина“ И в а к и н предлагает „убога и странна“ со знаком вопроса (под текстом, на стр. 41, прим. 30). В общем отделе комментариев он передает изменения толкований этого термина начиная с издания Мусина-Пушкина, за коим следует в перечне Карамзин, который „увы“! вынужден был прибегнуть для объяснения этого слова к языку — кабардинскому. «Унеина, говорит он: вместо хозяина. Унна значит дом в языке кабардинском — см. Сравн. слов., ч. II, 117. Россияне могли заимствовать сие слово от казаров или касогов, торков, половцев, ибо его нет в славянском и скандинавском языках» (Ист. гос. Росс., II, прим. 232). — Шевырев толкует так же (Ист. русск. л., II, 19). Буслаев предложил было читать отдельно уне ина, т. е. лучше иного, но — вышло ли что из этого, предоставляю судить другим. Соловьев касается этого слова дважды: куда пойдете, где станете, напоите, накормите бедняка (II, 39), напоите, накормите нищего (III, 103). — Миклошич справедливо называет унеина vox dubia; с мнением Карамзина и Шевырева несогласен: opinio (их) minus videtur probanda, говорит он, прибавляя:

legendum fortasse суньца, что принял впоследствии в своей хрестоматии и Буслаев: унеинь — иначе уньць — просящий, алчущий и прибавляет у н и т и — просить (значит ли унити — просить, сомневаюсь...). Билёвский вм. *унсина* читает уныена — слово, видимо придуманное им специально для этого места — и передает: *paroje, nakormicie znužonego* (Mon. Poloniae hist., I, 871). Перебрал все эти объяснения и Н. Петровский в статье: По поводу труда Н. П. Некрасова „Заметки о языке Повести врем. лет по Лавр. списку...“ ИОРЯС, т. I, кн. IV, 832; II, кн. 7, 104, и прибавляет: не следует ли в данном месте видеть неправильную *distinetio editoris*? Подобных ошибок много не только у Мусина-Пушкина, но и у Бередникова. Кажется, без особых натяжек можно бы было читать: куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите, *оуне* и *наиболе* же чтите гость, т. е. напоите, накормите, а самое главное почитайте гостя. (См. Русск. фил. вестн., 1897, №№ 3 и 4, 170—171). Мнение Соловьева, Миклошича, Белёвского хорошо в духе отношений: 1) кабардинский язык и иные остаются не потревожены; 2) понятие *бедняк*, *zpežony* вполне подходят к этому месту. Нельзя ли объяснить это *унеина* как чисто палеографическое недоразумение? Ведь далее идут слова *ти бо мимоходячи*, относящиеся, без всякого сомнения, и к ясному *гость* и к неясному *унеина*. Если *мимоходячи* одинаково относится к тому и другому слову, это значит, что оба они должны иметь нечто однородное. Не вышло ли *унеина* по неразборчивости, из двух слов: *убога* и *нища*, или *убога* и *странна*? Мне кажется что здесь искажение больше, чем думали Мусин-Пушкин и Билёвский“ (Ивакин, стр. 133, 134).

СЕ МЕЧИ — СЕМЕЧИ, СЕМЦЮ — СЕМЦЮ

„Я се мечи и полонь весь отяхомь“ — перевод и мечи ихъ и полонь весь отняли“ — Мусин-Пушкин (стр. 85).

„Только Семцю яша одинаго живого, ти смердь нѣколико“ — перевод уронь нашъ состоялъ въ томъ, что Смцю одного живаго

у нас в полон взяли и несколько рядовых“ — Мусин-Пушкин (стр. 37).

Отняли у них мечи и всю добычу — перевод А. Клеванова (стр. 143)... только одного Семцю взяли живого да несколько крестьян — А. Клеванов (1871, стр. 144).

И отняли у нее (т. е. у рати Половецкой) мечи и весь полон — И. Лашнюков... Половцы захватили у нас одного семца да несколько смердов (И. Лашнюков, 1873, стр. 4).

„а семечи и полонъ весь отяхомъ“ — Н. Шляков... „толко семцю яша одиного живого“ — Н. Шляков (стр. 104). Предлагая читать „Воровича“ вместо „Вороница“ Шляков провидит в последнем слове замену ч посредством ц, в связи с чем вот что говорит в примечании к этому месту.

„1) ц. вм. ч. как в пути [№] 29 семечи (= семьць в ин. русск. на ъ вм. а). Здесь я решительно стою за семечи = семьци, потому что и в народной поэзии, доньше живущей, и в остатках ее, уцелевших в летописи, оружием восточных народов считается „сабля острая“, а не индоевр. обоюдоострый мечь. Семцы попали к Белкагину, когда он шел на Русь Муравскимъ шляхом Больш. Чертежа (СПб., 1838, 87). Семцы там стоят, как пленники, наряду с другим, может быть, неодушевленным „полоном“. Такого семцю (ошиб. — ю) имеет в виду Мономах и при описании [№] 40 пути. Из последнего примера видно, что семцы были привилегированное население — колонисты, что-то вроде наших казаков: они противопоставляются смердам. Это предки Всеволодовских курян — сведомых кметей“ (Н. Шляков. ЖМНП, 1900, май, стр. 121).

В июльской книге (1900 г.) „Журнала Министерства народного просвещения“ Н. Шляков высказывается иначе (стр. 20 и 21): „Семечи и семцю в Поучении есть семьца (ъ) и семьци и означает поселенцев по Семи, пользовавшихся, повидимому, привилегированным положением, а потому, вероятно, обязанных оберегать границу.

... семечи вместе с Вороницы..., может быть, говорят за новгородское происхождение Лаврентьева оригинала „Поучения“.

„а се мечи и полонъ весь отяхом“ — Ивакин (стр. 42) и здесь в примеч. 45 к *се мечи* Ивакиным предложено: „все = вьсь; вежи“ вместо „се мечи“.

„... только Семцю яша одного живого ти смердъ нѣко-
лико“ — Ивакин (стр. 43).

В комментариях Ивакин так высказывается о словах *се мечи* и *полонъ весь*: „у Белёвского *vron* и *plon* *wszystek* *im odebrawszy...*“ у Эрбена *tu jsme jim odnali* *meše* и *veškeru* *korist*. Миклошич называет *се мечи* *dubium* — и справедливо. Но, думаю, одно место в Ип. л. может объяснить, что было тут до порчи. В 1152 г. Мстислав Изяславич известил отца, „оже Богъ ему помогъ половцы побѣдiti на Угль и на Самарь, и *полонъ* многъ взял самъхъ прогна, *вежъ* ихъ пойма, конь ихъ и скоты ихъ зая и множество душъ крестьяныхъ отпони“ (317). Подобно Мстиславу отпониая у половцев христиан (= *полонъ отяхомъ*), Мономах отнял у них, надо полагать, и *вежи* — слово, искаженное впоследствии в *мечи*. Об отнятии *веж* говорится и в самом Поучении (у Варина *вежъ* *взяхомъ* — далее) и часто, при описании каждого удачного похода на половцев, в летописи. Сомнительным остается *се*. Не есть ли это *все = вьст = вься* (в летописи вместо напр. *за ня* или *за нѣ* бывает не только *за не*, но и *за нѣ*. Лавр. 165), т. е. вин. п. мн. ч.? О смещении *вьсь* и *сь* говорено выше. Смотри также далее в пр. к Пис. к Олегу...“ (Ивакин, стр. 169).

„Семцю. Кто был этот Семца? Быть может, какой-нибудь знатный человек, живший около Прилука. Говорю — знатный, иначе Мономах не упомянул бы его по имени, как не упомянул он по именам взятых с Семцею смердов. Имя это звучит в названии с. Семьче: половцы приѣхаша къ Полоному къ святѣй Богородицѣ къ граду Десятинному, и къ Семьцю (Ип. 380). Сравн. упомянутое в завещании Калиты с. Семин-

ское в Моск. обл. (Собр. Гос. гр. и дог., I, 53)“ (Ивакин, стр. 177).

В юбилейном сборнике Академии Наук в честь академика А. И. Соболевского (Л., 1928) помещено этимологическое исследование академика Б. М. Ляпунова: „Семья, сеябр — шабёр“. Указав на то, что А. И. Соболевский обратил внимание на слово „семцю“ в Поучении Мономаха (Ученые записки высш. школы г. Одессы, Отд. гуман.-общ. наук, т. II, 1922, стр. 61—62), Б. М. Ляпунов сам обращается к анализу этого речения. „Не справляясь с прежними изданиями Лаврентьевского списка, отмечу лишь, что во 2-м издании Археогр. ком. 1926 г. «Семцю» напечатано с большой буквы, что дает повод думать, что редактор признал это слово собственным именем, а отсутствие этого слова в «Материалах для слов. древне-русс. яз.» Срезневского заставляет думать, что таково было мнение и Срезневского и других исследователей языка русских летописей и в частности внесенного в Лавр. список «Поучения», о котором имеются и специальные исследования Ивакина (1901) и Н. В. Щякова (ЖМНП, 1900), правда, почти исключительно с точки зрения историко-литературной. Между тем А. И. Соболевский в указанной мною, весьма интересной и важной для исследования словарного состава и словообразования древнерусского языка, статье совершенно справедливо, я думаю, считает семца родственным со словом сѣмья, возводя к *сѣмьця (*sěmьśá) со значением „младший член семьи, слуга“ (стр. 257).

„В «Поучении» Владимира Мономаха, приведено не совсем ясное для нас выражение „семцю“. Допустим—это „земец“. Нужно сознаться, что о земцах даже более позднего времени (XV в.) мы знаем очень мало. Насколько позволяют судить скудные источники, все же видно, что это — мелкий землевладелец, но стоящий по своему достатку выше крестьянина и отличающийся от него тем, что земец эксплуатирует в своем небольшом хозяйстве чужой труд. В Псковской I летописи под 1431 г. называются земцы: „а земцы березкыи

даху мастером 300 рублей“ (речь идет об укреплении Гдова!). В Псковской II летописи то же место сформулировано яснее: „а на гдовских земцах, в кого тамо отчина, взяти 300 рублей в камену стену“. Земцев приходится, таким образом, рассматривать как одну из низших прослоек господствующего класса. Это вотчинники, а не крестьяне“. (Б. Д. Греков. Киевская Русь, Изд. 4-е АН СССР, 1944, стр. 129).

ГЛАВА XII

ИЗДАНИЯ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНИЙ ВЛАДИМИРА ВСЕВОЛОДОВИЧА МОНОМАХА, СОХРАНИВШИХСЯ В ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своимъ, названная в летописи Суздальской Поученье. Въ Санкт-Петербурге, печатано в типографии Корпуса чужестранныхъ Единоверцовъ 1793 г. Текст сочинений Мономаха с переводом на соврем. русск. язык. Труд гр. А. Н. Мусина-Пушкина (при помощи И. Н. Болтина).

Полное собрание русских летописей... Том первый, вып I, II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. [Текст сочинений Мономаха на стр. 100—107. То же см. во всех последующих изданиях Лаврентьевской летописи].

С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. II. 1852 [пересказ-перевод письма Олегу]; т. III, М., 1853, стр. 101—104, и отчасти II, стр. 38—40 [перевод-пересказ Поученья].

Chronica Nestoris. Textum Russico-Slovenicum versionem latinam Glossarium edidit Fr. Miklosich. Volumen primum textum continens. Vindobona. 1860, § LXXX, стр. 146—159, 216—220.

В I томе Monumenta Poloniae historica (1864) находится текст Несторовой летописи и ее перевод Ивана (Яна) Вагилевича на польский язык: Latopis Nestora z dodatkiem Monomacha nauki i listu do Olega, w originale i polskiem tłumaczeniu wydali i objasnili August Bielowski i Jan Wágilewicz.

Карл Яромир Эрбен (Erben) перевел „Повесть временных лет“, со включением и сочинений Мономаха на чешский язык: Nestorov letopis, Прага, 1867.¹

Александр Клеванов. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1871. [Перевод на совр. русск. язык сочинений Мономаха на стр. 137—150].

„Учебная библиотека“. Поучение детям Владимира Мономаха. С приложением Послания Мономаха к Олегу, поучений — Ксенофонта, Некогого отца, Св. Василия Великого и материалов для характеристики Мономаха. Редакция и примечания В. А. Воскресенского. СПб., 1893. Тексты Поучения и Послания и перевод сочинений Мономаха на стр. 1—22.

И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Часть первая. Поучение детям, Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901 г. Реставрация текстов и издание их с толкованиями. Приложение других поучений из летописи [Ярослава, сузд. княгини Марии, сузд. кн. Константина и поучения Ксенофонта по-гречески, с переводом Дмитрия Ростовского].

¹ Имеются еще глухие ссылки на переводы „Повести временных лет“ без указания, переведено ли в ее составе и „Поучение“ Мономаха: „Одновременно с изданием [„Повести вр. лет“] Миклошича предпринято было в Киеве издание Котковского с переводом на польский язык. В 1812 г. был сделан перевод „Повести“ на немецкий язык Иосифом Миллером в Берлине, в 1834 г. Луи Пари на французский язык в Париже, в 1849 г. на шведский язык в Гельсингфорсе..., в 1869 г. в Копенгагене Смит — на датский язык. В 1868 г. часть летописи была переведена на французский язык Луи Ложе и приложена к его докторской диссертации „О Несторе“. Им же сделан перевод всей летописи в 1884 г. В том же году вышел во Львове перевод К. Лучаковского на латинский язык. (Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. 1944 г., стр. 70, 71). И. М. Ивакин заметил: „О французском переводе [поучения Мономаха] Louis Paris можно заметить, что он изящен, но кое-где фантастичен“ (Кн. Владимир Мономах, ч. I, М., 1901, стр. 36, прим.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. Летописные и некоторые другие данные для биографии Владимира Мономаха</i>	5
<i>Глава II. Средневековая история и легенда о Владимире Мономахе</i>	34
<i>Глава III. Церковная политика Владимира Мономаха</i>	54
<i>Глава IV. Поучение Мономаха как основа его характеристики</i> . .	66
<i>Глава V. Характеристики Мономаха, принадлежащие нашим ученым</i>	71
<i>Глава VI. Место сочинений Мономаха в Лаврентьевской летописи</i> .	84
<i>Глава VII. История вопроса, когда написано Поучение Мономаха</i> .	100
<i>Глава VIII. Историко-литературное изучение Поучения Мономаха</i> .	108
<i>Глава IX. Поучение Мономаха. Текст, перевод, комментарии</i> . . .	127
<i>Глава X. Письмо Мономаха Олегу Святославичу. Текст, перевод, комментарии</i>	152
<i>Глава XI. Молитвенное обращение. Текст, перевод, комментарии</i> .	162
<i>Глава XII. Первое издание сочинений Владимира Мономаха в связи с последующими толкованиями темых мест текста</i>	170
<i>Глава XIII. Издания текста и переводы сочинений Владимира Всеволодовича Мономаха, сохранившихся в Лаврентьевской летописи</i>	188

А. С. ОРЛОВ — ВЛАДИМИР МОНОМАХ

*Печатается по постановлению
Редакционно-Издательского Совета
Академии Наук СССР.*

*

РИСО АН СССР № 2695. М. — 0920. Под-
писано к печати 1/XI 1946 г. Печ. л. 12.
Уч.-изд. л. 15. Тираж 8000. Зак. № 448.

*

Ц-я тип. Академии Наук СССР. Ленинград,
В. О., 9 л., 12.

1970 M.

